

Колдовские
МИРЫ

КОГДА НЕЛЬЗЯ НЕ ВЛЮБИТЬСЯ В ПРОТИВНИКА

ЭЛЯ РИН

ОПАСНАЯ ИГРА
С ДЕМОНОМ

18+

Annotation

Дебют яркого, запоминающегося автора Эли Рин – это история о выборе, о демонах внутри и вокруг нас, и о том, как важно правильно расставить приоритеты. Жизненная и узнаваемая история для всех читателей!

Подруги всегда считали меня «синим чулком». Заучкой и занудой, которой нужны только учебники и хорошие оценки, а парнями она совсем не интересуется. И надо же, в первый день лета у меня неожиданно появился ухажер. Он богат, красив, щедр. Он просто идеален, и, кажется, с ним сбудутся все мои мечты.

Но есть одно «но». Мне в руки попадает колода карт, от которой веет странной, опасной магией. Говорят, что с помощью этой колоды можно вызвать настоящего демона... Но ведь не может мой мужчина быть этим самым демоном? Или может?..

Впереди героиню ждут искушения красотой, музыкой, властью, опасностью и даже вкусняшками. Демонов в книге ровно пять: они из абсолютно разных мифологий и культур, но каждый по-своему безумно привлекателен.

Сюжет с интересной детективной линией, которая связана с исследованием загадочного артефакта – колоды карт, повествует также и о поиске настоящей себя. Вне шаблонов и рамок, навязанных обществом или человеческой историей.

-
- [Эля Рин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Эля Рин
Опасная игра с демоном

Пролог

Во сне я стояла и сдавала экзамен посреди огромной пустой аудитории. Почему-то абсолютно голая. Во рту у меня от волнения пересохло, по коже на груди бежали мурашки, пол под ногами был просто ледяным. А на доске прямо перед глазами висела интерактивная таблица «Двадцать основных поз из «Камасутры»». Очень, очень подробная таблица с яркими иллюстрациями, фигурки на которых двигались. Черт, это ж по какому предмету я сдаю экзамен?! Я задышала быстро-быстро, сложила руки на груди... потом дернулась и переместила одну из ладоней на лобок, в лицо бросилась кровь, и щекам стало горячо.

И тут я почувствовала, как на плечи ложатся чужие руки. Сильные руки с прохладными пальцами, от прикосновения которых у меня заледенела кожа... и потеплело внизу живота. Рядом с ухом прошелестел голос:

– Какая разница, какой экзамен ты сдаешь? Главное, что ты сдаешь его МНЕ!

Я задрожала, попыталась обернуться, но тут в аудитории погас свет. Я пискнула от неожиданности – за секунду до момента, когда незнакомец подхватил меня на руки и закружил, окончательно заставив потерять ориентацию в пространстве.

Он уронил меня в темноту, мягкую темноту, расцвеченную красными искорками. Искры касались кожи и больно жалили, а потом на месте их укусов расплывался жар. И тут же его гасили поцелуи прохладных губ.

Я ахнула, закинула голову, всхлипнула от особенно нежного поцелуя. Тут же на грудь легла тяжелая ладонь, мягко сжала сосок, пробудив внутри меня стыдную дрожь и абсолютно бесстыдный огонь. А вторая ладонь нырнула между ног и стала дразнить меня, нежно-нежно поглаживая. Легко, как будто боясь спугнуть. И одновременно уверенно, обещая неотвратимость наслаждения. Между ногами стало горячо и мокро, тьму вокруг пронзили разряды тока, кожу закололо, а тело выгнулось дугой.

– Давай-ка поглядим, что за билет тебе достался, – вновь прошептал незнакомец и прикусил мне мочку уха. Больно, остро, сладко, ах! Потеребил языком длинную сережку, позванивая ею. – Третья поза из «Камасутры». Ты хорошо подготовилась?

«Никак! Никак я не подготовилась!»

Разум убеждал кричать, вырваться и бежать прочь. Я точно помнила, что не было никакой «Камасутры» в нашем учебном плане. Но почему-то, разлепив спекшиеся губы, я прошептала:

– Да!

– Что же, пропустим теорию и перейдем сразу к практике...

Тут к моим губам прижался жадный рот. Еще мгновение – и незнакомец взял в плен язык, лишил голоса. Прикусил губу, лишил возможности двигаться. Забрал мое дыхание, забрал мой разум, и я почувствовала, как падаю в горячую пропасть, боюсь до смерти и одновременно желаю как никогда...

Тут снова зазвенела сережка на ухе. Потом еще и еще раз.

Я дернула головой... И темнота выплеснула меня наружу, оставила на смятом покрывале в обнимку с полосатой кошкой и ноутбуком. На столе надрывался смартфон.

Будильник! Черт! Я проспала, да? А как же экзамен?

Глава 1

Начинается лето

1.1

Первое июня выдалось... странным.

Мне обалденно повезло с любовью.

И одновременно страшно не повезло. Это было сокрушительное поражение.

Такое, что до сих пор немного дрожали руки. И ложечка, которой я торопливо размешивала молочную пенку на капучино, громко звенела о края чашки. Казалось, что из-за этого на меня осуждающе смотрят все официанты и посетители кафе, но потом я поднимала глаза и понимала: все в порядке. У них все в порядке. Посетители мирно сидели за столиками, пили улун и мокко, разрушали ложечками куски тортов и откусывали от круассанов. А официанты быстро пробегали по залу, балансируя подносами, и вовсе не смотрели на неудачницу меня. Которая вот уже полчаса сидела над одной чашкой кофе и страдала.

Однако по порядку.

Экзамен по общей психологии нам поставили на первое июня. Получилось очень символически. Первый экзамен в конце первого курса первого числа в первый день лета.

– Ой, да ты не о том думаешь, Лар! – пискнула подруга Женечка, когда я поделилась с ней этой «свежей» мыслью. – Совсем, блин, мало времени на подготовку дали. И у Лизы же вечеринка тридцать первого! И что теперь делать?

– В смысле? – Я сначала не очень поняла, какая связь между вечеринкой у Лизы из параллельной группы и нашим экзаменом.

– Так она ж на даче! Где-то за Люберцами! Как оттуда к девяти утра в университет? И... сменную одежду, что ли, с собой брать? Это ж тогда с сумкой лишней тащиться еще...

Она продолжала возмущаться и придумывать какие-то дурацкие идеи вроде «ничего, вызовем такси на пятерых» или «заманим туда

побольше ребят с машинами», но я уже отвлеклась. И пропускала ее слова мимо ушей. В самом деле, кто в здравом уме и трезвой памяти в ночь перед экзаменом поедет на дурацкую вечеринку вместо того, чтобы зубрить билеты?

В итоге я, конечно, туда не поехала. Хотя особо и не звали. Я ж не супер-пупер звезда потока. Не богатенький мажор. Не веселый шутник-заводи́ла. Никто, короче. А, ладно.

Я просто послала всех к черту, включая родителей, которые пытались именно в вечер перед экзаменом позвать меня на семейные посиделки к бабушке. Устроилась в своей съемной комнатке на кровати, уютно подоткнув подушку за спину. Обложи́лась учебниками, конспектом, ноутбуком, овсяным печеньем, кружкой кофе и соседской кошкой Мышкой. Та чувствовала себя одиноко, когда Женя уезжала куда-то с ночевкой, и приходила греть мне бок. И мурлыкать. Сегодня еще и умильно сопела и охотилась когтистой лапой за страничками тетради. Самое то средство, чтобы не заснуть случайно.

А я сидела и зубрила в свое удовольствие. Ощущения, восприятие, речь, эмоции, чувства... И как это некоторые ухитряются говорить, что психология скучная? Мне, наоборот, очень нравилось раскладывать по полочкам теорию и прикидывать, какие примеры из жизни хорошо ложатся на экзаменационные билеты. Правда, когда я дошла до чувств и их характеристик – примерно в четыре часа утра, – кошка Мышка так уютно засопела, свернувшись клубочком у меня под локтем, что я сама не заметила, как заснула.

И сон мне приснился прекрасный, стыдный, горячий... Совсем не такой, который я ожидала увидеть после недели непрерывной учебы. Во время зимней сессии мне снились таблицы, конспекты, билеты, буквы и лекции. А тут внезапно в одном флаконе: универ, секс, незнакомец и «Камасутра». Уфф.

А еще все до обидного быстро закончилось, оборвалось на самом интересном месте! Темнота выплеснула меня наружу, оставила на смятом покрывале в обнимку с полосатой кошкой и ноутбуком. На столе надрылся смартфон.

Будильник! Черт! Я проспала, да? А как же экзамен?

Я подскочила на кровати, отбросив обиженно возопившую Мышку, сгрэбла тетради в рюкзак и заметалась. Сначала побежала в ванную, стянула домашние штаны и футболку, влезла под душ и,

взвизгнув, крутанула кран с холодной водой. Требовалось срочно остыть, иначе я просто не дойду до университета. После такого, хм-м-м, бесстыдного сна ноги подгибались и в голове гудело.

Охладись, Лара. Давай-давай, приходи в себя.

Потом я прошлепала мокрыми босыми ногами по коридору на кухню, выхватила из холодильника бутылочку с йогуртом и рванула обратно в комнату, прихлебывая на ходу. Распахнула шкаф и зависла. Нет, проще всего было бы натянуть дежурную блузку и джинсы, но дело в том... Я потеряла горящие щеки. Мне показалось, что я узнала тот голос во сне.

Наверное, это знак судьбы.

А значит, сегодня надо быть особенно прекрасной. Время пришло.

1.2

Мне всегда нравилось рано приезжать на занятия. Пока в метро еще не так много людей, а улицы чистые и как будто умытые утренним светом. «Ранние пташки» спешат на работу, и ты быстро шагаешь по тротуару, будто обгоняя время. Прихлебываешь из термокружки кофе, щуришься навстречу новому дню, улыбаешься знакомой кошке, которая каждое утро с завидным упорством перебегает тебе дорогу. Заходишь в универ, быстро поднимаешься на нужный этаж и устраиваешься на широком подоконнике.

Пока никого нет, можно потянуться, зевнуть, повторить конспект, доделать домашнее задание, если не успела накануне, и быть во всеоружии. Променять это спокойствие на лишние полчаса сна – да никогда.

Хотя смотря какого сна... Эта мысль была единственной, что меня поддерживала, пока я сначала тряслась в набитом душном вагоне, а потом бежала от «Новослободской» к главному корпусу. Щеки горели, волосы растрепались, щиколотки то и дело подворачивались. Все дело в непривычно высоких каблуках и узкой юбке чуть выше колена. Я уже тысячу раз прокляла себя за то, что решила выпендриться и прислушаться к какому-то там голосу интуиции.

Что, Лар, прислушалась? Рада? Вот свалишься сейчас, попав каблуком в трещину на асфальте, и точно будешь готова к встрече с

судьбой!

Однако мне все же удалось без потерь добежать до универа и взобраться по лестнице на третий этаж. В коридоре перед экзаменационным кабинетом уже толпились одnogруппники. Я поморщилась, пригладила растрепавшиеся волосы и попыталась успокоить сбившееся дыхание. Наверное, буду в очереди на сдачу двадцатой какой-нибудь. Изведусь, подпирая стену, захочу пить и есть – толком позавтракать-то не удалось, переволююсь лишний раз...

Но тут мои унылые размышления прервала Женечка.

– Привет! – радостно завопила она. – Классные туфли! Хочешь зайти следующей? Мы тут это... повторяем...

Я обрадовалась и шагнула в кабинет – оттуда как раз выходил отстрелявшийся староста группы. Судя по его растерянному виду, наш «любимый» препод Павел Игнатович сегодня зверствовал.

Однако, вытянув билет, я просияла. Первый вопрос – ерунда, предмет психологии. Это я могла оттарабанить без запинки еще на вступительных экзаменах сюда. А второй – чувства. Я мечтала именно об этом вопросе, и вот он мне попался! Даже возникла на мгновение мысль пойти совсем без подготовки, а потом я скосила глаза... и передумала.

– Садитесь, Лариса, – кивнул Павел Игнатович, и я медленно, стараясь не замечать внезапную дрожь в коленях, прошла к столу и села. Всего в двух метрах от мужчины своей мечты по имени Никита. Тот сопел и что-то медленно корябал на листке бумаги.

Я уставилась в билет невидящими глазами, приложила кончики пальцев к зардевшимся щекам и улыбнулась. Все будет отлично. Сейчас мы сдадим экзамен, выйдем в коридор, я заговорю с ним... и, может, он пригласит меня в кафе? Первый сданный экзамен – отличный повод для чашки кофе. Или стакана сока. Или даже чайничка с зеленым чаем... на двоих. Я медленно выдохнула. Так, размечталась. Насмотрелась прекрасных снов.

Никита сложил руки перед собой, оперся на них подбородком, задумался и стал еще красивее, чем обычно. Хотя мне казалось – куда уж лучше? Он всегда круто выглядел. Когда забегал в аудиторию одним из последних, выдергивал из ушей наушники и долго распутывал потом ярко-зеленый провод. Когда отвечал, чуть склонив голову к плечу и улыбаясь. Когда поправлял длинную русую челку,

которая всегда падала ему на глаза. Когда просто смотрел... Эти светло-серые глаза с темным ободком. Эти четко очерченные скулы и узкая полоска губ. Эти длинные пальцы. Ммм.

С ним хотелось целоваться, стоя в обнимку на обзорной площадке на Воробьевых горах. Убегать, схватившись за руки, от поливальных машин. Смотреть на закат, сидя на крыше. Греть руки друг у друга в карманах. Нежно касаться. Губами и руками. С ним хотелось красивой, немного киношной любви. Теплой, сладкой, тягучей любви... Я сжала бедра и помотала головой, чтобы прийти в себя, не улетать мечтами слишком далеко.

А главное, у него не было девушки. В последние полтора месяца соцсети в унисон утверждали, что Никита «в поиске» или даже «в активном поиске». Возможно, надо было действовать раньше, но я сначала все не могла придумать неформальный повод, не связанный с учебой, потом начались зачеты, потом...

А, ладно. Сегодня он наконец сумеет толком разглядеть меня – не как одноклассницу, а как девушку! – и все будет замечательно. Я вновь подумала о том, что, похоже, это его голос звучал во сне, и улыбнулась.

– Никита, вы готовы отвечать? – вопрос препода гулко раскатился по аудитории.

Я посмотрела на моего... на самого прекрасного одноклассника на свете. Он теребил пальцами краешек листика, мешкал и явно не хотел никуда идти. Вот и повод, чтобы показать себя с хорошей стороны. Начать игру под названием «Очаруй прекрасного принца!»

– Простите, можно? – Я вскочила с места и махнула рукой. – Я готова! Уже готова!

– Хорошо, Лариса, идите сюда...

Павел Игнатович откинулся на спинку стула и приглашающе кивнул. Я пошла к нему и – как только смелости хватило! – подмигнула Никите. А он... он подмигнул мне в ответ! Ура!

Отвечала я просто идеально. Первый вопрос – немного сухо, однако перечислила все определения и сделала нужные уточнения, а вот во втором развернулась. Сглотнула, сцепила пальцы под столом и начала: «Говоря о сложных чувствах, я хочу привести в качестве примера любовь...»

Через пятнадцать минут я вышла в коридор, прижимая к груди зачетку с пятеркой. Голова немного кружилась, в ушах тоненько звенело: все-таки переволновалась, не умею отвечать совсем спокойно, даже если отлично знаю предмет. Мне хотелось обнимать весь мир, петь и танцевать. Как диснеевской принцессе в порыве вдохновения. Однако вместо того чтобы пуститься в пляс, отобрав швабру у какой-нибудь уборщицы и подпевая портретам ученых на стенах, я просто подошла к окну, уперлась ладонями в подоконник и улыбнулась.

Конечно, во время ответа я не просто так рассказывала про любовь. Я рассказывала для него. Для Никиты. Намекала, что отлично знаю теорию. И теперь не прочь заняться практикой. Рассказывая, по какой схеме зарождаются и развиваются чувства, я ощущала на спине его горячий взгляд. Казалось, что он вот-вот прожжет во мне дыру...

Я поправила волосы, поставила на подоконник свой кожаный рюкзачок и убрала туда зачетку. Конечно, предварительно засунув ее в пластиковую папочку формата А5, чтобы не помялась. В голове тут же прозвучал голос Женечки: «Ну ты, Лар, и зануда!» Я пожала плечами.

– Ла-а-ар? – А это уже не в голове.

Я обернулась. Женечка, которая успела подкрасться совсем близко, ткнула меня пальцем в живот. И состроила умильную мордочку, ни дать ни взять кошка Мышка. Вся в хозяйку. Или наоборот.

– Пятерка, конечно?

– Ага.

– Поздравляю! То есть ты добрая сегодня?

Я сощурилась:

– Смотря что ты называешь добротой. Если снова хочешь занять мою полку в холодильнике, то...

– Нет! – засмеялась Женечка. – У меня два вопроса.

– М-м-м?

– Во-первых, дашь конспект? Тебе ведь уже не нужен.

Конечно. Я даже не думала прятать его. Вопрос был только в том, кто из одноклассников первым попросит.

– Только, чур, вернуть в исходном виде. И не используй как шпаргалку... если его отберут...

– Да ну, что я, дура, тебя подставлять?

– А второй вопрос?

– Ты не могла бы сегодня вернуться домой попозже? – Женечка опустила глаза и заулыбалась так загадочно, что мигом превратилась из умильной кошки в таинственного сфинкса. – К родителям, там, съездить. Или к бабушке. Можно даже с ночевкой.

– Я его знаю?

Ну конечно, если Женя просит освободить общую территорию, значит, у нее случилась любовь. Очередная. Обычно я злилась на нее в такие моменты, но сегодня день был особенным. В конце концов, если мы уйдем вместе с Никитой... Кто знает, во сколько я сама вернусь домой?

– О'кей, – согласилась я. – На всю ночь пропасть не обещаю, но до полуночи точно не жди.

Ну в крайнем случае посижу в «Шоколаднице» рядом с метро.

– Спасибо! – Женечка порывисто обняла меня, отстранилась и затараторила: – Мы вот только что, на Лизиной вечеринке, зацепились. И все завертелось так быстро. И он такой классный! Ты не поверишь...

Я рассеянно кивала поверх ее плеча, глядя, как дверь аудитории открывается и оттуда выходит Никита. Вроде на вид не слишком расстроенный. Наверное, все же сдал. Он остановился на секунду, крутя головой по сторонам, высматривая кого-то... Неужели меня? Сердце замерло, пропустив один удар, потом второй, и тут Никита действительно просиял, махнул рукой и пошел к нам. Я глупо улыбалась и перебирала в голове фразы. Что... что ему сказать? Или он сам сейчас предложит пойти куда-нибудь? И мне просто согласиться? Это вот так действуют шестеренки судьбы, да? И красивые юбки на пару с каблуками? И билеты про чувства?

– Спасибо, Ларка, что выручила, – сказал он. – Прямо мысли мои прочитала.

И обнял Женечку.

– Она списать тебе помогла, да? Или что? – спросила Женечка и потерлась макушкой о его подбородок. О подбородок парня моей мечты. – Лара вообще золото. Сказала, что придет сегодня... м-м-м, попозже.

Через несколько мгновений мое сердце устало пропускать удары. Кажется, оно просто упало и разбилось об пол. Кажется, я даже слышала звон, пока его кусочки раскатывались по всему коридору. А

Никита тискал Женечкину задницу и рассказывал ей, куда сесть в аудитории, чтобы препод шпоры не запалил.

Кажется, первый раз в жизни я жалела, что не поехала на какую-то вечеринку.

За Люберцами.

В ночь перед экзаменом.

Мне хотелось разреветься прямо там, перед ними.

А еще больше хотелось, чтобы все это оказалось сном.

Или чтобы получилось хотя бы красиво уйти, сохранив достоинство.

Вместо этого я стояла там, как овца. Мямлила что-то, поздравляла Никиту с успешно заработанной тройкой, глупо хихикала, зачем-то дважды подтвердила, что буду поздно, точно-точно поздно. Даже подмигнула им. А потом позорно сбежала.

У меня получалось сдерживать слезы, ковыляя вниз по лестнице и к выходу из универа, а потом они полились градом. Я даже вытирать не стала. Медленно пошла к метро, рассеянно глядя на дома, которые выглядели теперь мрачно и загадочно, будто обработанные блюром. Взгляд сквозь слезы превращал привычный мир в странный и немного нереальный. Я всхлипнула. Мне хотелось есть, пить, забыться, вернуться домой и есть мороженое из большой миски, закутавшись в теплый плед.

Но в съемную квартиру я сама обещала пока не возвращаться.

Если поехать к родителям, мама сразу поймет, что с настроением у меня что-то не то, и не успокоится, пока клещами не вытащит объяснение.

А к бабушке просто не хотелось тащить свое горе.

Тут на меня чуть не налетел курьер на самокате. Выругался, даже махнул кулаком, будто это не он, а я летела со всей скорости – по тротуару! Он для пешеходов сделан вообще-то!

Я отшатнулась и задышала часто-часто, будто вытащенная на берег рыба.

Так, Лара. Хватит. Еще истерики тебе не хватало, прямо на улице. Прилюдно, как сказала бы бабушка.

Я вытащила из рюкзака пачку салфеток и наконец вытерла слезы. Вслухнула. Подняла глаза и уставилась в окно кафе, рядом с которым меня чуть не сбил этот придурок.

Нет, я и раньше ходила тут, каждый день, с учебы и на учебу. И даже пару раз восхищалась, какой здесь классный декоратор работает. Под Новый год за стеклом сидели невообразимо уютные и милые плюшевые медведи, которых так и хотелось потискать. А весной вместо них появились ветви цветущей сакуры – искусственные, ясное дело! – и большеглазые изящные куклы в шелковых кимоно. Они манили и будто обещали, что внутри будет красиво, вкусно и хорошо. Я даже пару раз хотела зайти, но было жалко денег. Мой ежедневный выбор – кофе в термокружке. Сваренный дома, с корицей и темным сахаром мусковадо. Очень вкусно и, главное, дешево. Тут же небось чашка эспрессо за триста, а десертов дешевле пятисот рублей в меню нет. Явно не по карману студентке первого курса, за съемную квартиру которой платят родители, а основной источник дохода – «гигантская» повышенная стипендия. И рефераты на заказ.

Но сегодня, в первый день лета, кафе превратилось в сказочный сад.

За окном висело несколько клеток. Внутри по разноцветным жердочкам прыгали маленькие серые птички – неужели соловьи?! На столиках красовались маленькие букетики полевых цветов, вместо скатертей расстелили вязаные ажурные салфетки. Деревянная мебель, покрытая будто облупившейся от времени белой краской, светлые деревянные балки под потолком, вазочки с черешней рядом с каждым посетителем – бери не хочу. Казалось, это веранда какой-то русской дачи девятнадцатого века. Там пахнет цветами из сада, вареньем, свежей выпечкой. В кустах поют птицы, девушки смеются и обсуждают бал в соседней усадьбе, а мужчины собираются на охоту...

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение. А потом подумала – почему бы нет? Ты ждала особого случая, чтобы сюда зайти? Так вот же он. Победа в любви и поражение в любви. Отлично начатая сессия и разбитое сердце. Кто знает, может, дорогие десерты помогают забыться лучше, чем килограммовый брикет самого дешевого сливочного мороженого, заботливо припрятанный в морозилке? Ну потратишь тысячу. И будешь потом печалиться о потерянных деньгах, а не о потерянной подруге и несбывшейся мечте. Я вздохнула, еще раз промокнула глаза и решительно шагнула на крыльцо.

Нежно звякнул колокольчик над дверью.

Я покрепче сжала лямки рюкзака в почему-то вспотевшей ладони и спросила милую девушку-администратора:

– Есть свободный столик у окна?.. Можно самый маленький. Я буду одна.

1.4

Меню оказалось произведением искусства. Глядя на фото удивительных десертов, хотелось срочно скупить их все. Первую страницу, вторую и половину третьей. Зато при взгляде на цены хотелось бежать отсюда без оглядки.

В итоге, когда возле моего локтя вырос официант в молочно-белой рубашке и отглаженных брюках, в длинном, обманчиво небрежно повязанном переднике с эмблемой кафе, я попросила только капучино. Правда, большую кружку. И зачем-то добавила, возвращая меню: «Я на диете».

Официант кивнул, улыбнулся так, будто я сделала заказ тысяч на пять как минимум, и послушно испарился. Вернулся через минуту, поставил передо мной стеклянную пузатую сахарницу, положил длинные блестящие щипцы для сахара. А потом, как фокусник, извлек откуда-то из-за спины миску с черешней и пододвинул ко мне.

– Комплимент от нашего кафе в честь первого дня лета! И это тоже.

Положил маленькое блюдечко, а на нем – печенье с предсказанием. Я улыбнулась и не успела сказать «спасибо», как его и след простыл. Да уж. Это вам не сетевая кафешка в Отрадном, где тебя то не замечают, когда официант нужен, то, наоборот, слишком настойчиво замечают, когда ты хочешь растянуть чашку кофе на подольше.

Я раскусила печенье на две части, подцепила ногтем и вытянула наружу длинную бумажку, слизнула с пальцев сладкие крошки и развернула предсказание...

«Ваш сон обязательно сбудется».

Это что, шутка какая-то? Розыгрыш?

Я так подозрительно смотрела на официанта, который принес мне капучино, что он спросил:

– Вам помочь чем-нибудь?

– Нет, спасибо.

Я подцепила щипцами кубик коричневого сахара, бросила его в белую пену и начала быстро-быстро мешать кофе. Внутри меня было поровну расстройства, волнения и смущения. Хотя, если здраво поразмыслить, никто понятия не имеет, что мне там снилось. Да что угодно. Я же не докладываю ежедневно о своих снах в блоге под тегом «ночная жизнь». Не болтаю о них с подружками. Да что там, даже кошке Мышке сегодня не перепало ни полслова о том, что... или кто явился мне между четырьмя и восемью утра.

Так что это просто совпадение.

Но по-настоящему меня начало отпускать только через полчаса. Я отпила всего полкружки капучино, то и дело помешивая пенку длинной тяжелой ложечкой и бездумно скролля ленту друзей в инстаграме. Просто не знала, куда деть руки. А потом стало спокойнее. В зале играла приятная негромкая музыка, пахло, как на шоколадной фабрике, черешня от шефа была сладкой и сочной, официанты не стремились прогнать меня из-за удобного столика у окна... То, что надо измученной душе. Я медленно выдохнула, отложила смартфон в сторону, заказала еще один капучино – гулять так гулять! – и сэндвич с говядиной, вялеными томатами и инжиром. Никогда не пробовала такое сочетание.

Пока ждала еду, рассматривала людей за соседними столиками. На одежде у них не висело ценников, на запястьях не было дорогущих часов, запонок и подвесок с бриллиантами тоже не наблюдалось... но все равно с первого же взгляда было ясно: публика тут не самая простая. И дело не во внешней обертке. То, как они уверенно двигались, спокойно заказывали, не обращая внимания на цены в меню, расплачивались, не заглядывая в счет... Да, на террасе дворянской усадьбы они бы смотрелись как родные. С одной стороны, это действовало умиротворяюще, с другой – мне вроде как полагалось смущаться и не знать, куда деть под столом ноги в дешевых туфлях. Но я отловила эту мысль на подлете и сразу прогнала. Хватит на сегодня дурацкой рефлексии. Один повод пострадать уже есть, не надо добавлять новые.

– Простите, тут не занято?

Я вздрогнула и подняла глаза. Рядом с моим столиком стояла умопомрачительно красивая женщина в шелковом персиковом костюме, в туфлях телесного цвета, подозрительно похожих на лабутены, и с вместительной кожаной сумкой – ручки, как у любимых баулов моей бабули, и симпатичный ремешок с продолговатой пряжкой-застежкой. Но главное – взгляд. Одновременно загнанный, умоляющий, смеющийся – и абсолютно безумный. Если бы человек с такими глазами заговорил со мной на улице или в метро, я бы сразу развернулась и сбежала.

Но тут... Я замялась, не зная, что ответить.

– Мой друг задерживается, – продолжила незнакомка, заправила за ухо прядь волос и попыталась улыбнуться. Надо сказать, получилось не слишком достоверно. – И заказанный столик почему-то пока не готов... Понимаете, я не отниму у вас много времени.

Тут мне стало стыдно. Может, у человека горе случилось. Ведь просто так к незнакомым людям обычно за столик не просят.

– Садитесь, конечно.

– Спасибо! – Она опустилась на стул так быстро, будто только что была марионеткой и вдруг разом оборвала все веревочки, которые удерживали ее в вертикальном положении.

Сбоку тут же нарисовался официант.

– «Пылающий Ламборджини», – улыбнулась ему женщина уголком рта. – Или нет, подождите. Два «Ламборджини». И повторите, пожалуйста, кофе девушке за мой счет. С вашим фирменным десертом. Вы ели «Рафинад»?

Я не сразу поняла, что это уже меня спрашивают. А когда она повторила, молча покачала головой, все еще не понимая, как относиться к неожиданной компании. Расплатиться по счету и уйти как можно быстрее или остаться?..

– О-о-о, вы обязательно должны его попробовать. Выглядит как пиала с кусковым сахаром, ничего особенного, но внутри... Впрочем, сейчас сами узнаете.

– Почему вы меня угощаете? – в итоге я решила не додумывать странного, а спросить в лоб.

– Потому что вы мне очень помогли. – Женщина провела пальцами по лбу, потом вытянула руку перед собой и уставилась на

дрожащие пальцы. – Или поможете.

– Чем?

Женщина, прищурившись, посмотрела мне в лицо и полезла к себе в сумку. Выудила оттуда небольшой сверток, зашелестела папиросной бумагой, положила на салфетку перед собой черно-красный «кирпичик».

– Хотите посмотреть?

– Что это? – Хотя, приглядевшись повнимательнее, я уже поняла, что это колода карт. Что-то вроде Таро, с замысловатым рисунком на рубашке. Но абсолютно не понимала, куда катится логика происходящего. Это что, гадалка? Вот так вот ищет клиентов в дорогом кафе? Или цыганка? Обдерет меня сейчас до нитки, загипнотизирует, и вернусь я домой босиком в полночь, как и обещано, не помня, где и как осталась без кошелька и проездного на метро.

– Что это? – повторила она. Потом уставилась мне в глаза и усмехнулась. – Это же ваш сон. Не узнаете?

1.5

У меня всегда было плохо с ответами на подобные вопросы. То есть сами ответы получались иногда очень неплохие, остроумные и меткие, но придумывала я их с запозданием на несколько часов. Так бывает – ведешь-ведешь диалог внутри головы, споришь с воображаемым собеседником, а настоящий уже и забыл о тебе.

Вот и сейчас я молча уставилась на собеседницу, не решаясь озвучить ту сумятицу из глупостей, которые тут же пришли на ум. Яростно жевала сэндвич, который внезапно стал совсем безвкусным, как резина, и думала: оставить деньги, вскочить и уйти прямо сейчас? Или все же попросить счет?

Женщина покачала головой.

– Считаете меня сумасшедшей, да? Глядите сами.

И быстрым, ловким движением подхватила несколько карт сверху колоды, перевернула их и веером бросила передо мной на стол.

Сначала мне показалось, что это стилизованные фотографии мужчин. Просто красивых мужчин. Но потом я взгляделась повнимательнее и... пропала.

Будто кто-то забрался мне в голову, изучил все страхи, мечты и симпатии, все сны и мысли – и материализовал их здесь, передо мной. Вот так я всегда представляла себе прекрасного принца из сказки. А вот так – коварного соблазнителя и женского угодника, когда тайком читала «Декамерон» из родительской библиотеки. А вот этот похож на мою первую любовь, только красивее и обаятельнее, если это вообще возможно. У этого в глазах пляшут искорки и бесенята, обещая самый веселый и головокружительный роман. А вот этот...

Я задохнулась. Показалось на миг, что это я превратилась в мужчину и посмотрела на себя в карманное зеркальце. Или это мой брат-близнец из параллельного мира? Знакомый с первого взгляда и до последней детали. Тот, кто всегда поймет, прочитает мысли и никогда, никогда не поранит сердце досадным несовпадением, неловкостью или подлостью. Который будет любить и беречь так, как я сама никогда не...

В носу защипало, в горле будто застрял комок. Я сглотнула и отвернулась к окну. Еще заплакать не хватало... а когда через пару мгновений перевела взгляд обратно, карт на моей стороне стола уже не было. Более того. Я вмиг поняла, что не могу вспомнить ни одно из лиц, которые только что лежали тут, передо мной. Только что они были такими близкими, знакомыми, ясными. Казалось: закрой глаза, и образы их будут гореть огнем на внутренней стороне век. А теперь – ничего. Как будто морок навели.

Но теперь я просто не могла заставить себя встать и уйти, не узнав, что это за карты.

– Ага, – задумчиво протянула женщина, будто прочитав эту мысль у меня на лице. – Вот теперь мы сможем поговорить содержательно. Я Ольга.

– Очень приятно. – Ведь необязательно же представляться в ответ, если тебе навязывают общение? Тем более что «приятно» было не совсем правдой.

– Вам до смерти хочется снова взглянуть на них. Как минимум. Или даже узнать, кто это, – констатировала Ольга, поглаживая карты, снова уложенные в идеально ровную колоду, кончиком пальца. У нее был безупречный маникюр «френч», узкое изящное запястье и кое-как замазанные тональником глубокие царапины на тыльной стороне ладони. – Могу устроить встречу.

Замолчала и выжидающе уставилась на меня. Но я изо всех сил держала паузу и делала вид, что не очень-то и хотелось. И ни капли не любопытно. Будто я каждый день хожу в дорогие кафе, встречаюсь с местными сумасшедшими и получаю предложения... э-э-э... своднического характера.

– Я могу вам отдать колоду, – промурлыкала Ольга, и пальцы у нее задрожали. – После пары формальностей.

– Что за формальности?

– Да так. Мелочи. Первое. Эти карты вызывают демонов. Второе. Отдать колоду просто так не получится. Или избавиться от нее. Надо, чтобы ее попросили. И...

Тут Ольга хищно улыбнулась.

– Нужно, чтобы демоны сами были не против на вас посмотреть.

– А они не против? – Bravo, Лара. Гений ведения безумных бесед. Конечно, это именно тот вопрос, который уместно было задать в данной ситуации.

Однако Ольгу он ничуть не удивил.

– Вы сегодня ночью видели сон с той стороны. Были на грани. Это... – Она замялась, подбирая слова. – Видно. То есть не то чтобы видно, сложно объяснить... просто чувствуется. А еще вы расстроены. Вам хочется то ли поменять все, то ли исправить, то ли выбрать другую дорогу. Когда колесо судьбы поворачивается... скрип слышен особенно хорошо.

О-хо-хо. Все-таки эзотерика. Сейчас начнет впаривать какие-нибудь курсы по обретению себя. Или сборники тайных мантр.

– Что. Вам. От меня. Нужно?

– Попросите у меня колоду.

– Чтобы вы потом мне сказали «С вас тысяча евро»?

– Нет!

– Сектанты всегда так говорят.

– Какие сектанты?

– Ну мошенники.

Тут она засмеялась. Так заразительно, что я тоже невольно улыбнулась.

– То есть вы решили, что я, как эти... раздающие брошюры? «Возьмите сборник философских мыслей нашего духовного отца и заплатите сколько можете?»

Тем временем рядом со столиком снова материализовался официант. Поставил передо мной пиалу с маленькими белыми кубиками пирожных. А рядом с Ольгой – два коктейля. Вытащил из кармана зажигалку, провел рукой над бокалами – и над ними заплясали синеватые язычки пламени. Ольга взяла один и выпила медленно, не меняясь в лице, как будто там не абсент полыхал, а плескался яблочный сок. Было в этом что-то странное, ненормальное. Неправильное. Я все больше чувствовала себя героиней дурацкого кино. Только скрытой камеры за углом не хватало для полного комплекта.

– Сделайте, пожалуйста, один счет на наш стол. – Ольга тем временем достала из сумки какую-то карточку – наверное, скидочную – и протягивала официанту. – Я заплачу за подругу.

Какая я ей подруга?

Возможно, стоило просто не допивать кофе, отодвинуть десерт, встать и уйти. Но любопытство крепко держало меня на поводке. На двух поводках.

Я взяла маленький белый кубик и сунула в рот. Прозрачная карамельная корочка хрустнула. Внутри оказался сливочно-ванильный крем с нежным цветочным привкусом. Как будто ешь лепестки роз. А в середине – клюквенная сердцевинка. С корицей. Все вместе невозможно вкусно.

– Давайте. – Я протянула руку. Раз уж десерт попробовала, то можно и на карты внимательнее посмотреть. Хлеб и зрелища. Отличное сочетание.

Ольга изменилась в лице. Разные эмоции быстро сменяли друг друга, я даже не могла их точно уловить и истолковать, хотя обычно прекрасно «читала» других людей. Ужас? Радость? Облегчение? Злорадство? Боль? Зависть? Она быстро подхватила колоду и перекинула ее на мою сторону стола. Так, будто та обжигала пальцы.

– Держите! – И Ольга опрокинула второй коктейль, уже почти погасший. – Теперь она ваша.

– Я просто взгляну... – Я попыталась поднять верхнюю карту, но она держалась как приклеенная. Так вот почему колода выглядела такой ровной. Должно быть, это какой-то предмет из реквизита для фокусов. – А есть инструкция, как ею пользоваться?

– Есть два основных момента. – Ольга откинулась на спинку стула и сложила руки на груди. – Когда демон надоест, можно самой порвать карту. Это его уничтожит, и следующий появится не раньше, чем через сутки. А еще можно вызвать следующего, не убивая предыдущего. Тогда они будут за вас... – Она высунула язык и медленно облизнула губы. – Драться.

Все-таки сумасшедшая. Так, Лара, уходим отсюда. Хватит. Ну, почти хватит.

– Я имела в виду, как отлепить карту от колоды. А не вызовы всяких демонов.

– Хочу тебя видеть.

– Что?

– Просто скажите: «Хочу тебя видеть».

Чувствуя себя невообразимо глупо, я сказала:

– Хочу тебя видеть.

Подцепила карту, перевернула и уставилась на пустое белое поле.

– И где фото?

– Вы же его вызвали. – Теперь Ольга откровенно злорадно улыбалась, раскачиваясь на стуле. – Зачем вам фото? Скоро встретитесь вживую.

Ладно, этот день принес уже достаточно «приятных» сюрпризов. Теперь вот еще стала объектом глупой шутки. Или розыгрыша. Или чужого спора. Достаточно.

Я быстро встала, подхватила рюкзачок и, оставив на столе карты и почти нетронутый десерт – вот его было по-настоящему жалко! – развернулась и пошла к выходу.

– Спасибо! – крикнули мне в спину.

Но я, не оглянувшись, вышла из кафе и быстро зашагала к метро.

Глава 2

Влад

2.1

Хотя кому я вру? Конечно, я оглянулась несколько раз – отойдя на безопасное расстояние. Но меня никто не преследовал. Ни официанты с криком: «Эй, вы не заплатили по счету!» Ни странная Ольга с еще каким-нибудь дурацким заклинанием. Ни рогатые-крылатые существа, которых на самом деле не существует, но некоторые почему-то думают иначе. Ни съемочная группа из передачи про приколы. Так что я выдохнула, немного успокоилась и пошла медленнее. Ноги уже болели от сегодняшних забегов на каблуках, а ведь мне до позднего вечера придется где-то болтаться...

Стратегически разумным выглядело немедленно доехать до Отрадного и выбрать самое близкое к дому кафе. Там до бесконечности растягивать один чайник с чаем и какую-нибудь несчастную пироженку, ловить раздраженные взгляды персонала, а если найдется розетка, чтобы зарядить телефон, – даже провести время не совсем бесполезно. Только вот мне не хотелось перебивать сказочное впечатление от места с волшебными десертами и чудесным кофе. Пусть даже подпорченное эзотериками-шарлатанами.

Может, найти какое-нибудь антикафе с почасовой оплатой здесь, в центре? В конце концов, стараниями Ольги я сэкономила. Там на меня точно не будут смотреть «выгоняющими» взглядами. А если повезет найти незанятый уютный уголок с мягким пуфиком или диванчиком, то я смогу снять туфли и забраться с ногами на сиденье. И настроение улучшится! Не может же оно не улучшиться?

Поэтому я замерла на секунду перед станцией метро, а потом решительно повернула и направилась к Садовому кольцу.

Мимо проехала поливальная машина. Я засмотрелась на маленькую радугу над мостовой и улыбнулась. И, наверное, потеряла концентрацию – потому что обычно я смотрю под ноги, очень внимательно смотрю! – угодила каблуком в глубокую трещину на

асфальте, вскрикнула от боли в щиколотке, замахала руками, чтобы не упасть, но в итоге все равно шлепнулась на попу. С размаху, в светлой юбке на тротуар. И тут же в меня сбоку еще кто-то врезался и уронил стаканчик с горячим кофе. Хорошо, что на асфальт рядом, а не мне на голову.

– Простите!

– Простите!

Я потянулась к туфле-предательнице, а через мои коленки к упавшему стаканчику потянулась чужая рука. Дурацкая ситуация, будто в женском романе. Но через мгновение я поняла, что нет, не в романе. В сказке. Тут у нас была сцена из «Золушки».

На туфле лопнул ремешок. На самом деле он меня спас: если бы выдержал, я бы наверняка серьезно подвернула ногу. А так – для проверки пошевелила ступней – было чуть больно, но вполне терпимо. Зато каблук треснул и наполовину оторвался от подошвы. Выглядело это довольно печально. Я мигом представила, как придется ковылять до дома в этом вот недоразумении, и расстроилась. Было жалко себя, жалко туфли, а еще некстати явилась гаденькая мысль. Если бы ты, Лара, не стремилась прихорошиться и распушить хвост перед Никитой, ничего бы не случилось. Так что сама виновата.

– Это я виноват, – сказал кто-то рядом. Низким-низким голосом, я раньше думала, что такие только в опере бывают. А в реальной жизни певцами не используются.

Тут я наконец подняла глаза.

Рядом со мной сидел на корточках и комкал в руках пустой стаканчик из-под кофе обалденно красивый мужчина. Такие мне близко тоже раньше не встречались. Только в опере или мюзиклах, в роли трагических романтических персонажей. Как, например, Тибальт в венгерской постановке «Ромео и Джульетты». С такими иссиня-черными волосами, красиво падающими на лоб, с таким орлиным носом, резко очерченными губами и острым подбородком логично петь со сцены о любви и смертельной вражде. А вот сталкиваться с неловкими девушками и разливать кофе на тротуар – нелогично.

– Вам помочь? – Он уже поднялся и протягивал мне руку.

Я уцепилась за узкую ладонь с длинными прохладными пальцами и кое-как встала. Какая-нибудь звезда потока Лиза сказала бы, что теперь я похожа на чучело. В одной туфле и с грязно-пыльным пятном

на юбке сзади. Отличный аккорд судьбы в копилку такого разнообразного дня!

– Я виноват, – повторил он. – Налетел на вас. Ушиб. Чуть было не пролил на вас кофе.

– Ничего страшного. – Я всегда неловко себя чувствую, когда начинаются вот такие словесные реверансы. Но что поделаешь, надо соблюдать социальный этикет. Даже если объект высказывания больше в жизни никогда тебе не встретится.

– Я Влад, – улыбнулся он, все еще держа меня за руку. Хотя необходимости в этом вроде как уже и не было. – Вы не против, если я вас провожу? Ну, чтобы загладить свою вину.

2.2

Наверное, каждая девочка мечтала хоть раз в жизни встретить на улице прекрасного принца. Столкнуться с ним нос к носу, встретиться взглядами, почувствовать неотвратимость любви и получить предложение. Сначала просто проводить до дома, потом встречаться, через некоторое время – руки и сердца. А потом жить вместе долго и счастливо.

Однако подвох реальной жизни в том, что мечтаешь ты о стройном красавце, тайном миллионере с высоким айкью и интересными хобби. Ну или хотя бы о том симпатичном парне из параллельного класса. А получаешь подобные предложения исключительно от подвыпивших и оттого чрезмерно уверенных в себе калдырей, прыщавых гопников и прочих элементов, от которых бежать хочется, сверкая пятками. Поэтому к окончанию школы я научилась с независимым видом отшивать таких парней, делая вид, что мне ни чуточки не страшно и не противно, уваливать от «роскошных» предложений выпить вместе «Балтику-девятку» за гаражами и не ходить домой темными дворами. И не верить в возможность сказки наяву.

Так что вопрос Влада застал меня врасплох.

Одна часть меня просто растаяла от восторга и готова была срочно согласиться. Потому что он был очень, очень в моем вкусе, не пьяный, не маргинал и не выглядел сумасшедшим.

Но другая, подозрительная часть сразу породила кучу вопросов. А вдруг он маньяк? Что ему вообще от меня нужно? Может, не надо с ним знакомиться, а? Столкновение на улице – тоже мне, повод для сближения. Лара, ты ж его совсем не знаешь!

– Проводить? – переспросила я и осторожно вытянула пальцы из его ладони. – Я в антикафе шла и...

– Тут недалеко? – перебил он. – Давайте на такси подброшу? Все равно собирался вызывать себе...

– Да, спасибо! – Тут я немного расслабилась. Такси – это не личный автомобиль, не так опасно. – Я пока гляну, где тут ближайшее.

– Хорошо. – Влад отступил на пару шагов, смерил меня длинным взглядом, прищурился. – Еще вам, кажется, нужны новые туфли.

– Нет!

Я отказалась на автомате. «Заруби себе на носу, Лара, – говорила бабушка. – Никаких дорогих подарков от кавалеров!» Звучит как руководство для юной девушки из каких-нибудь «Унесенных ветром», но, на мой взгляд, актуально и в наши дни. Права была бабуля. Не люблю думать, что меня покупают. Или подкупают. Хотя подарки люблю. Вот ведь парадокс.

– Нужны, – повторил он. – Но вы не хотите меня затруднять, так? И быть обязанной?

– Да. – Ишь ты, как будто мысли прочитал. – То есть нет. Не хочу.

– Хорошо, – пожал он плечами. – Тогда не буду вас смущать сейчас. Кстати, вот и такси.

Он подал мне руку, помог доковылять до машины, заботливо подержал дверцу, пока я забиралась на заднее сиденье, а сам устроился на переднем. Спросил у меня адрес – тут оказалось совсем недалеко, на Малой Дмитровке. Попросил водителя сделать музыку погромче. Играл какой-то приятный соул, пробок, на удивление, почти не было, и мы добрались до места всего за несколько минут.

Я сама толкнула дверь и выбралась, прежде чем Влад успел мне помочь, улыбнулась ему и пошла к подъезду, над которым переливалась вывеска «Антикафе: 66 секунд». Ну вот, а ты боялась, Лара. Даже телефон не спросил...

– Подождите! – Он догнал меня уже на ступеньках. – Простите еще раз!

Я обернулась.

– Вы так и не сказали, как вас зовут. – Влад обезоруживающе улыбнулся и протянул мне визитку. – И вот, на случай, если захотите мне позвонить. Или написать. Мне было бы приятно встретиться за чашкой кофе не так, как у нас уже получилось. Бух-бумс, все сломалось и разлилось. Я знаю пару мест, где готовят очень вкусный капучино. Или если предпочитаете чай – чайный дом тоже на примете есть. Там, кстати, можно пить маття в гамаке – на втором ярусе над общим залом...

– Спасибо. – Я взяла визитку и, не глядя, сунула в карман юбки. Вот сейчас найду столик поудобнее, устроюсь и тогда уже изучу, что это за Влад такой. – Я Лара.

Он молча отступил на шаг, шутливо поклонился и ушел к машине. Я смотрела вслед и глупо улыбалась.

А через полчаса ко мне подошла администратор антикафе с большим пакетом в руках.

– Лариса? – уточнила она.

– Да... – Я подняла взгляд от визитки. Уже раз третий я доставала и разглядывала черный бархатистый прямоугольничек, который сообщал, что Влад Зорин поет в московском театре «Новая опера» – наверняка трагические и романтические партии! – а также обладает крутым номером телефона с пятью единицами подряд и красивым ником в телеграме: @cavalier.

В промежутках между изучением визитки я пила мятный чай, заедала его печеньем курабье и раздумывала, стоит ли написать прекрасному рыцарю сегодня. Или завтра. И вообще – стоит ли? Хотя кого я обманываю...

– Тут вам доставка из интернет-магазина.

Поставила пакет рядом с диванчиком, прежде чем я успела удивиться или отказаться, и ушла к себе за стойку.

Я пожалала плечами – должно быть, ошибка, мало ли людей с таким именем могут находиться здесь и сейчас? Заглянула в пакет, там же должна быть фамилия на чеке... Вытащила бланк заказа. Оформлен он был на Зорина В., состоял из двух вещей: босоножек и юбки от Гуччи. А потом я посмотрела на сумму заказа и подавилась печеньем.

Вернулась домой я, как и обещала, поздно. В новых туфлях, которые стоили как двадцать восемь моих повышенных стипендий. И в новой юбке – тридцать четыре с половиной стипендии. И еще с обнаруженной там же, в пакете, милой открыткой, подписанной просто: «Ларе!:)» В прихожей меня встретила кошка Мышка, принялась шумно урчать, тереться о ноги, не давая толком разуться, и тыкать носом в колени. Хотя раньше она вела себя куда сдержаннее. Я наклонилась, почесала ее за ушком и прошептала: «Что, тебя тоже восхитили обновки?»

В ответ Мышка приняла независимый и гордый вид. Совсем как я несколько часов назад.

После того как печенье все-таки проглотилось, а первый шок прошел, я, естественно, попыталась отказаться от подарка. Добавила номер в контакты, зашла в телеграм и быстро-быстро – неужели боялась передумать? – написала:

«Привет! Мне очень приятно. Но я не могу позволить себе принять такие дорогие вещи. Их можно как-то вернуть обратно в магазин?»

Через две минуты, которые показались мне очень-очень длинными, пришел ответ:

«Привет. Если тебе не нравится, то можешь просто оставить их где-нибудь».

«Я не могу».

«Почему?»

«Ты же старался, платил за них деньги!»

«Именно. Старался и платил за них деньги. Потому что это я мог себе позволить. Зато позволить чувствовать себя обязанным – никак не мог».

«Мне и вправду неудобно...»

«Неудобно без каблука по эскалаторам бегать. Или в рваной юбке по улице идти».

Тут я ахнула, прервала наш диалог и побежала в туалет. Конечно, по закону подлости все так и было. Юбка не только испачкалась, но и треснула по шву, а я, курица, этого и не заметила. Гордо шла в рванье. Ладно, на самом деле не совсем гордо, а прикрыв стратегически важные места рюкзачком, но все равно.

А Влад, получается, сразу это увидел, но ничего мне не сказал. Повел себя не по-джентльменски. Или, наоборот, по-джентльменски? Что-то я запуталась.

«Понимаешь, я просто не хочу думать, что чем-то тебе обязана».

«Ты ничем мне не обязана. Наоборот, это я обязан тебе. И сделал ровно то, что должен сделать нормальный мужчина в такой ситуации».

Даже не заметила, в какой момент мы перешли на «ты». Но это казалось почему-то совсем не важным.

От его сообщений веяло спокойствием, уверенностью и какой-то... м-м-м... силой, что ли. Казалось, он точно знал, что делал. И точно знал, что сказать, чтобы не смущать меня лишний раз.

«Можно, я примерю?»

«Конечно, они же твои».

«Спасибо!»

«Надеюсь, они тебе подойдут и понравятся».

Вот так. И никаких пошлых предложений «пришли мне фото в этой юбочке, желательна ракурс снизу».

Но самым удивительным оказалось в итоге не это. И не сам факт подарка. Не зная моего размера обуви, без примерки, Влад ухитрился заказать босоножки нежно-жемчужного цвета, которые идеально мне подошли. До миллиметра. Мне, которая каждый раз маялась перед походом в магазин, потому что знала: придется перепробовать пар двадцать и купить в итоге совсем не то, что действительно понравилось на вид, а то, что просто хоть как-то сгодилось.

Я встала и сделала несколько шагов. Каблук, пожалуй, чуть высоковат, но зато колодка была очень удобной. Ремешки мягко обхватывали пальцы и щиколотку, нигде ничего не царапало и не натирало. Вот это я понимаю, башмачки от феи-крестной! То есть от красавца-певца.

После этого чуда идеально севшая молочно-бежевая трикотажная юбка даже не показалась такой удивительной. Всего лишь волшебной. Она была как-то так хитро скроена, что удлиняла ноги, придавала бедрам соблазнительный изгиб, уменьшала талию и округляла попу. Пожалуй, теперь, глядя на себя в маленькое зеркало в туалете антикафе, я первый раз в жизни по-настоящему поняла, зачем люди покупают дорогие брендовые вещи. Красиво, удобно и – главное! – индивидуально волшебю. Кажется, что их делали специально для

тебя, а не для какой-нибудь китайской модели, рекламирующей шмотки на «Алиэкспрессе», с бессовестно худыми руками, ногами и талией, плоскими ягодицами и таким размером XL, что ты в него ни за что не влезешь, как ни старайся.

Это оказалась хитрая ловушка. Невозможно, просто физически невозможно отказаться от обуви и одежды, которая ТАК тебе идет. Тем более что альтернатива выглядела довольно пугающей. В одной туфле по эскалаторам? В рваной юбке в такси?.. День и так выдался слишком нервным. Наверное, у меня просто закончились душевные силы, чтобы сопротивляться, изумляться, отказываться, соблюдать приличия... Но я просто написала еще раз:

«Спасибо!»

«Я рад», – ответил Влад через пару минут.

Ох, бабуля бы меня точно не одобрила!

Зато Женечка одобрила за двоих. Когда я вернулась, она высунулась из своей комнаты и затараторила:

– Там бокалы и чашки на кухне, я убрать не успела, но ты не кричи, я уберу, и еще мороженого мы тебе потом купим, просто вдруг захотелось, а я знала – у тебя есть... О-о-о, какие туфли, круто-круто! Нереально круто! И юбка! Тебе страшно идет! Мама купила?

В любой другой день я бы начала возмущаться по поводу бардака на кухонном столе и съеденного мороженого, а потом похвасталась бы новым знакомством и обсудила бы внезапную встречу «от и до», но сегодня я просто ответила:

– Да. Мама. Я спать.

И действительно прошла в свою комнату, кое-как разделась, зевая изо всех сил, кинула рюкзак на стол, одежду – на спинку стула, пообещала сама себе, что только минуточку полежу, а потом пойду умываться и чистить зубы... И отключилась.

Снилось мне в эту ночь... ничего.

2.4

Наутро вчерашний день показался мне зыбким и нереальным, словно придуманным. Как будто жизнь прокатила меня на

американских горках: взлет – падение, победа – поражение, разочарование – новое знакомство, потери – подарки...

Я поздно вышла на кухню, часов в десять, но остальные обитатели квартиры еще спали. Не было видно ни Мышки, ни Женечки. И я, признаться, была рада этому. Насыпала мюсли в глубокую синюю миску, залила их миндальным молоком и уселась на подоконник, чтобы завтракать с видом на улицу Мусоргского и промзону. И наслаждаться. До следующего экзамена еще несколько дней, погода по-настоящему летняя, на небе ни облачка – что еще нужно для счастья?

На столе звякнул телефон. Я тут же пообещала себе, что сначала закончу завтрак, а после уже пойду посмотреть, кто там... Но потом съела две ложки, решила, что больше не хочу, и быстро соскользнула с подоконника. Надо срочно проверить, не вчерашний ли красавец желает доброго утра?

Однако сообщение было не от Влада.

«Привет! Слушай, не могу Жене дозвониться. Я, походу, у вас плеер оставил. Можешь проверить, нет его в прихожей? Или на кухне? Никита».

Ой-ой-ой. Как мило. Вчера после экзамена я думала, что любовь разбита и сердце мое вместе с ней... А тут читаю сообщение от бывшего мужчины мечты и ловлю себя на мысли, что даже плакать не хочется. Ну разве что чуть-чуть. Образ Никиты, мои мечты и чаяния и влюбленность эта глупая поблекли и будто отодвинулись на второй план. С одной стороны, это здорово. Есть надежда сохранить дружбу с Женечкой и не предаваться душевным метаниям. С другой стороны, это что же, получается, все эти чувства были пшиком? Придуманной красивой иллюзией, которая лопнула как мыльный пузырь, стоило ей столкнуться с реальной действительностью? М-да, Лара, любишь ты строить воздушные замки – вот так бы сказала бабушка. И обязательно в довесок выдала бы огромную кружку горячего какао с молоком, «для того чтобы дырочки на сердце быстрее залатать».

Я для проформы огляделась, не обнаружила плеера и написала в ответ:

«Что-то не видно его. Сорри. Женя спит еще, будить не хочу».

И никакой рефлексии и волнений о том, что вот же! Он написал мне! Он был у нас дома. И чем они тут занимались... Я поморщилась.

Не хочу даже думать об этом. В носу все-таки подозрительно защипало, и срочно, чтобы отвлечься, я зашарила по кухонным ящикам в поисках целительного какао. Но обнаружила только пустую коробку со щепоткой на дне, из которой точно не получилось бы приготовить лекарство против дырочек на сердце. Разве что для какого-нибудь лилипута.

Ладно. Надо варить кофе и вспоминать, какие у меня планы на сегодня. Не слишком грандиозные... На второе июня в календаре была всего одна заметка: «Подготовка к биологии: полдня. Остальное: отдых». Полуленивый день. Это следующие три я проведу, снова обложившись конспектами и учебниками, а значит...

«Значит, – прошептал внутренний голос, – если ты хочешь снова встретиться с Владом, то надо делать это именно сегодня».

Ну или ждать до конца недели, когда биология будет сдана. Несмотря на волшебные встречи и душевные потрясения, в одном я была уверена на сто процентов: чувства чувствами, а экзамены по расписанию.

«Даже если это твоя судьба? – не унимался внутренний голос. – Ты что же, не сможешь пожертвовать какой-то оценкой ради него?»

Стоп. Вот тут-то я его и узнала, этот самый голос. Не-е-ет, это не мои мысли.

Снова звякнуло сообщение.

«Привет».

А вот это уже Влад!

«Привет».

«Прости, что беспокою тебя. Я не хотел бы показаться слишком поспешным, но в следующие несколько дней буду очень занят на работе. Вдруг через неделю ты уже решишь, что я забыл о тебе и о своем обещании угостить прекрасную принцессу...»

«Я бы так не решила», – быстро ответила я и почувствовала, что губы против моей воли растягиваются в улыбку.

«Я очень рад. В таком случае, если ты свободна, то давай поужинаем вместе?»

«Хорошо. Где встретимся?»

«Я могу забрать тебя».

«Может, ты мне скажешь адрес кафе и увидимся уже там?» – Нет, давать ему свой адрес я пока не готова.

«Как хочешь. Метро «Китай-город». Сверчков/Эшеров переулок, как будешь на углу, напиши, а то сама можешь не найти. Там нет заметной вывески. В шесть тебе удобно?»

«Да».

«Тогда до встречи!»

Вот это да. Мне только что назначили свидание, и я согласилась – хотя познакомилась с Владом только вчера. Для меня – любительницы все заранее прикинуть, рассчитать и тысячу раз взвесить – очень непривычное поведение.

– Приве-е-е-ет. – Сонная Женечка выползла на кухню и остановилась на пороге. Смешная, лохматая, очень не в духе – как всегда по утрам. – Вот это мы долго спали!

Как всегда. Как долго спали, как надо за квартиру платить или как беспорядок навели, так «мы». А как последнюю вкусняшку, например, доедать, так она сама справится.

– Привет. – Я подхватила кружку с недопитым кофе, телефон и направилась к себе в комнату.

– Ты куда?

– Заниматься.

– Ла-а-а-ар, ну как всегда. Только вчера экзамен прошел.

– Угу. Первый из четырех.

– Зануда ты!

– Угу.

Просто не хотелось выслушивать описание вчерашних Жениных подвигов на почве внезапной любви. Она всегда хвасталась, и ужасалась, и радовалась, и плакалась мне в жилетку обо всех сердечных делах, и обычно я была не против. Но только не сегодня, пожалуйста. Только не про Никиту.

Следующие несколько часов я провела бесполезно. Проверила почту, поглядела, что нового в мире происходит, сходила в магазин за какао, прочитала список вопросов по биологии... но все это как-то мимоходом. Потому что в голове у меня громко звенел лишь один извечный женский вопрос: «Что надеть на свидание?»

Без пяти шесть я уже была на месте. Переминалась с ноги на ногу рядом с узким розово-бежевым фасадом старого здания и почему-то никак не могла унять дрожь. Она рождалась где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, щекотным холодком добиралась до пальцев, колючими искорками шибала прямо в мозг, как волшебное шампанское. Свидание! Вот это да, у меня свидание!

Пожалуй, так я не волновалась даже перед своим первым официальным приглашением от заинтересованного мужчины. Когда Коля из параллельного седьмого класса «Б» с серьезным лицом передал мне на перемене три записки подряд. «Будешь со мной дружить?», «Любишь пончики?» и «Пошли в воскресенье наВДНХ!»

Да, тогда это как-то проще воспринималось. Тем более что Колю я знала со старшей группы детского сада. И могла точно представить, что от него ожидать.

Тут же впереди маячила полная неизвестность. Можно было только предполагать. С помощью логики. Вряд ли Влад поведет меня в пафосный ресторан. Он же говорил что-то про кофейню или чайный дом, верно? Это здорово успокаивало. И помогло решить вопрос с нарядом. Значит, можно не надевать коктейльное платье (которого у меня нет) и не стоит рассчитывать на прием у английской королевы (которой в Москве тоже нет). Самые любимые узкие джинсы с маленькой вышивкой-цветочком на бедре, шелковая черная блузка и нитка жемчуга – в тон новым босоножкам. Сначала я хотела надеть туфли без каблука, чтобы спокойнее и привычнее себя чувствовать, но потом подумала, что Владу будет приятно... Приятно что? Оценить, как на мне смотрится его подарок? Понять, что он мне понравился? Наверное, и то, и другое.

– Привет. – Он незаметно подошел со спины. Будто материализовался из ниоткуда, потому что могу поклясться: еще мгновение назад его нигде не было. Я только что огляделась по сторонам.

– Привет! – Я неожиданно для самой себя смутилась. Что-то нужно сделать? Чмокнуть его в щеку? Дружески хлопнуть по плечу? Но Влад быстро избавил меня от сомнений. Взял мою руку и осторожно поцеловал. В его исполнении это выглядело совсем не старомодно или странно. И было очень приятно, хотя он чуть коснулся

губами кожи, буквально обозначил поцелуй. Но все равно меня будто током ударило.

– Могу я проводить прекрасную принцессу в подземелье?

– Если там не опасно...

– Там только дикие звери. Но мы их победим! Прошу!

Он сделал приглашающий жест и повел меня по узкому переулку между домами. Мы прошли мимо подворотни, за которой виднелся двор с разноцветным граффити на кирпичной стене. Мимо какого-то бара – я сначала подумала, что нам туда. Мимо изломанной водосточной трубы. Повернули за угол, нырнули под пластиковый козырек и спустились по крутым ступенькам в подвал. На лестнице было темно, и я крепко ухватилась за ладонь Влада, чтобы не упасть. Она оказалась крепкой, прохладной и мягкой. Не потной и не шершавой, как большинство мужских рук, которые мне приходилось трогать... Хотя не сказать, что я в этом опытный специалист.

Внизу обнаружился маленький холл с полосатыми гобеленами на стенах и кабаньей головой над притолокой. А в дверном проеме скучал то ли менеджер зала, то ли охранник, очень похожий выражением круглого щекастого лица на этого самого кабана. Я невольно хихикнула. Влад кивнул ему и провел меня в следующий зал.

Там стояло всего несколько столиков в уютных нишах у стен. Тихо играла музыка. На стенах висели олени рога и панно с оружием. Я только успела подумать, что это непохоже на непритязательную кофейню, как Влад сказал:

– Одно из моих любимых мест в Москве. Непафосно, недорого, всегда вкусно и отличное обслуживание. Как я и обещал, сейчас будем побеждать диких зверей!

– Как?

Влад засмеялся:

– Мы их будем есть! Тут в меню есть разное жаркое из дичи. Лично я возьму лосиный фарш с брусникой.

Рядом с нами появился официант. Высокий, с прилизанными блестящими волосами и острой бородкой. Чуть поклонился.

– Я заказывал столик. – Влад протянул ему карточку, какую-то визитку, и официант расплылся в улыбке, закивал и повел нас в дальний угол зала. Туда, где было особенно уютно, рядом с камином. Отодвинул для меня стул, быстро развернул меню и испарился.

Я перелистнула пару страниц и поежилась. Да-а-а, если это не пафосно, то что такое в представлении Влада «пафосно»? Кабанятина, медвежатина и лосятина, перепела и дикие утки, маринованный папоротник и копченый сиг с диковинными гарнирами. Взбитое артишоковое пюре с посыпкой из сушеного щавеля. Или тыквенный мусс с сельдереевой пенкой.

– Влад, – осторожно заметила я, – у меня в меню почему-то нет цен. Их надо спрашивать у официанта? Или как?

Влад улыбнулся.

– Я думаю, это у них специальное женское меню. Чтобы ты могла выбрать то, что тебе действительно нравится, не задумываясь о цене.

– А...

– Счет буду оплачивать я, так что не волнуйся.

Я кивнула, но в меню начала смотреть с подозрением. Интересно, кто дороже: кабан или медведь? Зависит ли цена на жаркое от того, на кого сложнее охотиться? Или надо еще рассчитать количество порций на одну тушу?..

– Вам помочь? – Официант подошел и наклонился так низко над моим плечом, что задел длинную сережку. – В начале меню у нас сезонные предложения и высокая кухня... Возьмите проще... лучше утиную грудку или цесарку, маринованную в чесночных сливках.

«Все равно ты эту высокую кухню не оценишь», – тут же перевел его фразу мой внутренний голос. Стало мерзко, противно – и от снисходительного тона, и оттого, что он стоял слишком близко, фамильярно прижавшись к плечу. Я отстранилась, дернула стул, тот противно заскрежетал по полу...

– Прошу прощения...

Услышав слова Влада, я вздрогнула. В них была такая злость, такая ненависть, такая ярость и одновременно такое ледяное безразличие, как будто это Каменный гость заговорил с проштрафившимся Дон Жуаном. Официанта будто снесло в сторону на метр.

– Прошу прощения, – повторил Влад, в упор глядя на него. – Позовите администратора. И больше не стоит приближаться к нашему столику ближе, чем на десять метров.

– Что... что случилось? – спросила я только после того, как прибежал администратор. Влад поднялся ему навстречу, быстро и тихо

переговорил, а тот рассыпался в извинениях, пообещал, что сейчас нам принесут напитки и комплимент от ресторана, а заказ он примет лично. Когда мы будем готовы.

– Официант оскорбил тебя, – пожал плечами Влад. – Дважды. Коснулся без твоего согласия и желания. И посмел усомниться в твоей способности самостоятельно выбрать блюдо.

– Ну... да, это было неприятно.

– Я сделаю все возможное, чтобы он больше здесь не работал. В перспективе. – Влад мотнул головой, убрал с глаз черную челку и посмотрел на меня в упор. – Но если хочешь, устрою, чтобы его рассчитали прямо сейчас.

Я аж задохнулась. С одной стороны, такая защита приятна. Никто и никогда раньше не защищал меня от кондукторов, охранников, официантов, когда они находили в моем лице безответную жертву... и хамили, оскорбляли, отпускали двусмысленности или просто подрацки шутили. С другой стороны, мудрые женщины говорят: «Посмотри, как мужчина относится к обслуживающему персоналу, и если он невежлив, то беги от него со всех ног». С третьей стороны... Влад же сначала сказал «прошу прощения», так ведь?

– Наверное, не надо. Он и так испугался.

– Испугался меня? – Влад уже улыбался. Так искренне и заразительно, что я улыбнулась в ответ и почувствовала, что неловкая ситуация размыкает когти и отпускает меня. В его тоне не осталось и следа ярости. – Я же само обаяние. Просто я поступил, как должен поступить настоящий рыцарь.

– У тебя поэтому такой ник в телеграме?

– Именно.

– А конь у тебя есть? – пошутила я. То есть хотела пошутить. Но не получилось. Потому что Влад серьезно кивнул в ответ:

– Конечно, есть.

2.6

После внезапно всплывшего в обсуждении коня дело пошло веселее. Влад рассказал, что иногда ездит на конюшню в Подмосковье и там занимается конкуром. «Непрофессионально, так, для души... на

серьезные занятия времени не хватает». Я поделилась воспоминанием из детства, когда мы с родителями были на море и взяли конную экскурсию, а меня посадили на гигантскую черную кобылу, которая очень медленно и степенно шла... ровно до того момента, как впереди открылась поляна. Тогда она сорвалась в галоп, обогнала всех лошадок и инструкторов, а потом показательно гарцевала, пока меня осторожно снимали. Нет, я даже не орала, но вот руки разжать было очень страшно. «Зато теперь я могу хвастаться, что ездил галопом!»

Потом Влад немного рассказал о своей работе. Всегда хотела узнать, трудно ли учить наизусть длинные арии и жарко ли на сцене под софитами. «Ты же понимаешь, после десятка репетиций хочешь не хочешь, а слова запомнишь. У любого среднестатистического человека есть в голове несколько песен, которые записаны просто на уровне подкорки. «В траве сидел кузнечик» или Old McDonald had a farm, в зависимости от страны. У меня этих записей просто немного больше».

– Есть у тебя любимая роль?

– Они все любимые, – пожал плечами Влад. – Если не любить свои партии, то ничего не получится на сцене. Зрители просто не поверят.

– О'кей. – Я хитро улыбнулась. – А если я спрошу так: есть какие-то роли, которые ты любишь чуть больше, чем остальные?

Влад рассмеялся.

– Сразу видно будущего психолога. Некоторые мне чуть ближе, чем другие. Например, барон Скарпия^[1] или Ник Шэдоу^[2].

Тут я поняла, что надо было лучше готовиться к свиданию. Если про первого я что-то где-то слышала, то про второго – нет. И уточнять было неудобно, еще подумает, что девушка не разбирается в искусстве... Уфф, как неловко-то... И еще одна мысль меня кольнула. Разве я говорила ему, что учусь на психолога?

Но Влад будто не заметил моей напряженной улыбки. Глотнул из стакана и продолжил:

– Но они для бас-баритона. Экспрессии больше, но иногда мне по душе чисто басовые партии. Как будто я звучу из глубокого колодца...

Тут он понизил голос до каких-то невероятных – как это сказать-то? низин? понизил голос до низин? что за каламбур! – нот, точно, нот! Мне показалось, что еще немного, и он превратится в инфразвук. В горле застрял комок, и повеяло чем-то темным, медленным, тягучим,

ужасно опасным. И одновременно волнующим. Я поежилась. Недаром говорят, что инфразвук вызывает у человека страх. Тем временем Влад продолжал:

– Самая классная вот эта:

Вижу зло и насилье: он будет царем
И разгневает Рим.
Вижу нашу погибель и горе, нам всем
Причиненное им.
Надо с ним сладить, пока он один!^[3]

О, а вот эту штуку я уже знаю! Ура!

– Но мне всегда казалось, что Каиафа должен быть толстый, старый и суровый.

– Надо же. А я какой?

– А ты... ты красивый, – я выпалила это и тут же смутилась. Лара-Лара, ну что с тобой такое. Это обычный комплимент. Кто сказал, что мужчинам нельзя делать комплименты?

Влад снова рассмеялся.

– Но это не мешает мне быть суровым, если надо.

Тут принесли еду, и разговор прервался. Я жевала котлеты из цесарки с вкуснейшими печеными кругляшами мелкого картофеля. Соус с пряными травами был удивительно ароматным, мясо – горячим, но не обжигающим, корочка на картошке – хрустящей. Ко всему этому удивительно подходил ежевичный сидр, и горячие ржаные лепешки, и... Так, как будто я из голодного края не на свидание пришла, а поесть. Я осторожно подняла глаза от тарелки и обнаружила, что Влад с явным удовольствием доедает свою порцию жареного фарша с ягодами. Выглядело блюдо так, словно на тарелке кого-то только что жестоко растерзали, но, видимо, было очень вкусно.

– Ты подглядываешь, как я ем?

Ну вот. Я покраснела.

– Эй, не стесняйся. Мы же пришли ужинать. И пить кофе. Странно было бы заказать невкусную еду и напитки, чтобы они просто стояли на столике, как натюрморт. А так сразу два удовольствия. Вкуснятина и беседа с прекрасной принцессой.

– Ладно. Я просто не знаю... Вдруг на первом свидании надо... – Ой, что ж я сказала-то!

У Влада сверкнули глаза.

– О, как ты меня сейчас обрадовала. Если это первое свидание, значит, у меня есть шанс на второе?

Ну все, Лара. Приплыли. А как же психологические советы о том, что сначала надо быть отстраненной, недоступной и неуловимой? Теперь он понял, что тебе нравится. Я опустила глаза, перебирая пальцами краешек скатерти.

– Есть.

– Отлично! Давай же выпьем за это отличного кофе. А потом договоримся, когда именно увидимся в следующий раз. У тебя сейчас сессия, да? И надо подстраиваться под твои экзамены? Ну и под мою работу...

Господи! Откуда, откуда он взялся, этот чудесный мужчина? Хватай его, Лара, беги и прячь от подруг и всего света! Просто с бывшим мы расстались во время зимней сессии. Как раз из-за того, что мне надо было готовиться, а он этого не понимал. Донимал звонками, сразу же начал песни: «Какой-то экзамен тебе важнее, чем я?», «А если я твоя судьба? Что, какой-то оценкой пожертвовать не можешь?» Брр. Брр и еще раз брр. Он бросил меня перед сдачей самого сложного предмета. Сказал, что я сама все испортила. Могла бы больше внимания ему уделять. Могла бы... Я помню, как стояла на тротуаре, раз за разом перечитывая его сообщения. Не в силах себя заставить идти дальше. Шел снег, снежинки падали на ресницы и таяли от слез, я плакала, злилась и чувствовала себя ужасно виноватой. Как будто это я его бросила. Дурацкая психология. Ты знаешь все в теории, а потом прекрасно ведешься на манипуляции, если они касаются лично тебя.

– Мне надо сдать биологию, а потом будет свободный день. Или два.

– Тогда впиши меня в свое расписание, пожалуйста. – Влад протянул руку через стол и накрыл мою ладонь своей. Решительно и одновременно мягко. – Если бы мы были в позапрошлом веке, я бы попросил вписать меня в бальную книжечку для танцев, и это было бы романтичнее. Но заметка в календаре меня тоже устроит. Точнее, не устроит. Порадует.

Я засмеялась. Он смешил меня. Заставлял улыбаться. Иногда чуть-чуть пугал. Но определенно нравился и волновал. Как сказала бы Женечка, «стоит серьезно замутить с этим парнем!»

2.7

Здесь кофе оказался абсолютно крышесносным: крепким, с привкусом шоколада и орехов, обжигающе-бодрящим – с каждым глотком мне казалось, что в горло течет жидкая живая энергия. Восприятие мира сделалось кристально-ясным, четким, как будто раньше я смотрела сквозь размытое стекло, и тут его наконец протерли. Обалденное чувство.

Влад попросил счет и заплатил как-то совсем незаметно. Не красовался, выпячивая собственную щедрость, и не скрывался, суетливо отсчитывая купюры официанту. Вот я допиваю кофе и думаю о том, что можно заканчивать ужин, а вот через мгновение уже стою на улице, дышу теплым летним вечером. Недавно, видимо, прошла гроза, пахло озоном и свежестью, и мокрый асфальт лоснился в свете фонарей, как шкура гигантского сказочного кита.

Влад взял меня за руку.

– Проводить?

Я раздумывала всего секунду и кивнула.

– Тогда подожди, вызову машину.

Через пять минут подкатил черный «Мерседес». Водитель в костюме выскочил было, чтобы помочь мне с дверью, но Влад остановил его.

– Я сам.

И распахнул дверь в салон таким торжественным жестом, будто приглашал меня в роскошную карету.

– Принцесса, прошу вас.

Я забралась в пахнущий кожей салон, сразу завопилась, пристегивая ремень безопасности. С другой стороны сел Влад, кивнул водителю, и мы мягко тронулись.

– Это... твоя машина?

– Нет, это корпоративная скидка на бизнес-тариф такси. Я предпочитаю другой вид транспорта.

– Какой?

– Покажу. – Он загадочно улыбнулся. – Потом. Пусть это пока останется моим маленьким секретом, хорошо?

– Хорошо.

Интересно, все актеры, то есть оперные певцы, так хорошо зарабатывают? Или если ездит на такси, а не на своей машине, то не очень-то и высокая у него зарплата... Тут я трянула головой, чтобы прогнать дурацкие мысли. Как будто меня это действительно интересует. Да если бы он на метро меня провожать поехал... я бы в любом случае радовалась.

«Ой ли? – внутренний голос приобрел интонации «женского коллективного бессознательного», которое со временем появляется в любом коллективе, если там больше одной девушки. – А если бы ужинали в «Маке»? А если бы подарков никаких не дарил? Ты была бы так же удивлена и рада его вниманию?»

«Заткнись!» – мрачно ответила я и повернулась к Владу, открыла рот, для того чтобы... И тут нас подрезал грузовой фургон. Водитель крутанул руль и дал по тормозам. Несмотря на ремень безопасности, я стукнулась о спинку кресла впереди, а потом упала на Влада. Фактически в объятия. Он обхватил меня и прижал, защищая и закрывая собой, и мне на миг показалось, что руки его крепче камня.

Водитель шепотом выругался. И добавил вслух:

– Куда лезет? Вот куда он лезет-то?

– Очень спешит. Явно на свидание с другим таким же... торопыгой. – Влад поднял меня, взял за плечи и внимательно посмотрел в лицо. – Не сильно ударились? Все в порядке?

– По-моему, да...

Сердце быстро и мелко колотилось где-то у самого горла, но в остальном все было нормально. Или нет, не нормально. Хорошо. Потому что, когда в глаза тебе смотрит картинно красивый мужчина, смотрит обеспокоенно и внимательно, тепло и заинтересованно, и ты в ответ глядишь на него так же... Это обалденное чувство.

Тут впереди показалась россыпь красных габаритных огней. Пробка поздним вечером на Новослободской? Опять что-то перекопали?

– Ехать будем немного дольше. – Водитель постучал ногтем по навигатору. – Поищу объезд. Там свежая авария впереди, все полосы

перекрыты.

– Хорошо, – протянул Влад и усмехнулся.

– Тебя радует объезд?

– Меня радует... – Он сделал крошечную паузу, покатав слова на языке. – Радует, что мы чуть дольше пробудем с тобой вместе.

Чуть отстранился и принялся расспрашивать меня о пустых, приятных и необязательных вещах. Понравилось ли мне кафе, какую музыку я обычно слушаю в дороге, какое лето мне больше нравится – холодное или очень жаркое – и прочую чепуху. Я и не заметила, как мы приехали.

– Подняться с тобой?

Мы прошли полдороги до подъезда и остановились под большой липой. Асфальт под ней был еще влажным после дождя, остро пахло листвой и летней темнотой.

– Не нужно. Пока не нужно. Я сама поднимусь.

– Напишешь мне, что все о'кей?

– Напишу.

Влад снова поднес к губам мою руку, закрыл глаза, легко коснулся костяшек пальцев. Я замерла. То есть он сейчас церемонно запечатлеет поцелуй на руке, развернется и уйдет? Или...

Он открыл глаза и шагнул ко мне ближе. Так близко, что я почувствовала его дыхание у себя на лбу.

– Могу уйти. Или...

Он взял меня за подбородок и накрыл мои губы своими.

Безо всех этих одобренных в современном обществе реверансов «Можно ли тебя поцеловать?», которые разрушают волшебство момента. Без пошлых хватаний за задницу, которые смазывают все впечатление о первом поцелуе и заставляют думать, что он только прелюдия к чему-то другому. Нет.

У него были соленые прохладные губы, и целовал он меня, как морской прибой. Прижимался крепко-крепко, накатывал, лишал разума, заставлял дрожать. Я зажмурилась, и под веками расцвели диковинные фиолетовые цветы, которые пульсировали в такт движениям его языка.

Он двигался напористо, но осторожно. Готов был сломить любое сопротивление, но ждал приглашения. Пробежался по кончикам зубов, скользнул глубже, и цветы под веками превратились в шаровые

молнии. Я раскрыла глаза и увидела его взгляд... очень темный, черный, ночной внимательный взгляд. Влад смотрел на меня с таким вожделением, что в глазах его, казалось, плескалась горячая смола.

Тут я поняла, что не могу дышать.

И в этот миг он меня отпустил. Чуть отстранился. Улыбнулся.

– Лара, ты потрясающая!

Нежно провел пальцами по щеке, развернулся и ушел.

Я кое-как, будто после бурной вечеринки, доползла до квартиры, открыла дверь и сползла по стене прихожей, не разуваясь. В животе порхали бабочки. Били крыльями так сильно, что стоять было просто невозможно.

Достала телефон.

«Я дошла».

«Я рад. До встречи;-)»

При виде этого подмигивающего смайлика бабочки окончательно сошли с ума.

Глава 3

Принц на черном коне

3.1

– Что-то я тебя не узнаю, – сказала Женечка, когда я второй раз за два дня ухитрилась сжечь омлет. Несмотря на включенную вытяжку, шестиметровая кухня за какие-то несколько минут пропахла гарью, я распахнула окно и пыталась выгнать клубы дыма полотенцем на улицу. – Расскажи уже, наконец, кто он.

– Кто именно «кто»? – спросила я, не поворачиваясь к ней. А то по лицу все прочтает. Стоило мне подумать о Владе, как щеки тут же покраснели. Как будто я юная невинная девица на выданье, и вдруг узнала, что именно ждет меня в первую брачную ночь. И в каких позах. И с каким... м-м-м... женихом.

– Тот, о котором все мечты-ы-ы-ы и мысли! – пропела она и уселась за стол, явно не собираясь сдаваться. – Слушай, я тебя уже сто лет знаю.

– Полтора года.

– Это почти как сто лет в наше время! И почти полгода с тобой живу. Ты раньше так себя не вела.

– Как так?

– У тебя все время такой вид, что ты не здесь, и еще улыбка глупая!

Так и запишем. Надо лучше контролировать выражение лица. С другой стороны, я никогда раньше не становилась объектом Женечкиного пристального наблюдения. Я в принципе не думала, что она может быть внимательной, эмпатичной и присматриваться к тому, что происходит не с ее драгоценной персоной. А тут поди ж ты. Видимо, раньше я была просто не настолько интересной? Таким синим чулочком, который всегда пригреет и пожалеет, но сам за душой ничего эдакого не имеет... Тем временем Женечка продолжала:

– Похоже было зимой, когда тебя Костик бросил, ты тоже была отсутствующая... Но такая, яростно-грустная. А сейчас очень

мечтательная. Я на сто баксов готова спорить, что в голове у тебя не хлорофилл, митохондрии, гаплоидные наборы хромосом или признаки царства грибов.

– Да нечего рассказывать, – сдалась я. Уселась на подоконник, помахала вокруг рукой, разгоняя едкий дым, и подхватила чашку со своим кофе. – Мы на улице познакомились. Пока ничего серьезного. Переписываемся, желаем друг другу доброго утра. Он любит музыку и лошадей.

– Сердечки шлет?

– Нет.

– Сиськи показать просил уже?

– Фу-у-у... Женька, ну ты чего?

– А чего? Сиськи можно по-разному просить. Как извращенец. Или как заинтересованное лицо.

– И чем извращенец отличается от заинтересованного лица?

– Планами на будущее. Ну, там, подрочить или...

– Блин, я тебе ничего больше не буду рассказывать!

Вот как она так умеет, а? Вырулить на пошлость из любого разговора. Я поморщилась. Мне почему-то казалось, что нельзя, невообразимо, невозможно думать про Влада, как про обычного парня из тиндера или чувака из интернета. Он действительно вел себя как прекрасный принц из сказки. Которая наконец чуть-чуть сбылась для меня. Не говорил пошлостей. Не тупил в разговорах. Не пытался манипулировать. И – господи! – писал без грамматических ошибок! Не оставлял сообщения без ответа. Поддерживал в подготовке к экзамену (которая слегка не задалась, но тут уж я сама виновата, не о том думаю), мило шутил, присылал красивые фоточки, делал комплименты. Вчера прислал букет – курьер позвонил снизу, от двери в подъезде, я спустилась и просто растаяла там, прямо на крыльце. Фигурально выражаясь. Потому что это был очень классный подарок.

Не банальные розы или гвоздики, не слишком строгие лилии или астры, не корзина с разномастными чуть увядшими цветами, которую непонятно где и как хранить в квартире. Мне преподнесли маленький букет в крафтовой бумаге, от которого пахло степным ветром и сказкой. Полынь, мелкие белые звездочки ромашек, васильки и сиреневые левкои.

«Сам подбирал цветы, – написал Влад. – Тебе понравилось?»

«Очень!»

«Надеюсь, это станет хорошим иллюстративным материалом для тех вопросов, которые по ботанике».

«Ты по ней специалист?»

«Разве что в рамках школьной программы! А так, человеческая природа мне интереснее природы в целом».

Будь на его месте мой бывший Костик, уже всю намекал бы на анатомию, пользуясь удобным моментом.

А вот Влад не стал. И сразу получил виртуальный плюс в зачет, как будто кучи предыдущих плюсов было недостаточно.

– ...Э-эй! – Женечка щелкнула пальцами у меня перед носом. – Вот об этом я и говорю.

– Ой, извини. Ты что-то еще сказала? Прости! – Тут мне стало стыдно. Раньше я постоянно ее мысленно шпыняла за то, что легко перескакивала с темы на тему, теряла интерес к разговору и пропускала мои важные замечания мимо ушей. А теперь сама творю то же самое. Молодец, Лара.

– Ничего важного. Но раз ты обратила на меня внимание, то можно тебя попросить?

– О чем?

– Не хочу завтра идти на консультацию. Ты же мне расскажешь, что там говорили?

– Конечно!

– А то Никита позвал меня за город, – Женечка сладко прищурилась. – На весь день.

– Круто, ага.

Как все изменилось всего за несколько дней. Раньше мне было бы ужасно больно это слышать. Днем позже, после знакомства с Владом, – досадно. А сейчас... Я прислушалась к себе. На душе пытались скрести кошки, только вот душа была под полной анестезией и эйфорией. Вроде как должно быть чувствительно, но нет. Правы люди, когда говорят про клин клином. Даже «лечебного» какао не хотелось. А это говорит о моем душевном состоянии гораздо больше, чем любые психологические тесты.

«Ни за что не поверю, что твое сердце было пусто до встречи со мной. Наверняка твою крепость осаждали влюбленные рыцари».

«Спорим, что влюбленных принцесс, которые ждали от тебя знаков внимания, было гораздо больше?»

«Это почему же?!»

«Ты же такой заметный, громкий, внушительный стоишь на сцене. В тебя легко влюбиться! А я что?»

«А ты что?»

«А я первокурсница-гуманитарий, которых тысячи и тысячи в Москве».

«Ты одна такая. Абсолютно уникальная. Уж не знаю, кто тебе внушил странные мысли, будто между тобой и этими тысячами первокурсниц можно ставить знак равенства».

Консультация оказалась бесполезная. Сначала препод опоздал, потом явился и с порога начал зачитывать указания по методичке, которую я знала наизусть. Поэтому сидела, делала вид, что внимательно слушаю всем известные вещи, и переписывалась с Владом.

«Никто не внушал. Это же очевидно».

«Кому очевидно?»

Я задумалась, машинально сунув ручку в рот и прикусив колпачок. Действительно, откуда у меня взялась эта мысль, что я ничем от других не отличаюсь? Еще год назад перед поступлением я очень усиленно готовилась и в итоге получила высший балл. Тогда мне казалось, что я крутая.

Или когда в зимнюю сессию одна-единственная получила автомат у «злобного» профессора, которым пугали весь первый курс. Это тоже было о-го-го достижение.

Или я сейчас просто флиртую и говорю то, что на самом деле не думаю?

Я прислушалась к себе.

Да нет же... эта неуверенность – она постепенно росла где-то внутри. Чуть-чуть подрастала каждый раз, когда меня не звали на общие тусовки. Когда выяснилось, что больше внимания обращают не на умных, а на ярких. Когда ко мне бежали за помощью в учебе или за житейским советом, а радостью делились с другими. Когда Костик, уже, видимо, задумав расставание, начал говорить, что во мне нет

ничего особенного... Черт, что-то я слишком много о нем думаю в последнее время. Хватит. Я разозлилась на саму себя. И немножко на Влада, который, если честно, был тут ни при чем. И быстро настучала в ответ:

«Некоторым людям было очевидно. И мне – изнутри. Я же себя знаю лучше, чем ты».

«Эти некоторые люди сожгли твою самооценку и прах ее развеяли по ветру?»

Я представила горящее полотнище самооценки и хихикнула.

«Скорее потоптались по ней».

«Готов бросить им перчатку и вызвать на дуэль. Отсечь мечом ноги, чтобы неповадно было топтать!»

Я улыбнулась, представляя себе, как низенький плотный Костик выглядел бы перед Владом, если бы тот явился к нему в облике благородного рыцаря и вызвал на поединок. Это было бы смешно. И... очень приятно.

«Я бы болела за тебя!»

«Я бы победил и объявил тебя королевой турнира».

Ми-ми-ми.

– Завтра приходите по расписанию, к девяти утра. Времени на письменные ответы ровно час, опоздавших ждать не буду.

«Я завтра освобожусь уже в десять, ура!»

«Замечательно! То есть у тебя будет не только вечер свободен? Можно пригласить тебя за город, на конную прогулку?»

«Если только лошадь меня не сбросит!»

«Я сделаю ей внушение!»

«Суровым голосом?»

«Именно!»

Я рассмеялась, поднялась, сунула телефон в карман джинсов и встала в очередь желающих выбраться из огромной аудитории-амфитеатра через одну узкую дверь. На консультацию явились далеко не все, но даже половины потока хватало на то, чтобы устроить маленькое столпотворение на выходе. Еще бы. Тут душно и скучно, а снаружи свобода и последняя ночь перед экзаменом! Так заманчиво.

На выходе из здания универа тоже была толпа. Странная для неучебного времени. Неужели всему миру поставили на эту дату экзамены и консультации? Но, протолкнувшись на крыльцо, я поняла,

в чем дело. Прямо возле ступеней стояла машина «Скорой», в которую как раз заканчивали грузить носилки. А все остальные наблюдатели – это массовка, падкая на зрелища.

– Видели, как он летел?

– Да это звездац просто!

– Грохнулся так сильно, я думал, что кранты!

– Девочки, я так испугалась, вообще...

– Как он вопил!

– Что там с ним в итоге?

– Ты снять успела?

– Там открытый перелом, реально!

– Обе ноги сразу!

– Можно пройти? – Я тронула за плечо стоящую передо мной девушку. Она оглянулась. Я сразу ее узнала: Оля с третьего курса, из группы, где учится Костик. Он знакомил нас еще осенью...

– Ты видела, какой кошмар? – Вместо того чтобы посторониться и дать пройти, Оля всхлипнула и вцепилась в мой рукав.

– Не видела.

– Я знаю, что вы поссорились, но все равно, это ужас, такой ужас... – запричитала она.

– Да в чем дело-то? – Я все не понимала, что ей от меня надо.

– Костик упал с лестницы. Только что. Прямо отсюда, через перила. Открытый перелом, и крови столько было, ужас!

– Ужас, – машинально согласилась я, отцепила от рукава дрожащие пальчики и все-таки протиснулась мимо Оли. – Прости, мне надо идти.

Сбежала со ступенек, стараясь не глядеть на отъезжающую «Скорую», и быстро пошла к метро. Сердце билось где-то в горле и противно звенело в ушах. Я боюсь, страшно боюсь вида крови и никогда не смотрю криминальные сводки. А от мысли о том, что Костик – уже не самый любимый, но очень знакомый – покалечился на ровном месте, мне становилось просто физически плохо. Хорошее настроение будто растаяло в жарком летнем воздухе.

Я доехала до дома, прислонившись к дверям метро с надписью «Не прислоняться» и слушая плеер с закрытыми глазами. Что-то односложно ответила Владу. Подумала и добавила: «Извини, буду занята учебой до ночи».

Снова обложилась конспектами и учебниками, погрузилась с головой в царства растений и животных, зубрила таблицы и определения – все, что угодно, лишь бы не думать про бедного Костика. В итоге спала урывками, даже уютная Мышка под боком не помогла.

А утром, когда я взяла свой счастливый «экзаменационный» рюкзачок, чтобы сложить в него вещи, нашарила внутри, рядом с зачеткой, что-то странное. И вытащила на стол завернутую в папиросную бумагу, аккуратно перевязанную ленточкой колоду карт. Все они были так же склеены между собой, кроме верхней. Абсолютно пустой.

3.3

Я сидела и смотрела на пустой листок бумаги перед собой.

– Пятнадцать минут до сдачи работ, – громко объявил препод.

Надо было срочно брать себя в руки. На пятерку можно уже не надеяться, слишком мало времени оставалось для подробного ответа, но основные моменты я накидать еще успевала. Проблема лишь в том, что химический состав клетки и эволюция в данный момент были мне до лампочки. До фонаря. До искусственного источника света в другой вселенной, на которую мне плевать с высокой башни. Но все же медленно, через силу я подняла со стола ручку – казалось, что она сделана из свинца – и начала что-то писать.

Мысли же витали далеко-далеко. Вокруг одной определенной вещи. Предмета. Колоды предметов.

Я точно помнила, что не брала ее с собой. Когда я встала и пошла к выходу из кафе, колода лежала на столе. Абсолютно точно. И вряд ли кто-то мог догнать меня и запихнуть ее в закрытый рюкзачок так, чтобы я ничего не заметила.

Логичным объяснением выглядело только одно. Я сошла с ума и страдаю провалами в памяти. То есть я сама взяла карты и благополучно об этом забыла. Так себе осознание.

– Жень, – спросила я утром на кухне, когда мы сидели друг напротив друга за столом, синхронно помешивая сахар в кофе. – Ты

ничего странного во мне не замечала в последние дни? Ну кроме этой самой влюбленности.

Женечка хмыкнула, помотала головой:

– Не-а.

– Я не стала более рассеянной? Забывчивой?

– Ты сжигаешь и пересаливаешь еду, но это известный признак влюбленной женщины. В остальном Лара как Лара. Зануда, как всегда.

Так себе утешение, но я была готова хвататься за любую соломинку. Очень хотелось чувствовать себя нормальной.

А еще очень не хотелось оставлять дурацкую колоду у себя дома. Мне хотелось взять большую тряпку, набросить ее на карты, как будто это ядовитый хищный паук, замотать в несколько слоев ткани, засунуть в мусорный пакет и тут же сжечь. Но такой набор действий значил бы, что мне действительно очень страшно. А признаваться в этом не хотелось. Поэтому я просто осторожно взяла колоду двумя пальцами, а потом выбросила в мусорный жбан на полдороге от дома к метро.

Жаль, что навязчивые мысли и страхи так же не выбросишь...

Когда начали собирать работы, я со вздохом отдала свою: силы воли хватило ровно на то, чтобы набросать самое главное. А потом надеяться, что проверять будут не слишком пристрастно.

Медленно встала из-за стола, вытерла пот со лба... Надо было идти на улицу, созваниваться с Владом – у нас же с ним свидание сегодня, точно... о чем-то говорить, улыбаться, радоваться. Может, еще не поздно все отменить?

«Лара, ты что, совсем ку-ку? – ехидно поинтересовался внутренний голос. Подозрительно похожий на Женечку. – Тебе как раз нужно отвлечься. Положительные эмоции. А то придешь домой и в процессе рефлексии сожрешь сама себя. Давай, отвлечись. Потом обдумаешь все на свежую голову... Если будет вообще смысл об этом думать».

Я решительно кивнула, соглашаясь с внутренним голосом – звучал он удивительно здраво, – и отправилась на улицу. Сейчас выдохну, наберу Влада и договоримся, где...

– Привет! – услышала я, когда вышла на крыльцо.

Подняла глаза.

Влад стоял, прислонившись к перилам, и улыбался мне. В зеркальных темных очках, в серо-серебристой льняной рубашке с закатанными рукавами и с букетом ромашек в руках он выглядел удивительно расслабленно. По-летнему. Трагического героя в этом образе почти не было, его полностью вытеснил романтический.

– Привет! Как ты меня нашел?

– Я знал, где ты учишься, и знал, во сколько ты освободишься. Остальное было совсем не сложно.

– Мы же договорились сначала созвониться?

– Я хотел сделать сюрприз. А еще побыстрее увидеться. Прости, если ты не любишь сюрпризы...

– Люблю. – Я встала на цыпочки и потерлась носом о его прохладную щеку. Целовать почему-то стеснялась. Пока стеснялась.

Он нежно провел пальцами по моей щеке, заправляя прядь волос за ухо, вытащил откуда-то из-за спины запотевшую бутылку с минералкой.

– Будешь? Там наверняка было очень душно.

– Ты чудо! – Я поднесла к губам холодное стеклянное горлышко и зажмурилась от удовольствия.

– Хочешь, перекусим? Или сразу поедem за город? У меня на всякий случай с собой бутерброды, можно будет поесть там.

– Поехали. – Я улыбнулась, взяла его за руку и поняла, что душевное равновесие возвращается. Вчерашнее расстройство поблекло и побледнело, сегодняшние дурацкие карты казались придуманными. А главное – ничего не значащими на фоне того, что нас ждал прекрасный день.

3.4

На конную базу мы снова ехали на большой черной машине – на этот раз BMW. Пролетели по Садовому кольцу и ушли на юг. День был жаркий и солнечный, небо сине-зеленое, словно бирюза. По улицам ползли оранжевые жуки поливальных машин, прохожие двигались медленно, как будто лучи солнца превратились в жаркий сладкий мед, в котором все увязли. А внутри салона уютно шелестел кондиционер,

негромко играло радио, Влад держал меня за руку, а я смотрела в окно и как-то очень искренне, по-детски, радовалась предстоящей прогулке.

Через час мы подъехали к длинному приземистому дому. Сбоку от него виднелось поле с препятствиями для конкура. Там уже кто-то занимался.

– Подожди меня здесь минутку, я сейчас. – Влад тронул меня за плечо и взбежал по лестнице на крыльцо дома. Постучал и, не дожидаясь ответа, скользнул за дверь. Я чихнула. В воздухе плясала мелкая пыль, в высокой траве у обочины дороги оглушительно стрекотали кузнечики, откуда-то со стороны поля кричала звонкоголосая птица. Горячий воздух обнимал за щеки, забирался за пазуху, лучи солнца ослепительно блестели, отражаясь от окон.

Влад вернулся ровно через минуту.

– Пошли! – Он подкинул на ладони ключи. – Вон в той части дома мини-гостиница. Я заранее забронировал для нас номер, чтобы можно было переодеться перед прогулкой. Еще там есть холодильник с напитками...

– Переодеться? – Я как-то не подумала о том, что понадобится специальная одежда. Ведь на конные прогулки обычно пускают туристов в любом виде. Неужели джинсы и футболка не подойдут? – Но у меня с собой ничего нет...

– Я обо всем подумал. – Влад зазвенел ключами, открывая узкую деревянную дверь. – Твоя одежда на кровати. Как будешь готова, выходи и иди к главному крыльцу. Я пока схожу за лошадьми.

Номер был узкий и длинный, с деревянными панелями на стенах и узеньким окном. В нем ничего не было, кроме двери в крошечный туалет с раковиной буквально над унитазом, двух односпальных кроватей и тумбочки-холодильника под окном. На одной из кроватей лежал большой пакет, а на тумбочке красовалась роскошная шляпка. Подумать только, шляпка! Нежного молочного цвета, с длинными шелковыми лентами, с крошечным букетиком белых цветов на тулье. Я сразу схватила ее и начала оглядываться в поисках зеркала. Оно обнаружилось за спиной, на входной двери. Шляпка удивительно мне шла. Придавала романтичный и нежный вид, а вовсе не дачный. И явно защищала от солнца лучше, чем любой крем с SPF.

Плотные штаны для верховой езды, льняная светлая рубашка с длинными рукавами, сапожки и очень мягкие перчатки – все это село

как влитое. После юбки и босоножек я даже не слишком удивилась. Видимо, у Влада идеальный глазомер. Прошлась по комнате, прислушиваясь к себе. Одежда нежно льнула к телу, абсолютно не сковывающая движений. Ни одного жесткого шва, просто идеально.

Я вышла из номера и пошла навстречу Владу. Он подъехал ко мне на огромном черном жеребце и привел за повод изящную тонконогую лошадку, темно-серую, с белой звездочкой на лбу.

– Мой конь – Лютый. А вот ее зовут Искорка! – Не спешиваясь, Влад потянулся к лошади и погладил ее по носу. – Очень спокойная и деликатная. Надеюсь, вы подружитесь.

– Надеюсь. – Я подошла поближе и немного растерялась. За что хвататься-то? За стремя? А куда тогда ногу ставить? За седло? За поводья? Мне срочно требовалась помощь более знающего человека. – А где инструктор? Который поведет нас на прогулку?

– Я договорился, что его не будет, – победно улыбнулся Влад. – Вообще это не положено. Но я – как старый любимый клиент – могу быть очень убедителен.

– Тогда у нас проблема. Я не помню, как вообще забираться на лошадь. Не то чтоб у меня была богатая практика.

– Я помогу. – Влад быстро слез с жеребца. Даже не слез, а мгновенно соскользнул, будто стек на землю. – Хватайся за луку седла, а я подержу стремя, чтобы ты могла всунуть ногу... Только не обходи лошадь сзади. Я сильно расстроюсь, если тебя лягут.

– А уж как я расстроюсь... – пробормотала я и героически полезла вверх.

К моему удивлению, операция «Оседлай Искорку» удалась с первого раза. Причем довольно ловко. Устроившись в седле, я даже не почувствовала себя мешком соломы. Ну разве что чуть-чуть. Очень изящным, слегка раскрасневшимся, довольным мешком соломы.

– Можешь даже не братья за уздечку, – сказал Влад, взлетая обратно на спину Лютому. – Я поведу Искорку в поводу.

– А куда мы едем?

– Во-о-о-он туда, по полю.

Впереди волновалось зеленое море травы. Ветер гнал по нему маленькие волны, над цветами гудели шмели, а вдоль лесополосы тянулась вдаль чуть примятая колея. Туда мы и направились.

Сначала я думала о том, как бы не свалиться. Но у Искорки оказался действительно очень плавный и деликатный ход. Она ступала мягко-мягко, не дергала шеей, не вздрагивала и не взбрыкивала, как танцующий рядом Лютый. Уж ему-то явно не хватало свободы, он то и дело пытался сорваться в галоп, но Влад ловко его осаживал.

Удобно устроившись в седле и уже не так судорожно сжимая бока лошади коленями, я огляделась. Конная база скрылась из виду, вокруг были только степь, холмы да лесополосы, ни одного признака человеческого жилья. Жужжание насекомых, крики птиц и горячий ветер с запахом разнотравья. Как будто не было никакой Москвы в каком-то часе езды отсюда. Не было домов и людей, заводов и торговых центров, дорог и мостов, метро и рекламных плакатов вдоль шоссе... Только мы с Владом, вдвоем.

– Нам туда, – он махнул рукой вперед. Туда, где над полем выростала макушка огромного раскидистого дерева. Примятая колея в траве привела нас к его подножию, и стало ясно, что это самый настоящий дуб-гигант, как будто из сказки. Наверное, я бы не удивилась, если бы увидела вокруг ствола цепь и ученого кота. Но цепи не было... Зато на земле рядом с узловатыми корнями лежали мягкие подушечки, а на клетчатом пледе стояла корзинка с едой.

Влад соскочил с коня и протянул мне руку:

– Добро пожаловать на пикник, прекрасная принцесса!

– Откуда все это здесь?

– Только у тебя был экзамен. А у меня свободное утро.

– То есть ты сюда съездил заранее? Вот это да!

Я осторожно ухватила за его ладонь и хотела медленно слезать на землю... Однако неловко перекинула ногу, лука седла внезапно оказалась скользкой и ненадежной, я ахнула и оказалась в объятиях Влада. Он прижался щекой к щеке и крутанул меня над землей, как будто собрался танцевать... и осторожно опустил на траву.

– Давай я сначала привяжу лошадей, а ты разберешь еду? – предложил он. И я даже не стала переспрашивать, какое именно «потом» последует за этим «сначала». Опустилась на колени рядом с пледом-скатертью и заглянула в корзинку.

Там обнаружился вовсе не обычный пикниковый набор из одноразовой посуды, бутербродов, яблок и бутылки с минералкой. В вазочке из серебристого металла лежали душистые персики и

виноград. Рядом с ними – нарезка из дыни и хамона. Маленькие пузатые ржаные булочки, посыпанные кунжутом. Буженина на маленькой тарелочке с двурогой острой вилочкой. Несколько видов сыра. А еще два хрустальных бокала с серебряными ножками и бутылка в ведерке со льдом.

– У нас праздничный обед? – Я осторожно достала вино. Черная бутылка с будто неровно намалеванными белыми словами: Cossart Gordon, Verdelho, 1973.

– Конечно. – Влад кивнул очень серьезно, но в глазах его плясали чертенята. – Мы можем праздновать что угодно. Твою свободу после сегодняшнего экзамена. Мой удавшийся сюрприз. Просто классный летний день. Продолжение нашего знакомства...

Тут он прищурился и улыбнулся:

– Выбирай сама повод для праздника. Ты же королева турнира.

– У нас был турнир?

– Почти. Мы же сели на лошадей.

– Но без копий!

– Ты умеешь управляться с копьём? Вот это талант!

Тут я не выдержала, представив, как перекосит меня в седле, если еще копые добавить, рассмеялась, ткнула Влада пальцем в нос и принялась раскладывать еду. Влад хмыкнул, встал, принес откуда-то еще холодной минералки, салфетки и столовые приборы. Серебряные вилки и ножи. С тяжелыми удобными ручками в форме драконов со сложенными крыльями.

– Ты ограбил музей?

– Скорее осиротил свою столовую.

– Ты каждый день этим ешь?

Я сначала спросила и только потом подумала: «Молодец, Лара! Теперь он подумает, что ты – деревня. Первый раз в жизни видишь красивые вилки. Спросит небось – что, и из супницы ни разу солянку осетровую не разливала? Ай-ай... с кем связался...»

– Нет, не каждый. Только в особенно торжественные моменты.

– Какие?

– Как этот, когда я хочу тебя... поцеловать.

Он уронил вилки на скатерть и оказался вдруг совсем близко, обхватил меня, прижал к себе и запустил пальцы в волосы. Внимательно, не мигая, уставился в глаза. «Как будто

гипнотизирует», – мелькнула мысль. И следом за ней другая, абсолютно паническая: «Мы же тут совсем одни. Ни одного человека вокруг. Он же сделает со мной все, что хочет!»

И тут Влад взял меня в плен. Облизнул мои губы и проник языком в рот – ни отшатнуться, ни вырваться. Длинные пальцы нежно поглаживали затылок и шею сзади, под волосами, не давая отступить ни на миллиметр. Влад жадно приник ко мне и будто пил, как прохладную воду в жаркой степи. Пил жадно, захлебываясь и постанывая от удовольствия, и все крепче сжимал в объятиях.

В голове моей будто взорвалась тысяча солнц, а кости начали плавиться. Жар внутри оказался гораздо сильнее жара снаружи, меня затрясло... Или это температура воздуха внезапно упала на пару десятков градусов?

Тем временем Влад прикусывал мой язык, дразнил его своим, то шел в наступление, то приглашал к действию... А я растерялась и не понимала, что делать. Хотелось просто закрыть глаза и отдаться ему, как могучему потоку, позволить водопаду сбросить себя со скалы, позволить водовороту затянуть себя в омут, расплавиться и собрать себя заново. Но что-то не давало расслабиться до конца, что-то мучило и свербело на краю сознания.

Ловкие пальцы переместились ниже, вытянули рубашку, заправленную в штаны, и скользнули по спине. Пробежали по позвоночнику вверх от поясицы, нашарили застежку лифчика и царапнули кожу рядом. От этого простого движения меня будто молнией ударило. Разряд прошел по всему телу, от шейных позвонков до самого низа. Ягодицы напряглись, а в животе сладко заныло.

– Лара, – прошептал он.

Я открыла глаза и снова увидела этот черный внимательный взгляд.

– Лара... ты... хочешь? Сейчас?

3.5

Мое тело кричало «да!»

Мой разум в кои-то веки был с телом согласен.

Но... У меня всегда находится какое-то «но».

Когда подружки приходили ко мне за советом – «Лара ведь всегда выслушает, придумает что-нибудь, она ж в психологии разбирается!» – я говорила им умные и, наверное, правдивые слова. Не нужно заранее строить воздушные замки. Не стоит заранее воображать, как другой человек будет себя вести, ведь ему в голову не залезешь. Жизнь не похожа на сказку, в ней гораздо больше спонтанных решений и чужой воли. Есть отношения – работай над ними. Нет – не отказывай в шансе тем, кто не дотягивает до высокой планки. В целом: не мечтай о сказке, живи, как живется...

Но кто бы знал, как мне порой тошно было от этой «правды жизни»! Хотелось верить и в иллюзии, и в воздушные замки, и в то, что занятия любовью возможны по моему сценарию, а не так, как получается... И с Владом мне казалось, что это тайное желание – которое не к лицу циничному психологу, знатоку «нормальных отношений» – наконец может воплотиться. Вон принц на коне уже есть... правда, не на белом, а на черном, но черный ему идет гораздо больше!

– Знаешь... – прошептала я. – Я просто представляла это... другому. Не...

– ...Не на природе, – подхватил он, как будто читал мои мысли. – Здесь жесткая земля, и нет душа, и ты пока не уверена...

– ...Что готова, – закончила я. И тут же испугалась. Ну что стоило промолчать, а? Вдруг теперь он обидится? Мужчины ведь любят судить по делам, а не по словам. Подумает, что я не заинтересована в нем. Или набиваю себе цену. Или... В голову лезли обрывки цитат из комментариев к постам популярных психологов. Я даже вздрогнула. Что же я наделала? Что ж я такая сложная всегда?

– Ты все сказала правильно, – прошептал он и нежно погладил меня по виску. Снова запустил пальцы в волосы, залюбовался, как они переливаются на солнце. – Я тоже хочу, чтобы все было идеально. Так, как хочется именно тебе. Так что я поцелую тебя еще. И еще. А потом – пикник!

И только через полчаса мы принялись за еду.

У меня вспухли губы, я то и дело проводила по ним языком, и будто маленький разряд тока пробивал все тело, когда я поднимала глаза на Влада. Он же держался так, как будто мы приличные люди на светском рауте. «Передать тебе кусочек сыра?» «Еще вина?» Как будто

это не он десять минут назад прикусил мне язык, а потом втянул его к себе в рот так сильно, что мне показалось – еще мгновение, и Влад меня выпьет. Съест. Целиком. Тело и душу. Как будто не он покрывал мою шею поцелуями, легкими, как удар крыльев бабочки, но почему-то такими стыдными и волнующими, что меня трясло в его объятиях. Как будто не он прикусил мою мочку уха и шептал что-то горячее, тягучее на итальянском языке... О любви. О страсти.

И как только он может быть таким спокойным после этого?

Я положила в рот виноградинку и прикрыла глаза. Тут Влад взял меня за руку и прижал ладонь к своей груди. Там сильно и быстро билось сердце.

– Чувствуешь? – улыбнулся он уголком рта. – Не думай... что я спокоен. Просто я умею держать себя в руках. Но внешнее... внешность порой обманчива.

Это было так нежно. Так здорово сказано. Так нужно мне именно в этот момент, что я засопела и уткнулась ему в плечо. И мне было наплевать на то, что от моего движения бокал опрокинулся, и по скатерти разливалось вино...

В город мы возвращались уже совсем вечером. День пролетел незаметно. Я смотрела, как за окном машины проплывают фонари, и зевала. Страшно хотелось спать. Усталость и бессонная ночь наконец нагнали меня и пытались повергнуть в дрему, а я сопротивлялась.

– Ну что? – спросил Влад, когда мы подъехали к дому. – Встретимся завтра? Или уже после следующего твоего экзамена?

– Завтра! – не задумываясь выпалила я. – Только...

– ...Только ненадолго, – понимающе улыбнулся Влад. – Я найду какое-нибудь приятное местечко рядом с твоим домом. Чтобы не сильно тебя... отвлекать.

Учитывая то, какие именно вещи воображение изобретательно додумывало после его прощального поцелуя, он уже очень, очень сильно меня отвлек. И на сегодня. И на завтра. И на...

Я зашла к себе в комнату, кинула рюкзак на кровать, стянула футболку через голову, повернулась к столу... и замерла. На столе лежала та самая колода. Та самая. Которую я выбросила этим утром, пребывая в здравом уме и трезвой памяти.

– Жень, ты заходила в мою комнату?

– А?

– В комнату ко мне. Ты заходила?

– Что? Извини, я занята немного...

– В мою. Комнату. Сегодня. Ты заходила?! – последнее слово я просто прокричала.

Женя оторвалась наконец от экрана смартфона и возмущенно посмотрела на меня.

– И незачем так орать!

– Заходила?

– Куда?

– В мою комнату, блин!

– А... нет. Я недавно совсем пришла. Извини, пожалуйста, тут это... – она художественно поводила рукой со смартфоном в воздухе. Жест этот мог означать что угодно: от «ругаюсь с родителями» до «никак не договоримся со знакомыми, где завтра есть мороженое, в парке Горького или на ВДНХ».

– Ладно. – Я отвернулась и вышла в коридор. Уже оттуда крикнула: – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Угу. Как бы не так. Я притащила к себе огромную чашку кофе для бодрости, кружку какао для утешения и выудила с полки шоколадку с орехами, которую приберегала на черный день. Будем считать, что он настал.

Села за стол, нервно потерла щеки и уставилась на карты.

Хорошо, есть две реальные рабочие версии. Первая: у меня провалы в памяти. Вторая: Женя зачем-то мне врет, и вся эта тема с картами – какой-то дурацкий розыгрыш. В первом случае, если станет совсем плохо, меня спасут вкусные таблеточки и врач, а во втором – все рано или поздно вскрыется, и тогда я могу плюнуть на общую аренду и съехать. Да, от родителей из Южного Бутово очень долго добираться до универа. Да, я готова принять это неудобство, если оно избавит меня от дурацких шутников и обманщиков. Раз решение проблемы в том и другом случае есть, можно выдохнуть и перебрать другие варианты.

Нереальные. Невероятные.

Либо это очень крутой реквизит фокусника, который работает настолько удивительно, что кажется волшебным. Тогда вопрос: зачем его мне отдали?

Либо это действительно волшебные карты... И вот тут надо очень внимательно вспомнить все, что Ольга о них говорила.

Я раскрыла блокнот и принялась записывать по пунктам. Благо у меня хорошая память, а разговор получился... хм-м-м, запоминающимся.

а) Карты вызывают демонов.

б) Просто так их отдать невозможно. Надо, чтобы кто-то их попросил.

в) Еще демоны должны быть не против поглядеть на нового хозяина карт. Иначе... что? Если они против, то даже попросить колоду не получится?

г) Чтобы поднять верхнюю карту, надо сказать «Хочу тебя видеть». Тогда призовется демон.

д) Если эту карту уничтожить, то демон исчезнет.

е) Если поднять следующую карту, то демонов станет два, и они начнут драться.

Хм. Я отложила ручку в сторону и потерла виски. Господи, Лара, чем ты вообще занимаешься? Ищешь логические ошибки в инструкции по призыву демонов?

Ладно. Предположим, что появление колоды в моей комнате объясняется вторым пунктом. Карты нельзя не только отдать, но и потерять, забыть, выкинуть и так далее. Я оставила их на столе в кафе, и это не сработало. Выбросила в мусорник – тоже как-то не сложилось. Вопрос. Можно ли их все разом уничтожить? Повлияет ли это как-то на меня? Как-то слишком много дыр в этой инструкции!

Надо было не убегать из кафе, а подробнее расспросить Ольгу... Да, но тогда мне и в голову не пришло, что это понадобится.

«Конечно, – шепнул внутренний голос. – Тогда ты думала, что она сумасшедшая. А теперь любой нормальный человек назовет сумасшедшей уже тебя. Правда смешно?»

Очень. Очень смешно.

Еще Ольга что-то говорила про сон. Будто карты – это он и есть.

Я взяла верхнюю карту и повертела перед глазами. Та сторона, где должно было быть изображение демона, выглядела совсем пустой. Но это на первый взгляд. Потому что стоило отвести глаза, сосредоточиться на каком-то другом предмете, оставляя карту почти на границе поля зрения, как там что-то начинало проступать. Поэкспериментировав пару минут, я поняла, что это надпись. Наверное, если провести несколько часов за ее изучением и окосеть от перенапряжения, ее даже получится разобрать.

Это я решила отложить на «точно после сессии», потому что магия магией, а экзамены сами себя не сдадут. И для учебы глаза мне еще нужны.

Потом я начала рассматривать рубашку карты. Тут тоже обнаружилась странность. То, что выглядело орнаментом из пятнышек и штрихов, под определенным углом начинало двигаться и переливаться. И было в этом движении что-то очень знакомое... Я прищурилась... И тут меня осенило. Сон! Во сне на стене аудитории висела таблица с позами из «Камасутры». Причем их было явно больше, чем может представить себе девушка, которая вопрос на практике тщательно не изучала, но гуглила довольно подробно. Так вот. Рубашка карты повторяла эту таблицу один в один.

Тут у меня покраснели щеки.

Ладно... Предположим, что демоны имеют отношение к сексу. Это... приятно. Гораздо приятнее, чем обычные кровожадные демоны, которым бы только жрать и убивать.

И вот тут возникает последний вопрос.

Если предположить, что я действительно вызвала этого самого демона, то ГДЕ он сейчас? Сбежал... м-м-м, веселится дни и ночи напролет с суккубами и инкубами? Или с кем там водятся демоны? Или затаился где-нибудь и ждет, как бы напасть на меня?

Тут звякнул телефон.

Я аж подпрыгнула от ужаса. Будто этот самый затаившийся демон уже напрыгнул. Но нет. Просто сообщение от Влада.

«Спокойной ночи, милая;-)»

Глава 4

Исполнение желаний

4.1

Утром на следующий день я была растрепанная, невыспавшаяся и злая на себя. Потому что заснула только под утро, так и не придумав решение проблемы. На радикальные меры, которые могли мне самой выйти боком, я была пока не готова. И по всему выходило, что надо подождать, пока дело само не прояснится.

А вот Женечка явно бы сразу поставила пару экспериментов. Вызвала еще демона, стравила их между собой, в полночь на балконе в костюме ведьмы – голая и с метлой – вопила бы на весь район: «Хочу тебя ви-и-и-идеть!» Мне вот теперь даже в мыслях страшно эту фразу произносить. Мало ли что.

Еще пару недель назад я бы поговорила с ней. Откровенно поделилась бы всеми переживаниями, и, может, вдвоем мы нашли бы выход гораздо быстрее. Но я до сих пор злилась на нее, ничего не могла с собой поделат. И считала ее немного виноватой в том, что дьявольская колода... точнее, демонская, теперь у меня. Если бы она не замутила с Никитой, я бы поехала домой и не стала заходить в то кафе. И ничего бы не случилось.

«Привет. Наша сегодняшняя встреча в силе? Я нашел классное место... совсем рядом с тобой».

«Привет. Вот это да:)»

«Хочешь, встретимся не вечером, а утром? Приглашаю тебя на завтрак».

«Я с радостью!»

«Тогда у твоего подъезда через полчаса».

Вот и он, хороший повод проснуться и отвлечься.

Умываясь и приводя себя в порядок, а потом натягивая легкий сарафан с гигантскими маками и подсолнухами, я все думала, не поделиться ли историей про карты с Владом. А что? Представить все

это в виде шутки... Или нет? Вдруг решит, что я ненормальная? Ладно, посмотрим.

Я выскочила из дома раньше назначенного времени. И тут же невольно заулыбалась. Летнее утро отлично прогоняет ночные страхи! Особенно если мимо только что проехала поливальная машина и пахнет свежестью. В палисадничке рядом с крыльцом расцвели какие-то голубые цветочки, рядом с которыми лениво развалилась мама-кошка, и тут же играли совсем маленькие смешные котята. Я присела на скамейку рядом и рассмеялась. Попыталась сфотографировать их, но котики оказались слишком быстрыми, и вместо умильных мордочек получались только смазанные пятна. Я дунула на прядь волос, некстати выбившуюся из прически, убрала ее за ухо, сползла со скамейки и присела на корточки рядом с пушистыми безобразниками. Не-е-е-ет, все-таки кадр должен быть за мной!

– Сто рублей найдется? – прогнусил кто-то сзади.

Я вздрогнула, потеряла равновесие и уселась прямо на асфальт. Оглянулась с досадой.

На скамейке сидел бомж, одетый в очень «летнее» пальто, обложившись грязными пакетами. И «благоухал». Вот ведь. Не заметила его приближение, увлекшись фотоохотой.

– Простите. У меня нет денег. – Я вскочила на ноги, отступила на шаг, другой. Полезла в сумочку за салфетками, чтобы оттереть пыль с ладони.

– По глазам вижу, что есть. Дай! Чо тебе, жалко?

Мне было не жалко, а противно.

Котята испугались и убежали, кошка выгнула спину и шипела, ладонь, которой я неудачно ткнулась в асфальт, саднила.

Я помотала головой и молча отвернулась.

– Дура! – не унимался бомж.

– Замолчи! – этот яростный бас я уже ни с чем не перепутаю. Влад подхватил меня под локоть, приобнял за плечо. – И убирайся отсюда!

– Да ты... – Бомж хотел сначала поспорить, но у Влада было такое лицо, будто еще слово – и он ударит. Действительно, проще не связываться.

– Прости, – пробормотал Влад, нежно провел ладонью по волосам и повел меня прочь отсюда. Подальше. – Я должен был появиться

раньше.

– Ты же не виноват.

– Я должен был все предусмотреть. Но ничего. Больше он никогда тебя не побеспокоит. Обещаю.

– Мой храбрый рыцарь-спаситель, – промурлыкала я и потерлась носом о его плечо. – Защищает меня от злых людей и собак.

– Ну а как иначе?.. Мы почти пришли.

Он потянул меня к обычному подъезду, на двери которого не было никаких вывесок.

– Я покажу тебе тайное место.

4.2

Лифт доставил нас на последний этаж. Там Влад сразу направился к одной из квартир, позвонил, что-то быстро сказал в открывшуюся щель и получил ключ с большим круглым брелоком. Победно улыбнулся мне, прошел по коридору до общего балкона, потом повожился несколько секунд рядом с табличкой «Входить запрещено» и распахнул передо мной дверь.

– Прошу!

– Мы лезем на чердак?

– Выше, прекрасная принцесса! Мы идем на крышу. Взирать сверху на этот город и решать, достоин ли он тебя.

Лестница, ведущая вверх, была удивительно чистой. На стенах висели фотографии обзорных площадок со всего мира, на каждой третьей-четвертой ступеньке – горшок с цветком.

– Тут... уютно. И мило.

– Да. Маленькое тайное кафе. Идеально для завтрака в хорошую погоду.

Мы прошли мимо двери на чердак, и через два пролета лестница вывела на крышу. Часть ее была обнесена заборчиком из бледно-зеленых прозрачных панелей, укрепленных металлическим переплетом. У самого края крыши, там, где лучший обзор, виднелись столики. На каждом букет цветов, графин с водой и корзинка с маленькими булочками.

– Доброе утро. Какой у вас столик? – рядом возник милый официант. Влад посмотрел на брелок, который ему выдали вместе с ключом.

– Третий.

– Прошу. – Официант проводил нас к южному углу крыши, с которого была видна почти вся Москва, от Кремля до здания МГУ, от Академии наук до Сити. Выдал нам горячие влажные полотенца для освежения рук, улыбнулся. – Что будете заказывать?

– Тут нет меню. – Влад вытер ладони и откинулся на спинку стула. – Можно попросить любой завтрак... в пределах разумного.

– Где проходят эти пределы?

– Если ты решишь съесть что-то экзотическое, мы рискуем провести здесь весь день, пока продукты доставят на кухню.

– Понятно. Можно мне тогда сырники? С мятой, малиновым вареньем и сахарной пудрой.

– А мне яйца «бenedикт». И горячий бутерброд с беконом.

Официант кивнул.

– Что будете пить?

– Можно мне капучино? С корицей. И сахар коричневый, пожалуйста.

– Два капучино. – Влад сложил пальцы домиком. – И фруктовую тарелку.

– Кофе через пять минут, еда будет чуть позже.

И официант словно испарился. Секунду еще стоял рядом с нами, а теперь его нет.

Все остальные столики были заняты, но они стояли на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы совсем не слышать чужих разговоров. Вокруг нас шумел только город и ветер, который хитрил, перебраться через прозрачное ограждение.

– Нравится? – Влад перегнулся через стол, поймал мою руку и прижал кончики пальцев к губам.

– Да. Без тебя я сюда точно не попала бы. Да я и не знаю... как искать эти тайные места.

– Какие-то – через интернет. Другие – через знающих людей. Третьи... их владельцы сами тебя найдут, если ты готов платить по их ценнику.

– А здесь высокий ценник?

– Это не должно тебя волновать.

– Просто...

– По-моему, я уже говорил тебе. Это поведение нормального мужчины. Я хочу сделать тебе приятно. Если это стоит денег, то мне неважно, сколько. Если это стоит усилий, то я их приложу. Если это невозможно... – Он усмехнулся. – То это слово мне неизвестно.

– О, да ты волшебник? Можешь творить чудеса? – Тут мне показалось, что если он скажет «да», это хороший повод поговорить про карты. Вроде как в шутку. Хотя бы в шутку.

– Нет, – Влад покачал головой. – Волшебство – это глупость. Всякая эзотерика, фокусы, магия... Это попытка обмануть. Иллюзия. Пустышка. Это противно и низко. Единственное, что на самом деле требует внимания в нашем мире, – это природа человека. Реальная. Невыдуманная. А глупые иллюзии...

Он фыркнул и махнул ладонью. Как будто прогонял эти самые иллюзии прочь. Мне резко захотелось рассказывать ему про колоду. Мало того, что сочтет ненормальной, так еще и глупой. Глупой пустышкой.

Тут нам принесли кофе. И почти сразу – еду. Горячую, вкусную, явно приготовленную с любовью, совсем по-домашнему... Я и забыла, какими вкусными могут быть сырники. У самой они вечно не получались, а у бабушки я так давно не ночевала – чтобы проснуться утром, прилепать босиком на кухню и обнаружить целое блюдо творожной вкуснятины, ммм...

Я быстро поела, чуть ли не урча от удовольствия, и устала на город за стеклом, обхватив теплую чашку ладонями. Мне было необыкновенно уютно и приятно. Влад придвинулся совсем близко к столу, опустил руку и коснулся моего колена пальцами. Несколько раз нежно провел ногтем вверх и вниз, лаская сквозь тонкую ткань.

– Эй, мне щекотно! – хихикнула я.

– А так?

Он обхватил колено, передвинул руку чуть выше – насколько вообще можно было дотянуться под столом, – медленно, один за другим, вдавил пальцы мне в бедро. От каждого, будто по струнам, натянутым внутри меня, побежали крохотные разряды удовольствия, заискрились, зажгли между ног пламя. Я рывком сжала колени, охнула.

– Ты что? Люди же смотрят!

– Хочешь, я заставлю всех отвернуться? Не оставлю ни одного свидетеля?

– Как?

Влад засмеялся.

– Дам денег и отправлю по домам. Попрошу официантов объявить воздушную тревогу. Заставлю всех спрыгнуть вниз. Какой вариант тебе нравится больше?

– Никакой. Я хочу... просто без людей.

– Хочешь? – Глаза у него смеялись, но тон был невероятно серьезен. И руку он так и не убрал с моего колена.

– Хочу.

– Тогда я заранее приглашаю тебя на свидание... в вечернее время. Дня через два-три. Например, двенадцатого июня. Поужинаем вместе, посмотрим салют и продолжим торжественную программу... в подобающем месте.

– Где именно это подобающее место?

– Еще не решил. Но если тебе важно знать заранее, напишу ближе к делу.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что следующий экзамен четырнадцатого и как это так, целый вечер потратить не на подготовку, а... А потом подумала и не стала говорить ничего. Просто улыбнулась. И кивнула.

Нет, ну а что? Все как по нотам. Можно соглашаться на секс после третьего свидания. В умных книжках говорят именно так.

После завтрака Влад проводил меня до подъезда, поцеловал за ухом, так нежно и горячо, что меня снова буквально затопило желанием, прошептал «До двенадцатого!» и ушел. А я отправилась домой, насвистывая We are the champions и улыбаясь до ушей.

Дома на кухне обнаружилась хмурая, но бодрая Женечка. Она снова шипела что-то под нос, ругаясь с телефоном, и щелкала ногтями по экрану.

– Доброе утро, – улыбнулась я. На душе было тепло, хорошо и предвкушательно. А если такого слова не существует, то его стоило бы изобрести.

– Для кого как, – ответила Женечка. – Ты, кстати, не видела, чего там внизу произошло?

– Не-е-ет, а что я должна была видеть?

– Да там «Скорая» была и толпа людей. То ли кто-то кого-то побил. То ли собаки кого-то погрызли. То ли бомжи подрались.

– Бомжи? – Я скривилась. Блин, я ведь только забыла этого гадкого...

– Ага, – пробормотала Женя. – Одного как раз в «Скорую» запихнули и увезли. Прямо в пальто на носилки грузили.

4.3

Двенадцатого числа меня трясло от предвкушения с самого утра. Как будто это мое первое в жизни свидание... Как будто раньше у меня никого не было... Как будто сбывается мечта и надо сделать все-все правильно, чтобы ни один миг, ни одна нота этого вечера не прозвучали фальшиво.

Я хваталась то за одно, то за другое, бесцельно бродила по квартире. То варила кофе, то пыталась что-то учить по грядущей педагогике, то просто смотрела в окно, то пыталась решить, в чем пойду на встречу с Владом. На кровати по всему покрывалу высились неровные стопки из платьев, топиков, юбок, чулок, трусиков и бюстгалтеров. Чулки – это чудесно, но не в двадцать семь градусов тепла. Кружевные стринги – прекрасно, но шелковые слипы гораздо удобнее. Короткая юбка – волнующе, но не слишком ли вызывающе?

Потом в комнату пробралась Мышка, запрыгнула на кровать, наделала зацепок на любимых чулках, и один из вопросов отпал... А я ударилась в слезы, нашипела на кошку и, хлопнув дверью, ушла в ванную. Там, полежав в горячей пене с запахом лаванды, я немного успокоилась и пришла в себя. Хотя бы руки перестали трястись. И вернулось чувство юмора. «Лара, – строго сказала я себе в зеркало. – Это же не Серега. Не выставка Ван Гога. И лабутенов у тебя нет. Так что выдыхай и наслаждайся моментом».

– На свидание? – Женечка кисла на кухне, второй день читала одну и ту же страницу конспекта и ела пирожные. Что-то ее грызло, но мне было откровенно не до того.

– На званый ужин. В замок господина графа, – отшутилась я.

– Ага-ага.

– Если что, я буду поздно. То есть очень поздно. Так что если тебе нужна пустая квартира...

– Да ничего мне не нужно. – Женя сделала из салфетки бумажный шарик и запулила им в стену. – Достало.

– Что достало? – Я слушала краем уха, разогревая в микроволновке бутерброд с сыром. Есть не особо хотелось, но разум твердил: если с утра маковой росинки во рту не было, то вечером есть опасность либо упасть в голодный обморок, либо с излишним энтузиазмом наброситься на еду. Ни то ни другое в концепт свидания мечты не вписывалось.

– Никита достал. Туда мы не идем, денег нет, а сюда ты не хочешь, но мы все равно идем, а где ты была вчера вечером, а почему не ответила на целых три сообщения, у тебя чо, кто-то есть, так мы встречаемся или нет? Бесит!

– Так вы встречаетесь или нет?

– Когда он мозг не делает, мне кажется, что да.

– Кажется?.. – Я застыла с бутербродом в руке. – То есть ты меня буквально выперла тогда из квартиры, потому что у вас с ним отношения, а теперь тебе что-то там кажется?

– Алё, не кипятись. Никто тебя не выпирал, ты же сама из квартиры тогда ушла!

– Угу, ушла, – буркнула я и быстро ретировалась к себе в комнату.

И вроде бы... Надо радоваться, что так сложилось. Если бы да кабы... мы бы не встретились с Владом. Но меня злило, что Женечка с таким пренебрежением говорит о моем бывшем мужчине мечты. А еще... Я рывком дернула ящик стола и уставилась на колоду карт, спокойно там лежащую. Усилием воли отложила эзотерические эксперименты до конца сессии. Но все равно покалывало в сердце, как заноза. Две занозы. То есть это с Никитой последние несколько дней Женечка все время переписывается, ругается и выясняет отношения...

«Чтоб тебя!» – пробормотала я.

Через секунду из кухни донеслось отчаянное: «Бли-и-и-ин!»

И сразу: «Ла-а-а-а-ар!»

Я вздохнула и пошла выяснять, в чем дело. Обнаружила телефон с разбитым вдребезги экраном и Женечку с изрезанными пальцами. Потом мы быстро искали аптечку, Женя грозилась шлепнуться в

обморок от потери крови, я грозилась, что потащу ее в травмпункт, в итоге сошлись на шести пластырях и пантеноле.

– И как ты так ухитрилась? – Я осторожно подметала с пола осколки, а Женя баюкала руку. Как всегда. Кто-то другой потерпевший, а последствия разгребаю я.

– Слушай, сама не понимаю. Хлопнула по столу со злости, телефон на пол слетел. Потянулась за ним – не увидела сразу, что разбился. Схватила, ну и...

– Только пообещай мне, что, если станет хуже или кровь снова потечет, ты пойдешь в травмпункт.

– Ой, не нагнетай.

– Как знаешь. – Я пожалала плечами. Внешне спокойно, но внутри мне было плохо и стыдно. Как будто это я навлекла на нее несчастье. Разозлилась – и вот, пожалуйста. Хотя, конечно, это просто совпадение.

Я вернулась к себе и со вздохом села на кровать. В день перед свиданием принцесса не мечется, не злится и не работает лекарем. В день перед свиданием у принцессы массаж, спа, парикмахер, умиротворяющие прогулки по парку из столетних пихт.

И где мои пихты, а? Я посмотрела на часы, еще раз вздохнула и надела первое попавшееся под руку платье – бело-голубое, с летящей юбкой асимметричного кроя. К нему отлично подошли новые туфли и маленький синий клатч, который я зачем-то купила зимой на распродаже и все никак не могла решить, куда бы его взять. Лиф у платья был достаточно плотным, чтобы обойтись без бюстгальтера, а трусики я в итоге надела шелковые. Мягкие, нежно ласкающие кожу, телесного цвета.

Когда я вышла из дома, Влад уже ждал. В черных брюках и черной шелковой рубашке, с широкой серебряной цепью на шее. Острый подбородок, резко выдающиеся скулы, горбинка на носу, черные глаза и очень светлая кожа... Он стоял так неподвижно, что на секунду показался мне статуей, вырезанной из черного и белого камня. Из гранита и мрамора. Потом он протянул мне руку, улыбнулся, и наваждение исчезло.

– Привет! – Он поцеловал кончики моих пальцев. – Готова... к ужину?

– Привет! – Когда он улыбался мне, я просто не могла не улыбаться в ответ. – Готова.

– Тогда едем!

И повел меня – ой, мамочки! – к лимузину, неведомо как протиснувшись в наш двор мимо припаркованных машин. Лимузин, конечно, был черный.

4.4

Внутри автомобиль оказался еще больше, чем выглядел снаружи. Никогда раньше я не ездила, сидя на таком широком и мягком кожаном сиденье. Влад устроился напротив, закинув ногу за ногу, и легонько касался моей коленки своей.

– Будешь что-нибудь? – Он распахнул дверцу мини-бара. – Тут есть сок, лимонады, сидр, вода...

Пить очень хотелось: от волнения в горле пересохло. Но я отказалась – из боязни расплескать или пролить на платье минералку, если лимузин резко дернется. Влад не стал уговаривать. Пожал плечами, налил себе воды в стакан и бросил туда пару кубиков льда.

– Мне надо охладиться, – усмехнулся он. Вроде ничего особенного не сказал, но в глазах у него вновь плескалась будто горячая смола, он прожигал меня взглядом насквозь, смотрел так бесстыдно и оценивающе, словно платье было прозрачным. Я даже опустила взгляд, чтобы проверить, не задралась ли юбка.

– Просто ты очень близко, – добавил он. Мог бы и не добавлять.

– Ты... тоже, – ответила я и, зардевшись, отвела глаза.

Лимузин ехал быстро и удивительно мягко. Зря я боялась разлить воду, здесь, внутри салона, движение почти не ощущалось. За тонированным окном мелькали улицы... судя по архитектуре зданий, мы уже были в центре, но я почему-то никак не могла понять, где именно мы едем. Как будто чуть сместился фокус зрения, и я перестала узнавать привычные места. Вроде здесь я была... мимо этого кафе проходила... заходила в этот магазин... только когда? С кем? Память подводила меня. Должно быть, от волнения.

Тут мелькание картинок за окном прекратилось.

– Приехали! – радостно сказал Влад, выбрался на тротуар первым и протянул мне руку. Я вышла и на секунду зажмурилась. После полумрака в салоне автомобиля действительность казалась слишком яркой, будто кто-то выкрутил цвета и резкость на максимум. Звенели голоса людей, шелестели машины, солнечные блики плясали по стеклам домов. А под деревом сидел двухметровый бронзовый Шаляпин и улыбался кончиками губ.

– Он пел почти так же хорошо, как я, – прошептал мне на ухо Влад. Потрясающее самодовольство. Которое очень ему шло.

– Ты говоришь так, будто был знаком с ним лично, – улыбнулась я.

– Скажи еще, пел на одной сцене... Но нет, не получилось бы. У нас один и тот же тембр голоса. Конфликт интересов!

– Не любишь конкуренции?

– Наоборот. Конкуренты не любят сталкиваться со мной.

– Почему?

– Потому что я всегда побеждаю. Идем?

Мы зашли в какой-то шикарный торговый центр, поднялись на эскалаторе и оказались у входа в ресторан. Я немного опасалась, что это будет пафосное место с накрахмаленными официантами, хрусталем и гигантскими люстрами. Но вместо этого увидела уютные зеленые кресла, деревянные потертые столы с льняными салфетками и улыбающуюся девушку-администратора в темной футболке. Тут я разом перестала стесняться и расслабилась.

Влад как-то ловко и быстро сделал заказ, я даже толком не успела изучить меню. «Хочешь, угощу своей любимой закуской?», «Вот эта штука шеф-повару тут удастся лучше всего», «Ммм, трюфельное меню, обожаю!» В итоге никаких мук выбора, все очень вкусно, а щавелевая панакота с эстрагоновым курдом только на слух звучит странно, а на вкус – настоящая пища богов! Мы пили легкое белое вино, Влад рассказывал последние байки из оперной жизни, спрашивал меня о планах на «после сессии», разговор тек легко и весело. Я не могла понять, о чем и зачем волновалась весь день. И куда только ушло все напряжение?.. Мне казалось, что кровь превратилась в игристое вино и несет по всему телу крошечные пузырьки веселья. Хотелось смеяться, шутить, целоваться...

Будто прочитав эти мысли, Влад хитро улыбнулся мне, быстро попросил счет, и вот мы уже на улице. Мне казалось, что в ресторане прошло совсем немного времени, но снаружи уже почти стемнело.

– Если поспешим, то успеем посмотреть салют!

– Мы сейчас пойдем на Красную площадь? – удивилась я.

– Нет, у нас заказана ложа с самым лучшим обзором в этом театре.

Прошу! – Влад протянул мне руку, а когда я ухватилась за его ладонь, закрутил меня в танцевальном па, засмеялся и зарылся лицом в мои волосы.

4.5

– Ты здесь живешь? – Я стояла у окна, прижав пальцы к стеклу, и восторженно смотрела на море огней внизу. Вечная пробка на Садовом переливалась как гигантское ожерелье, опоясывающее центр города.

– Нет. Я сюда иногда приезжаю. – Влад подошел сзади, отвел волосы в сторону и нежно подул мне на шею. По позвоночнику побежали мурашки. – Тебе нравится?

– Очень!

И я даже не стала спрашивать, как он узнал, как он угадал, что я всегда мечтала побывать в одной из сталинских высоток. Просто он идеальный принц. Из сказки. И это наше идеальное свидание, которое подошло к своему логическому продолжению на двадцать четвертом этаже гигантского замка.

Он взял меня за плечи, притянул спиной к себе. Я потянулась, как кошка, и прижалась к его груди, к его твердому напряженному прессу, к его бедрам... О-о-о, и не только бедрам. Повернула голову и встретилась с ним губами.

Тут мир вокруг разбился на тысячу осколков. Мы целовались горячо, жарко, ненасытно, как подростки, которые пока и в мыслях не заходят дальше, чем поцелуи. И потому вкладывают в них всю душу, все несказанные слова и невысказанные желания. И одновременно искусно, изобретательно, глубоко, как взрослые, которые знают истинную ценность поцелуев. А также знают, какое блюдо ждет дальше, и балансируют на грани... Продлить еще этот волшебный момент? Или броситься с головой в пучину страсти?

Влад охнул, развернул меня лицом к себе, снова прижал, запустив пальцы в волосы, обхватив шею – не дернешься, не вырвешься... Я подалась ему навстречу, стукнулась зубами о зубы, прикусила его язык, зажмурилась. Мой, мой, мой прекрасный принц, как же долго я тебя ждала! Где ты был все это время?

– Я искал тебя, – шепотом ответил Влад. Или мне почудилось?

Подхватил на руки и понес к огромной двуспальной кровати, по пути стягивая с меня платье, рыча и путаясь пальцами в своем ремне на брюках, расстегивая рубашку, с мясом вырывая пуговицы. Уронил меня на белые шелковые простыни, через мгновение оказался сверху всей своей тяжестью... Его пальцы и ладони, которые в самый жаркий день до этого были прохладными и уверенными, вдруг оказались обжигающе-горячими, дрожащими. Будто в них билась кипящая кровь, не находила выхода, жгла мою кожу и требовала раскрыться, подчиниться, сгореть заживо.

Он прикусил мою нижнюю губу и вел кончиками пальцев от ключиц к низу живота, будто случайно задевал соски, потом возвращался к ним снова, и меня пронзала дрожь предвкушения. Наверное, внутри меня тоже закипала кровь.

– Хочешь? – прошептал он, отпуская мою губу и перемещаясь к мочке уха. Подразнил ее кончиком языка. Прикусил. Повел губами вниз по шее, жарко дыша, то замирая, то убыстряясь, будто выводил на мне какой-то сложный узор. Узор из поцелуев. – Хочешь? – повторил он, глядя тонкую кожу на ключице.

– Хочу, – прошептала я, запустила пальцы в его волосы и прижала голову к своей груди. Пусть только продолжает целовать, пусть не останавливается, нет-нет...

И Влад повел языком вокруг моего соска. Обвел его несколько раз, приближаясь все ближе и ближе к центру круга, а потом быстро и жадно забрал его в рот. Я охнула. Движение Влада отозвалось где-то глубоко в животе, возле позвоночника, будто там зажглась маленькая пульсирующая искра. Влад переместился к другому соску, задышал чаще, и в такт его дыханию искра запульсировала все быстрее и начала расти.

Влад оторвался от моей груди, вернулся к губам, завладел языком и украл дыхание. Пару мгновений мне казалось, что я действительно научилась дышать, что вместо воздуха у меня теперь лишь эти

горячие чужие губы, и рот, и черная глубина глаз. Потом он оторвался от меня на миг.

– Грааль... – прошептал он. – Ты мой Грааль, глоток воды в пустыне для пилигрима, ты жизнь...

И я вновь научилась дышать. Никогда. Никогда раньше. Никто не говорил мне такого. Не всерьез. Не с черным пламенем, бушующим в глубине зрачков. Это было так по-настоящему, так по-моему, что я всхлипнула.

А Влад скользнул руками ниже, стянул с меня трусики, провел ребром ладони между ног, там, где я была уже совсем мокрая, готовая, ждущая его, только его...

– У нас вся ночь впереди, – прошептал он. – Но сейчас...

И ухватил меня за бедра, сильно, жестко – именно так, как мне хотелось в тот момент. Раскрыл перед собой, не оставил мне ни секунды сомнений, замешательств, дурацких вопросов: «А у нас есть презерватив?», «Наденешь?», «Подожди секунду».

Шепнул:

– Все под контролем.

И вошел – резко, быстро, сразу на всю длину. Так сильно, что я ахнула, закусывая костяшки пальцев, выгнулась, рефлекторно дернулась, отстраняясь, но он не пустил. Наоборот, притиснул к себе как можно крепче. Вбил в меня полностью, до миллиметра, вжался, стал со мной единым целым. И та искра в глубине живота вмиг раскрылась огненным цветком, разлилась жаром, горячей влагой. Перед глазами у меня плыло – я видела лишь силуэт над собой, черную фигуру на фоне белого потолка, чувствовала пальцы у себя на бедрах, член внутри себя... Глубоко, очень глубоко, там, где нет никаких мыслей и чувств, там, где рождается и бьется животная дикая страсть, выжигая все наносное и неважное, оставляя лишь возможность дышать и кричать в такт движениям.

И Влад стал двигаться. Раз за разом, резко, сильно.

А я навстречу ему. Крича, всхлипывая, вцепившись ему в запястья, царапая кожу.

Не знаю, сколько это продолжалось. Минуту, год, вечность. А потом цветок внутри меня полыхнул, расплавил нервы и волю, оставил только стон на губах и чувство невероятного удовольствия и

опустошения. Влад стиснул зубы, вскрикнул и наклонился ко мне. Замер на мгновение. Потом поцеловал краешек губ, нежно-нежно...

И в этот момент небо за окном взорвалось фейерверками.

4.6

Я плакала в ванной, прислонившись лбом к зеркалу. Пыталась успокоиться, делала несколько глубоких вдохов-выдохов, включала холодную воду, проводила по щекам мокрыми ладонями, осторожно промокала лицо мягким полотенцем... И слезы снова бежали из глаз. Сами собой, не слушаясь и не подчиняясь моей воле.

От облегчения. Наконец отпустило напряжение, ожидания, неопределенность. Все метания и переживания, все проблемы будто остались там, внизу, за стенами замка. Я расслабилась. И свернувшаяся внутри пружина, которая закручивалась и затягивалась сама по себе, реагируя на неурядицы и неудачи, наконец распрямилась. Пришло время снимать маски и не думать о том, что подумают другие.

От счастья. Мне было хорошо, так хорошо, как никогда раньше. Физическое наслаждение сплеталось с чудесным ощущением сбывшейся мечты. Все шло как по нотам.

И от несовершенства прошлого. Именно с ним, с Владом, именно таким должен был быть мой первый раз! Именно так я представляла его себе, грезилась бессонными ночами, придумывала, подбирала по кусочкам, предвкушала... Почему? Почему я не дождалась?..

Решила снизить планку. Решила дать шанс «нормальным отношениям», а не «этой придуманной мишуре». Решила брать, что дают, а не замахиваться на то, что не по зубам. Последовала советам якобы умных психологов, в какой-то момент перестала мечтать о журавле в небе, заменила его синицей...

Я же была старше всех в группе – в первый класс меня отдали почти в восемь. В самом начале первого курса мне стукнуло восемнадцать, я казалась себе ужасно, обидно взрослой, в сравнении с одноклассницами, у которых в запасе был еще почти целый год. Но их небось приглашали на танцы еще во время дискотек и выпускного в школе, у них были личная жизнь, секреты, поцелуи, сердечные страдания, а у меня ничего, ничего. Вечный теоретик, синий чулок,

жилетка для чужих слез, «слишком сложная», «слишком замороченная». Вот я и решила – хватит. Посмотрела по сторонам, вместо того чтобы ждать у моря погоды и прекрасного принца. Познакомилась с Костиком на вечеринке по поводу Хэллоуина, сходила с ним на пару свиданий в кафешку, получила в подарок букет из трех дежурных розочек, убедила себя в том, что он нормальный парень... Даже симпатичный... Даже честно, искренне влюбилась!

Но я тогда еще жила с родителями – как и он со своими. Нам было негде уединиться, ох уж эта студенческая любовь! Мы целовались в пустых коридорах универа после пар, Костик все пытался залезть мне под юбку, а я пыталась унять дрожь и не стесняться, не бояться, не трястись от неправильности происходящего. А потом случился мой первый раз – после вечеринки, в общежитии. Друзья Костики как-то разом все собрались и ушли в магазин «за добавкой», оставив нам ключ от комнаты «на всякий случай» и пообещав вернуться не скоро, через «целых полчаса». Пьяный Костик раздевал меня на чужой скрипучей кровати, на покрывале в дурацкий сине-красный ромбик, целовал и шептал что-то про любовь, а я боялась, что ребята вернутся быстрее, чем через полчаса, что мы не успеем, что... Я хотела его, действительно хотела, но мне было страшно, неудобно, а потом – просто больно.

После этого мы занимались сексом еще несколько раз. На даче у его друзей, у меня дома, когда родители уехали на полдня к бабушке, снова в той же общежитии, у каких-то невнятных знакомых на вписке. Каждый раз быстро, скомканно, нелепо, неловко. Мне казалось, что это во мне что-то не так, не хватает опыта, умения... Я штудировала интернет, читала про какие-то головокружительные техники минета, тренировалась на огурцах...

Вспомнив про огурцы, я рассмеялась. Господи. Ну при чем тут огурцы? Почему нам не пришло в голову, что для хорошего секса нужны широкая кровать, достаточно времени и прочий комфорт? Или это мне не пришло, а Костику и так было нормально? Нормально. Ключевое слово здесь – нормально. Не идеально. Не так, как мечталось. Зачем тянуться к какой-то планке, если и так сойдет?

Я скрипнула зубами. Ну уж нет. Теперь, когда я знаю, что чудо действительно возможно, никто из горе-психологов не убедит меня в

том, что надо понижать планку и «здроаво оценивать свои активы». Вот сами пусть и оценивают, умные какие нашлись.

Я фыркнула, промокнула глаза – слезы наконец закончились – и, царственно завернувшись в огромное пушистое полотенце, вышла из ванной. Угодив прямиком в объятия Влада. Он внимательно посмотрел на мое лицо, провел кончиком языка от скулы к подбородку и хмыкнул.

– Из-за меня?

Ох, глупо было думать, что он не поймет, что я плакала.

– Нет. Конечно, нет. То есть да. В хорошем смысле «да», просто ты такой...

Он прижал палец к губам:

– Чш-ш-ш-ш... Не печалься. Лучше погляди сюда.

И сунул мне в руки плоскую коробочку с золотым тиснением.

– Хотел подарить тебе еще за ужином, но подумал, что будет момент получше. Открывай!

Я осторожно подняла крышку. Внутри коробочки, на бархатной подложке, лежало ожерелье из жемчуга. Серебристо-голубое, удивительно подходящее к моему платью, которое лежало сейчас, скомканное, на полу возле кровати.

– Это таитянский жемчуг, – улыбнулся Влад. – Мне хотелось подарить тебе что-то... Не взамен испорченной юбки, потому что так надо, и не потому, что так положено – красивым женщинам положены бриллианты, так уж повелось. А просто потому...

Он сделал паузу. Внимательно посмотрел мне в глаза. Притянул к себе.

– Потому что я... тебя люблю.

Не помню, в какой момент я прошептала «я тоже». Когда он застегивал у меня на шее ожерелье, когда снова нес меня на руках к кровати, когда вел кончиками пальцев по моему животу?..

Последний кусочек пазла «идеальное свидание» встал на свое место. Так мне казалось. Но до утра было еще далеко.

Влад накрыл мою грудь чашечками ладоней и чуть шевелил пальцами. От этого внутри рождались дразнящая щекотка и возбуждение. Буквально минуту назад мне казалось, что я ужасно устала и хочу спать, и подушка была такой мягкой, манящей, и простыни ласкали кожу, и рядом с Владом я чувствовала потрясающее спокойствие и умиротворение... Но он будто знал все мои эрогенные зоны, все чувствительные местечки на теле, все способы разбудить желание – даже те, о которых я раньше не догадывалась. И вот уже спать совсем не хочется, а хочется прижиматься к нему, мурлыкать, вести кончиком языка по коже, обмирая от восторга – насколько же этот мужчина красив!

Белая гладкая кожа, ни следа загара. На контрасте с иссиня-черными волосами и черными глазами она казалась особенно светлой. Гладко выбритые щеки и подбородок, никакой щетины, что царапала бы меня во время поцелуев. Рельефно, скульптурно обрисованные мускулы. Как будто это не живой человек с недостатками и несовершенствами, а античная мраморная статуя ожила. Я гладила его плечи, грудь, живот, то и дело замирая, чтобы полюбоваться... А он дразнил меня, почти не шевеля пальцами, тяжело и прерывисто дышал, а взгляд его... О-о-о, этот взгляд.

Он прожигал насквозь. Обещал все – мыслимое и немислимое. Не отпускал – я то и дело прерывалась, чтобы поцеловать Влада и снова заглянуть ему в глаза. Кажется, я тонула в них. Уже утонула... Совсем.

Мир сжался до кровати, два на два метра. Я не слышала и не видела ничего, кроме Влада. Чувствовала его пальцы у себя на груди. Как они сжимают соски все сильнее и сильнее, будто выкручивая мои ощущения до максимума – от легкого возбуждения до желания громко стонать. Грудь сладко ныла, и тут же на эту боль-удовольствие отзывались мышцы внизу живота. Я сильно-сильно сжимала бедра и чувствовала, как горячая влага сочится наружу, щекочет кожу, заставляет думать о том, чтобы он меня... снова меня...

– Чш-ш-ш, – прошептал он мне, обвил руками и крепко прижал к себе. – Знаешь, что в тебе самое... возбуждающее?

– Что?

– Твои мысли. – Он быстро провел кончиком языка вокруг уха. Легонько прикусил кожу на шее.

– Какие... мысли?

– Ты ждешь и представляешь, как я буду тебя... Что я буду делать с тобой... Что ты будешь... А потом они сбываются. Вот это настоящая магия. Ты хочешь что-то, и оно происходит на самом деле. Запаздывая лишь на несколько секунд. И в этот промежуток между мыслью и действием, между намерением и действительностью... Эти миллиметры между нами до того, как мы кожей касаемся друг друга... Весь огонь именно в них.

Взял меня за руку и опустил ее ниже. Прижал ладонью к стволу члена, длинного, твердо стоящего... Я опустила глаза. Он уже был в презервативе – когда только Влад успел надеть? Под тонким латексом бугрились фиолетовые прожилки вен.

Влад откинулся на спину, приподнял меня за бедра и медленно, страшно медленно и нежно насадил на себя.

– Чувствуешь? – почти беззвучно шевельнул губами.

Я закусила губу и охнула вместо ответа.

Я чувствовала, как он продолжает расти внутри меня, заполняет до предела. Кажется, что глубже невозможно. Влад переместил руки, схватил меня за ягодицы, впился ногтями в кожу, приподнял... И снова опустил. Оказалось, что еще глубже – можно. И еще глубже. И еще.

– Когда мы ехали на лошадях... Тогда... – выдохнул он между движениями. – Я представлял себе, как ты оседлаешь меня. Моя принцесса. Моя королева.

И подался бедрами мне навстречу изо всех сил, так, что я ахнула, запрокинула голову и отдалась целиком его ритму. Нашему ритму. Нашей скачке, вверх-вниз, все жестче и жестче, все горячее и горячее у меня внутри, и руки его то понукают и заставляют меня, то нежно оглаживают, то царапают кожу, то будто боятся притронуться... Я раскинула ладони в стороны и представила, будто взлетаю. Словно почувствовав это, Влад отпустил руки и позволил мне двигаться в своем темпе, подводить себя к высшей точке наслаждения. И когда я была совсем близко, прижался пальцами к клитору, надавил, скользнул, снова надавил, раз, другой... И я взлетела. Куда-то туда, к высотам такого удовольствия, до которых не добиралась раньше. И не мечтала о вершинах этих, а жаркие описания в книгах считала чужой фантазией.

Будто тетива сорвалась с лука и выгнула его. Будто сквозь мой позвоночник пропустили разряд тока. Будто мышцы разом предали

меня, сократились и расслабились так, как им хочется, а желание мое... Желание мое излилось наружу, вытекло между бедер на чужую белую кожу и белые простыни. Я покачнулась и чуть не упала, но Влад удержал меня.

– Тише-тише, – прошептал он. – Тише.

...А через мгновение я проснулась. За окном было утро, по белой наволочке ползли солнечные зайчики. На секунду показалось, что все это мне приснилось. Что сейчас я поверну голову и увижу голубые обои в цветочек, свой стол с книгами и тетрадями, шкаф со скрипучей дверцей... А на календаре будет первое июня.

– Доброе утро! – Влад вошел в комнату с серебристым подносом в руках. Осторожно поставил на тумбочку рядом с кроватью две чашки кофе, сливочник и сахарницу. – Говорят, что принцессам положено приносить кофе в постель, но мне кажется, что удобнее будет все же поставить его на более ровную поверхность.

Я засмеялась.

– А еще говорят, – серьезно продолжил он, – что если ты рыцарь, посвятивший себя прекрасной принцессе, то ты должен исполнять все ее желания.

– Прямо все-все? – Я сладко потянулась и подумала, что давно у меня не было такого классного утра. А может, и вовсе никогда не было.

– Посмотрим! – подмигнул Влад. – Чего, например, ты хочешь сегодня?

Глава 5

Wishmaster

5.1

Следующие дни я жила в сказке. Флер исполнившейся мечты будто укутал меня, отделил от банальной действительности, от досадных обязанностей, от скуки и обыденности.

Едва проснувшись, я тянулась к телефону и читала сообщение от Влада: «Чего ты сегодня хочешь?;)» Шла в ванную, становилась под прохладный душ и, закрыв глаза, думала о наступившем дне. Это было удивительно приятно. Как будто тебе подарили огромную коробку любимых конфет, и ты перебираешь их, оттягивая миг удовольствия... Какую начинку выбрать? Трюфельную или сливочную? Ягодную или ликерную? Молочный шоколад или темный?

Мы катались на кораблике по Москве-реке и пили коктейли в клубе на восемьдесят втором этаже в Сити. Кормили белок в Сокольниках и летали на воздушном шаре. Были на чайной церемонии в потрясающе атмосферном тясицу и пробовали обжигающе-острый суп из бычьих хвостов. Ездили в карете по Садовому кольцу и ходили на экскурсию в депо метрополитена. Смотрели оперу, мюзикл, балет, комедию, современную драму, были на фестивале уличных театров, целовались на заднем ряду в кинотеатре, хрустели карамельным попкорном и острыми начос. Побывали в старинных поместьях и парках современного искусства под открытым небом. Обедали в усадьбе при свечах, ужинали в бизнес-классе самолета, встречали рассвет на берегу моря в Сочи, а к середине дня уже возвращались обратно в Москву.

Он дарил мне букеты из удивительных цветов, названий которых я даже и не знала. Открытки и милые безделушки. Домашние носки со смешными котятками и навороченный телефон. Новые платья из струящегося нежного шелка и кружева, с тонкой вышивкой и обманчиво простым покроем, в которых я выглядела как модель, сбегавшая со страниц модных журналов. Блокноты moleskine и ручки

с кристаллами Сваровски. Комплекты нижнего белья, которые делали меня настолько бесстыдно-сексуальной, что я краснела, глядя на себя в зеркало. И еще больше краснела, когда Влад жадно стаскивал их с меня и любил, любил, любил.

О, как он меня любил! Каждый раз с таким горячим и страстным предвкушением, как будто это наш первый раз. Каждый раз так жадно и отчаянно, как будто этот раз может стать последним. Он любил меня на кровати в форме сердца, усыпанной лепестками роз, в роскошной ванне-джакузи, на медвежьей шкуре перед камином в домике-шалле, снятом на выходные. И с каждым разом Влад был все горячее, все быстрее заводился и был готов снова, снова и снова. Как будто ледяной панцирь, делающий его холодным, вежливым, уверенным в себе, постепенно размягчался, плавился от огня, что полыхал между нами.

Он привозил меня домой под утро, и у меня едва хватало сил, чтобы добрести до кровати и упасть в блаженном забытьи. Я забывала обо всем: о своей очереди убирать на кухне, о подготовке к следующему экзамену, что надо позвонить родителям, что обещала кому-то дать отксерить конспект, что... Все это стало слишком далеким и неважным. Я получила тройки по двум экзаменам – только «в силу прошлых заслуг, что с вами случилось, Лара, вы же так хорошо учились раньше?». Как вдруг оказалось, действительно очень просто забить на сессию, был бы достойный повод. Я просто не могла учить ничего. Даже если брала себя в руки и открывала учебник, слова отказывались складываться в предложения. Я по десять раз читала одну и ту же фразу, пытаюсь постигнуть ее смысл, а мысли витали где-то далеко-далеко.

Казалось, что мой разум просто отсекал неприятные и печальные новости. Препод, который поставил мне трояк по педагогике, а перед этим стыдил перед всеми, кто был тогда в аудитории, слег с инфарктом – «Скорая» забрала его прямо из универа. Женечка переживала по каким-то своим сердечным делам и несколько раз бегала к врачу: порезы на руке все не заживали, раны гноились, ей уже прописали второй антибиотик, но улучшения все не было. Отец, который накричал на меня за то, что я отключила телефон на двое суток и пропала со всех радаров, заболел ангиной, потерял голос и теперь просто не мог мне ничего выговаривать. Но все это было какое-то наносное, неважное, досадное... Моя настоящая жизнь проходила там,

за закрытыми дверями роскошных гостиничных номеров и съемных апартаментов, рядом с Владом, а остальное... А что остальное?

Иногда мне казалось, что от недосыпа и переизбытка впечатлений меня начинает глючить. Иногда отражение в зеркале запаздывало за моими движениями. Иногда у меня появлялась лишняя тень или две. Иногда кошка Мышка, которая страстно полюбила меня, перетащила в мою комнату свою лежанку и звонко мурлыкала, стоило переступить порог квартиры, начинала охотиться на что-то невидимое и яростно замахивалась лапой, будто защищала меня. Иногда мне издали казалось, что Влад одет в доспехи, а не в обычную одежду. Иногда в его глазах мне виделся отблеск пламени, хотя огня в комнате не было. Но все это я списывала на усталость. В самом деле, я же нормальная? Я же нормальная, да?

О картах я и не вспоминала.

«Разбудила» меня Женечка, утром перед последним экзаменом, тридцатого июня. Я вернулась домой в шесть утра, проспала час и после трех будильников выползла на кухню бледной тенью. Стояла над туркой с убежавшим кофе и пыталась решить, что делать – варить новый, сделать растворимый или уже собираться в универ.

Женечка подошла ко мне, громко стукнула кружкой, резко поставив ее на стол, и сказала:

– Помнишь, ты спрашивала, не замечала ли я в тебе чего-нибудь странного в последние дни? Ну, кроме влюбленности?

– Ну?

– Так вот, замечала. И в предмете влюбленности, кстати, тоже.

5.2

Я поморщилась и потерла занывший висок. Голос Женечки возвращал меня туда, где совсем не хотелось быть. Ехать в дурацкий университет, выслушивать нелицеприятные слова о моей успеваемости, получать трояк – это если повезет, отправляться на пересдачу – если удача мне изменит. Думать о том, что стипендия в следующем семестре точно не грозит, «предвкушать» разговор с родителями о результатах моей «прекрасной» учебы. Но зато после экзамена...

Я улыбнулась краешками губ. После экзамена Влад обещал отвезти меня в какой-то волшебный отель в лесу, где сквозь панорамное остекление видны звезды и светлячки. И еще исполнить очередное желание. Я еще не придумала, что попросить. Наверное, Женечка просто завидует. Да. Именно так.

– И что же не так в предмете влюбленности?

– Ты вроде говорила, что он актер?

– Да.

Где-то неделю назад мы с Женей поссорились из-за того, что я забыла закрыть дверь квартиры, когда пришла среди ночи. Я даже не оправдывалась особо, просто ждала, когда она замолчит. А Женечка возмущалась, что это за Влад такой, которого она ни разу не видела, может, я придумала его, чтобы глупости оправдывать? Тогда я сунула ей под нос визитку и предложила в следующий раз посмотреть в окно, когда Влад будет встречать меня перед подъездом. Во вполне материальном виде, с букетом роз. Больше Женя этот вопрос не поднимала.

– Так вот. – Женечка забралась с ногами на табуретку и откусила от шоколадного сырка. – Я тут посмотрела на сайт театра, который был на визитке. Его там нет в труппе.

– Как это нет? – Я быстро ткнула в браузер на телефоне, поискала среди сохраненных вкладок. Мне так нравились фото Влада в некоторых ролях, что я регулярно пересматривала их. – Смотри. Вот его биография... Вот список партий...

– Да-да, – кивнула Женя и пододвинула ко мне свой ноутбук. – А теперь посмотри с моего. Давай вместе? – Она перешла ко мне за спину, крутанула ноут и щелкнула ногтем по тачпаду. – Гляди. Вот список труппы. Ни одного Влада Зорина. Вот галерея фото. Ни одного Влада Зорина. Вот поиск по актерам в постановках следующего сезона. Ни одного Влада Зо...

– Стой! – Я поймала ее за руку. – Бред какой-то. Может, эта версия для десктопов давно не обновлялась, а мобильная просто свежее?

– Давай глянем с моего телефона. – Она с готовностью показала мне экранчик. – То же самое. Видишь?

Я сглотнула. Слюна почему-то была горькой. Сердце затрепыхалось где-то у самого горла.

– Слушай... Но зачем ему меня обманывать? Он что, загрузил тайком поддельный сайт мне на телефон? В чем смысл? Или, наоборот, ты зачем-то меня обманываешь?

– А это уже тебе лучше знать. – Женечка вернулась на свою табуретку и уставилась на меня, подперев подбородок забинтованным кулаком. – Еще пара приколов. Он же актер, публичный человек, любовь зрителей ему нужна, известность, да?

– Вроде да...

– При этом у него нет страницы ни в одной из соцсетей? Ни одного даже тупого аккаунта в инстаграме?

– Слушай, ну есть такие люди, которые не любят соцсети...

– Еще. Ты видела кого-нибудь из его друзей? Родных? Была когда-нибудь у него дома? Какая у него машина, знаешь?

– Я...

Тут я осеклась. Женечка попала в цель. В то самое «но», которое иногда всплывало на границе сознания, а потом его смывала волна страсти. Когда я сказала, что хочу поглядеть на него на сцене, Влад ответил, что театральный сезон закончился и возможность представится только осенью. На шутливую фразу «Не злятся ли твои друзья, что ты все время со мной проводишь?» он отшутился тем, что интроверт и близких друзей у него нет. Когда я спросила, где он живет, Влад ответил: «Далеко за городом». И прибавил, что снимает несколько квартир в центре на случай, если задерживается на работе. В этих квартирах мы уже побывали... Он никогда не говорил о своей семье! Ни разу. Может... он женат? Я ведь ни разу его паспорт не видела. Может, у него в машине детские кресла? Может...

Я сжала кулаки и... расплакалась. После слов Женечки волшебная сказка последних дней если не разбилась, то пошла трещинами.

– Эй! – Женя подошла ко мне и неловко обняла за плечи. – Может, он просто одинокий сиротка-нелюдим с придурью. Пропал в глубине твоих глаз. Продал свой дом и машину, чтобы выгуливать тебя по кафешечкам. А теперь боится, что мы его раскроем!

– Блин! – Теперь мне стало одновременно смешно и противно. – Не матерись, а?

– Вот, узнаю старую Лару-зануду! А то я уж переживать начала, что тебя подменили.

Я медленно выдохнула. Пошла в комнату, натянула первые попавшиеся джинсы, рубашку поло, подхватила рюкзачок с зачеткой и отправилась на экзамен. Сидя в уголке набитого вагона метро, я постукивала пальцем по экрану телефона и вспоминала. Хорошо хоть во время сумасшедшего секс-марафона последних дней у меня не ухудшилась память. Или это ее взбодрил холодный душ из подозрений?..

«Это... твоя машина?» – спросила я Влада на первом свидании.

«Нет, это корпоративная скидка на бизнес-тариф такси. Я предпочитаю другой вид транспорта».

«Какой?»

«Покажу. Потом. Пусть это пока останется моим маленьким секретом, хорошо?»

И дальше, во время пикника: «Не думай... что я спокоен. Просто я умею держать себя в руках. Но внешнее... внешность порой обманчива».

Тогда я подумала, что он говорит о своем волнении. О том, что тоже переживает. Теперь я решила, что, возможно, стоило обратить внимание на слова про обманчивую внешность. И подумать, что может за ней прятаться.

«А ты сама к этому готова? – шепнул противный трусливый внутренний голос. – Может, стоит оставить все как раньше? Не задавать лишних вопросов – мужчины этого не любят. Просто плыть по течению и наслаждаться каждым отдельным днем. А потом все разрешится... Раньше или позже. Так или иначе».

Новая Лара, которой было наплевать на учебу, на логику и на действительность, так бы и поступила.

Но старая Лара – нет, на такое она не могла пойти.

Я открыла переписку и быстро написала Владу ответ на утренний вопрос «Чего ты хочешь?»

Через минуту он ответил.

«Хорошо».

«Сегодня хочу узнать твои секреты. Заедешь за мной на своей машине? Ты ведь обещал, что как-нибудь потом... Мне надоели такси и съемные квартиры. Хочу узнать тебя настоящего. Можно?»

«Хорошо».

И больше ничего не сказал.

Спустя несколько часов я вышла из аудитории последняя, запихивая в рюкзачок зачетку дрожащими руками. Все-таки тройка. Никаких пересдач. Впереди два месяца свободы.

Не так я представляла себе окончание сессии. Разочарование, досада на себя, пустота. Полная пустота в голове, как будто я ничего не учила и никогда ничего не знала. Время обеда уже прошло, а я и позавтракать-то толком не успела, поэтому желудок недовольно ныл и напоминал о себе. В коридоре было душно, мне даже показалось на секунду, что сейчас я упаду в обморок.

Дошла до туалета, плеснула в лицо холодной водой, подышала в открытую форточку. На Москву напозлали грозовые тучи, воздух снаружи был тяжелый и влажный. Постояла, глядя на себя в зеркало. Бледная, с черными кругами под глазами, в рубашке с измятым воротничком. Картина маслом: принцесса не вышла из загула.

Мне хотелось быстрее выйти на улицу, чтобы увидеть Влада – он неизменно действовал на меня как укол возбуждающей анестезии. Становилось одновременно хорошо и наплевать на все остальное.

И в то же время было страшно выходить. Какие секреты он решит раскрыть? И понравится ли мне то, что я узнаю?

Ладно. Я сжала кулаки, несколько раз глубоко вдохнула и быстро пошла к лестнице. Шесть пролетов до первого этажа, половина коридора до выхода, решительно потянуть на себя тяжелую дверь, выйти на крыльцо, спуститься, не оглядываясь по сторонам... Поднять глаза.

Влада не было. Обычно он ждал меня рядом с машиной около стоянки. Или совсем рядом с крыльцом, возле ступенек. Но сегодня его не было ни там, ни там. У меня упало сердце. Все-таки обиделся? Или... просто опоздал?

«Только что-то раньше он никогда не опаздывал!» – издевательски протянул внутренний голос.

Я достала телефон, открыла переписку и медленно набрала:

«Ты меня сегодня встретишь?»

Минута, две, три... Сообщение оставалось непрочитанным.

Я потеряла лицо рукой и медленно пошла от универа к метро. Ноги были как будто ватные. Приходилось заставлять себя делать каждый шаг. Повернуть за угол, пройти по переулку, миновать то самое кафе...

Возле пешеходного перехода прямо передо мной резко от тормозился мотоциклист на огромном черном спортбайке. Стянул с головы шлем, протянул руку:

– Забирайся.

– В... Влад?

На секунду я просто обалдела. В мотоциклетной защите он и впрямь выглядел настоящим рыцарем в латах. Только современным. Злым, быстрым, очень опасным. Черты лица его как будто еще больше заострились, и казалось, лишний раз взгляни на эти скулы и подбородок – и порежешься до крови. В глазах мелькали отблески пламени.

– Ты же хотела покататься на моем виде транспорта. Садись сзади. Держи шлем. И держись крепче.

– Я... – Я сглотнула и протянула ему руку. Хотя разум говорил: нет-нет-нет, Лара, ни в коем случае! Я с детства до одури боялась мотоциклов, после того как парень с соседней дачи влетел в забор прямо напротив наших ворот. Разбился не до смерти, но мне тогда было ужасно страшно. – Мы... мы не упадем?

– Если только ты этого не захочешь, – усмехнулся Влад.

Дождался, пока я устроюсь сзади, натянув шлем, и обхватываю его за пояс, намертво сцепив руки. Медленно, обманчиво медленно оттолкнулся ногой от бордюра. Мотоцикл поплыл сначала ровно и плавно. Я даже успела подумать: «Ох, вроде бы совсем не страшно...» А потом Влад выжал газ, и мне захотелось просто визжать от ужаса.

Только вот из-под шлема и из-за ревающего ветра меня было бы совсем не слышно.

5.4

Половину Москвы мы пролетели минут за двадцать, лавируя в пробках между машинами – каждый раз мне казалось, что зазор слишком мал и сейчас мы снесем чужие зеркала, свои колени и локти,

врежемся, не впишемся, не сумеем... Но каждый раз мы вылетали на перекресток ровно в тот момент, когда загорался нужный зеленый, а мотоцикл ревел и рвался вперед, пытаясь скинуть дурацкого пассажира. То есть меня.

Если поток машин был слишком плотным, Влад сворачивал в маленькие переулки, несся по дворам, нарушая все мыслимые правила, по задворкам промзон, по пустырям мимо стай бродячих собак, по пешеходным переходам через железнодорожные пути, по лестницам и по узким тропинкам в парках. Я вжималась в его спину всем телом, забывала дышать от страха и шептала беззвучно: «Только бы... Только бы руки не разжать!»

А потом нас догнал дождь. Мотоцикл пронесся под МКАДом и рванул прочь от Москвы, и в этот момент рухнула стена воды. Байк сразу же повело, я почувствовала, как он скользит и идет юзом по мокрому асфальту, и испугалась еще сильнее... Зажмурилась, и перед глазами поплыли оранжево-фиолетовые круги. А потом...

Мне показалось, что мотоцикл под нами изменился. Под кожей сиденья заходили невидимые мускулы, и я слышала удары копыт по дороге. Не открывая глаз, я повернула голову, и узор под веками превратился в иллюзию реальности. Мы будто скакали по широкому ночному тракту прочь от города, над которым клубилось красно-оранжевое зарево и вились стаи ворон. Вдоль дороги мелькали столбы, увенчанные гигантскими фонарями, из них наружу вырывалось живое пламя – и как только оно не гасло в такой ливень? Дорога внизу была сложена из огромных каменных плит, а на стыках, откуда-то снизу, пробивался свет.

Кожаная куртка Влада, к которой я прижималась, превратилась в броню, проклепанную сталью. Вдоль позвоночника шли острые шипы, на плечах топорщились наплечники, будто сложенные крылья. Шлем исчез, и длинные волосы, собранные в хвост, бились по ветру, хлестали меня по щекам... Кажется, моего шлема тоже теперь не было.

Спина скакуна становилась все горячее, его мускулы внизу, подо мной, ходили все сильнее. Сжимая его бока коленями, дрожа от напряжения и страха, я вдруг почувствовала, что этот жар проникает в меня. Шов на джинсах врезался в пах, терся о лобок и клитор, дергался в такт ударам копыт... Я заерзала, попыталась сменить

положение, скользнула вбок по скользкому седлу, ахнула и сильнее вцепилась во Влада. Он не обернулся. Ударил пятками по бокам коня, чтобы тот скакал еще быстрее, и подался спиной на меня. Шипы на его броне разом ужалили – в низ живота, в пупок, в солнечное сплетение, в ямку у основания шеи. А тело будто только и ждало этой резкой неожиданной боли.

Я задышала чаще, закусил губу, дернулась... Шов на джинсах переместился чуть в сторону, на какую-то пару миллиметров, но этого хватило. Теперь каждый удар копытами по дороге порождал внизу живота электрический разряд. Меня дергало с ног до головы, прошибало дрожью, безжалостно колотило нарастающим возбуждением. Бедра горели, натянутые связки ныли, мышцы грозило вот-вот свести судорогой. Удар, удар, удар... Возбуждение хлестало меня огненным бичом, от паха до горла, крест-накрест, невыносимо сладкими полосками боли. Кажется, я заплакала и сильнее сжала зубы. И почувствовала во рту соленый привкус крови... Ее капли упали на спину Владу, побежали красными полосками вниз.

Скакун захрапел, затанцевал под нами и встал на дыбы, жар внизу живота взорвался и растекся по венам, оголенный электрический провод между ног подарил последнюю вспышку боли и вдруг пропал, я закричала и разжала руки – потому что невозможно, просто невозможно было продолжать держаться. Мне вдруг стало все равно, упаду я или нет. Но Влад поймал мои ладони и прижал к себе.

Тут небеса расколото раскатом грома, я моргнула и увидела несущиеся рядом машины. Я снова смотрела на мир сквозь визор шлема. Седло превратилось в сиденье байка, ночь перекинулась в день. Дождь стихал, тучи уходили за горизонт, и в разрывах облаков снова показалось голубое небо. Я почувствовала, что промокла насквозь. Жар снаружи и внутри пропал, ветер хватал меня за плечи, влажный воротник лип к шее, пальцы рук совсем заledenели и дрожали.

А я не могла ни сказать, ни крикнуть Владу, что хочу остановиться, – он же не услышит. Не могла отпустить даже одну руку, чтобы постучать его по спине и привлечь внимание – страх упасть вернулся, стал еще сильнее и острее. Сколько мы будем так ехать? Час? Два? Меня захлестнуло волной беспомощности и безысходности, я вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, которую ведут...

везут туда, куда угодно взрослому. А у нее самой нет ни единого шанса отказаться. Нет права голоса. Нет ничего, кроме самой себя. Кроме своего тела, полного страха и... неги.

Я всхлипнула и снова закрыла глаза. Пожалуйста, пожалуйста, только бы эта гонка закончилась как можно быстрее... Только вот... Я боялась, что еще немного, и я начну хотеть, чтобы она никогда не заканчивалась. Желание снова захлестнет, цепи предохранителей в голове сгорят, и тогда у меня не останется даже себя самой. Только безумие и багровое зарево за спиной.

В этот момент я почувствовала, как мотоцикл кренится, заходя в вираж.

Открыла глаза, когда Влад затормозил рядом с воротами.

Стянул шлем и обернулся ко мне:

– Слезай. Мы приехали.

5.5

Уцепившись за его ладонь, я медленно сползла с мотоцикла. Ноги подгибались и отказывались меня держать. В горле пересохло.

Влад рванул на себя створку ворот, та громко лязгнула и отворилась. Я с трудом сделала шаг, другой... Оказалась в небольшом дворе с круглыми клумбами и коваными фонарями. Влад зашел следом, ведя мотоцикл рядом с собой. Поставил его, отщелкнув подножку, и прикрыл за собой ворота. Щелкнул пальцами. Сверху послышался скрежет. Я подняла глаза и увидела, что на нас смотрит камера.

– Мне улыбнуться?

– Она не работает. Уже.

Влад взял меня за руку и повлек к дому. Откуда-то сбоку залаяла собака, но он дернулся в ту сторону и громко шикнул. В тот же момент лай оборвался – наверное, пес узнал хозяина.

Влад поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Она со скрежетом распахнулась внутрь, в темноту, будто приглашая меня в тайные покои Синея Бороды... Туда, где хранятся секреты, которые очень хочется выведать, только вот знать их слишком опасно. Но мне было так холодно и неудобно, так хотелось в теплое нутро дома, что я почти без

сомнений шагнула через порог. И, миновав закуток прихожей, оставив там мокрые кроссовки и рюкзачок, оказалась в большом зале... с камином! Который мы сможем разжечь! И погреться! Именно то, чего мне хотелось в последние несколько минут!

Я невольно улыбнулась.

– Вот это да! Мы будем сидеть у камина?

– Да. На теплой пушистой шкуре. Или, если захочешь, вон на тех удобных креслах, – он кивнул в сторону, туда, где стояли два уютнейших кресла-качалки с пушистыми пледами. – Раздевайся.

– Прямо вот так... с порога?

Влад рассмеялся.

– Я повешу твою одежду сушиться. А взамен...

Он расстегнул маленькую мотосумку на поясе и протянул мне сверток, перевязанный розовой ленточкой.

– Подарок на месяц нашего знакомства. Подумал, что тебе понравится.

Я развернула его и ахнула. Длинный белый сарафан с нежно-сиреневыми цветами на лифе струился между пальцами, как вода, казался абсолютно нереальной, сказочной одеждой.

– Это бирманский шелк из цветов лотоса кьяр-чи. Для того чтобы сделать сарафан, ушло примерно десять тысяч стеблей... но ты гораздо красивее, чем десятки тысяч цветов. Так что пусть гордятся такой судьбой.

Я быстро стянула мокрые носки, джинсы и рубашку, когда Влад ушел куда-то в глубину дома. Немного подумала и трусики тоже сняла. Надела сарафан – он совсем не ощущался на коже. Подошла к камину – перед ним действительно лежала толстая медвежья шкура, и упругий мех щекотал ступни. Прикрыла глаза. Как всегда, рядом с Владом ко мне возвращалось спокойствие... Даже поездка уже не казалась такой странной и опасной. Мало ли что может пригрезиться после бессонной ночи? После череды бессонных ночей?..

Влад вернулся с дровами и быстро разжег огонь. Пододвинул мне кресло, я забралась на него с ногами, закуталась в плед и наконец согрелась. А Влад уселся на шкуру у моих ног. Скрестил лодыжки по-турецки, положил ладони на колени, прикрыл глаза... С безупречно прямой спиной, сидя без движения, с отблесками пламени на белом

лице он снова стал похож на статую. Изумительно красивую, но опасную статую. Которая вот-вот оживет и...

– Так какие секреты хочет узнать прекрасная леди? – проговорил он, не поднимая век.

Я поежилась. Что он может мне рассказать? «На самом деле я женат, и наша интрижка скоро закончится». «Через два дня я улетаю в другую страну и никак не могу взять тебя с собой». «Я шизофреник в ремиссии». «Я мусульманин, будешь моей четвертой женой?» Я точно хочу знать все его секреты? Точно-точно?

– Для тебя так важен брак? – усмехнулся он.

– Ты... читаешь мои мысли?

Несмотря на огонь в камине, в комнате вдруг стало холодно. Очень-очень холодно.

– Не всегда. – Влад пожал плечами. – Иногда просто предугадываю их.

– Но... почему... ты же говорил, что не любишь фокусы?

– Это не фокусы. – Он повернулся ко мне и открыл глаза. Вокруг зрачков плясали языки пламени. – Просто ты человек. А я хорошо знаю человеческую природу. Так уж повелось.

– Ты так говоришь, будто ты сам не человек!

И тут Влад расхохотался. Эхо от его смеха прокатилось по всему залу, как раскат грома, языки пламени в камине заметались, словно под порывами ветра. Вдоволь насмеявшись, он придвинулся ближе и взял меня за руку. Поцеловал кончики пальцев один за другим. Приложил к своей щеке, ледяной и твердой, будто каменной.

– Это была хорошая шутка, – проговорил он. – Особенно учитывая, что ты сама меня вызвала.

5.6

– Когда... как это я тебя вызвала?

– Ты сказала, что хочешь меня видеть.

«Хочу тебя видеть».

Я спросила, как поднять карту. А Ольга ответила: «Просто скажите: хочу тебя видеть». И потом добавила: «Зачем вам фото? Скоро встретитесь вживую».

Да нет же. Этого просто не может быть.

– О, эта склонность к психозащитам, отрицанию и вытеснению. – Влад провел ладонью по своему лицу, и его глаза снова стали черными, а кожа чуть порозовела и перестала казаться мраморной. – Хорошо, если тебе так проще, можешь считать меня человеком. Тем более что я ношу маску не худшего представителя вашего рода.

И тут я действительно вспомнила. В тот момент, когда Ольга протянула мне веер из карт и я увидела фото мужчин на них... Того самого принца из сказки. Такого, как я всегда себе представляла. Это был именно Влад.

– Прости. – Я потерла ладонями виски. – Это все... немного странно. Слегка. Я просто никогда раньше не встречалась... с демонами.

– О, то есть на сей раз я первый? – искренне улыбнулся Влад. – Поздравляю тебя. Отличный расклад.

– Чем же он... отличный?

– Мне понравилось, как ты мне подыгрывала до последнего. – Он наклонился к камину и подкинул еще одно полено в огонь. – Так мило смущалась. Делала вид, что сомневаешься в моих чувствах и нашем будущем.

– Нашем будущем?

– Да. Собственно, теперь, когда мы полностью и... хм... глубоко удостоверились, что расположены друг к другу, – он поглядел на меня с усмешкой и медленно облизнул губы, – можно обговорить тонкости и детали. Этого самого будущего. Когда ты написала с утра, я был уверен, что ты хочешь поговорить именно об этих... секретах.

– Хорошо. Давай сначала о них.

Угу. Сначала. Так, Лара. Медленно выдыхай. Ты же не можешь сейчас встать и убежать прочь, смешно размахивая руками? В неизвестном направлении. Ага. От демона. Убежать. Ты и от несчастной колоды карт убежать не можешь. У которой вообще ни ножек, ни других средств передвижения. А уж от демона с охренительным спортбайком – да-а-а, аж три раза с половиной. Все у тебя получится. Дерзай.

– На самом деле все просто. – Влад продемонстрировал мне открытые ладони. – Я тебе честно обрисовываю перспективы. А ты

мне честно обещаешь, что не будешь дальше перебирать колоду. Это будет взаимовыгодное сотрудничество.

– Почему?

– Для меня – потому что я не люблю конкурентов. Все эти грязные приемы, драки в грязи и грызня за женщину... – Он скривился. – Думаю, в современном цивилизованном мире я способен доказать, что лучший, без всякой этой ерунды.

– А...

– Далеко не все разделяют это мнение. И, раз уж мы затронули вопрос о других демонах, не все будут носить тебя на руках, как я.

Мне захотелось спрятаться. Как в детстве, с головой под одеялом. Туда, откуда все это покажется дурным сном. Но я продолжала говорить... Глядя на себя как будто со стороны и каждую секунду прикидывая, сколько нормальности осталось в моих словах. И сколько принятия.

– О'кей, про тебя понятно. А мои выгоды? Они...

– Ты уже могла их оценить в полной мере. Подарки, свидания, путешествия. Конфетно-букетный период любой продолжительности и интенсивности. В принципе, любые материальные капризы, без ограничений. Новая квартира. Новая машина. Личный самолет. Деньги. Власть. Если тебе это важно, официально поженимся. Если надоест – разведемся. Я все равно буду рядом. И буду тебя любить. Во всех смыслах. Всегда.

– А...

– Да, к сожалению, «всегда» ограничено временем твоей жизни. Бессмертие относится к чудесам, которые я не могу тебе обеспечить. Но от несчастных случаев и происков врагов я тебя защищу.

Это звучало слишком красиво. Такой вот рай для отдельно взятого человека. Построенный руками демона... Но не все ли равно, кто построил твой рай, если внутри хорошо?

– А если я тебя разлюблю?

– Если ты не будешь страдать втайне и отмалчиваться, а сразу расскажешь мне об этом, то уверен, мы сумеем договориться. О взаимовыгодном изменении условий сделки.

Я поежилась. Меня почему-то снова охватило то самое чувство беспомощности, что по дороге сюда. Как будто меня увлекают куда-то в неизвестность, не по своей воле. А я не могу отказаться, потому что

даже формального повода для этого нет. Хотя интуиция просто в голос вопила, захлебывалась, повторяла: «Тут какой-то подвох! Должен быть подвох!» Но... Я же не могу спрыгнуть с мотоцикла во время гонки? Или... могу?

– Ты сомневаешься? – Влад удивленно поднял брови. – Ты же говорила, что любишь меня? Что тебе хорошо со мной?

– Да... – Я замаялась. А потом решила просто спросить в лоб: – А в какой момент ты потребуешь мою душу? И подпись кровью?

Влад отшатнулся, как будто я его ударила. Проговорил медленно, чеканя слова:

– Я уже сказал и повторю снова. Я люблю тебя. Я не позволю и волосу с головы твоей упасть. Не говоря уже о душе. Зачем мне ее забирать, если мы будем вместе?

Я задумалась. Прокрутила в голове наш разговор. Наши разговоры. Искала, за что зацепилась моя интуиция. Что ей не давало покоя.

– Ты сказал: «На сей раз я первый». Это что значит?

– В момент, когда ты завладела колодой, я был первым на очереди. Поэтому ты призвала именно меня. Так бывало не всегда.

Я нервно рассмеялась. Нет, я, конечно, осознавала, что у Влада опыт отношений побольше, чем у меня. Но не думала, что прямое упоминание об этом меня так заденет.

– И как же их звали?

– Да ты ревнуешь! – Влад тоже рассмеялся. – Не надо. Сейчас я только твой. Был твоим ровно с того момента, как мы встретились в первый раз. И буду твоим до последнего вздоха.

– Скольким ты это говорил? Я... нет, я не ревную. Я просто хочу понять, наверное. Ну, уложить ситуацию у себя в голове. К тому же ты обещал честно рассказать... И об этом секрете тоже, так ведь?

5.7

– Хорошо, если тебя это развлечет. – Влад отвернулся к огню и прикрыл глаза. – Если говорить про последний союз... ее звали Эдит. Эдит Вильсон. Сначала ей хотелось беззаботной жизни. Потом денег. Потом власти. Конечно, у нее... у нас все получилось. Ее тогда

прозвали «секретный президент». По сути, когда ее муж слег после инсульта, именно она управляла страной. Первая женщина во главе Штатов... Жаль, что в какой-то момент мы не сумели договориться о продолжении банкета и я не целовал ее лоб на смертном одре.

У меня пересохло в горле.

– Когда это было?

– Мы были вместе совсем недолго. Меньше пятнадцати лет. С тысяча девятьсот восьмого по тысяча девятьсот двадцать первый. Но все же это было отличное времечко. – Влад ностальгически улыбнулся. – Знаешь, я никогда не понимал, зачем некоторые мужчины позволяют себе говорить гадости о предыдущих любовницах и женах, годами холить и лелеять обиды, клеймить тех за непонимание и дразни. Это так нелепо и низко.

– Ты слишком, прямо подозрительно хорош... – пробормотала я. И еще в годах. Подумаешь, мелочи какие. Когда прошлый роман твоего мужчины закончился век тому назад.

– Я просто последовательный. И адекватный. В отличие от большинства людишек, которых мотает туда-обратно, сегодня люблю – завтра ненавижу, сегодня трамвай куплю – завтра забирай свои игрушки.

– Как-то ты не слишком любишь людей.

– Я их терпеть не могу. – Влад ослабил, демонстрируя зубы, которые внезапно показались мне ненормально острыми, как будто заточенными. Или, наоборот, нормальными – ну, для демона...

– Но я же тоже чело...

– Ты – это другое. Совсем другое. Они лишь пепел под твоими ногами.

– А до Эдит?..

– Филиппа Геннегау. – Он внимательно посмотрел мне в лицо. Вздохнул. – Ладно, история человечества слишком обширна, чтобы помнить имена всех значимых женщин. Потом погуглишь. С ней у нас был и вовсе мимолетный роман. С тысяча триста сорок шестого по тысяча триста пятьдесят третий.

Да уж, совсем мимолетный.

– А вот с Феодорой мы провели вместе побольше лет. С пятьсот двадцатого по пятьсот сорок восьмой, до самой ее смерти. Историки потом все понять не могли, как эта гетера, цирковая шлюха, девка из

борделя – так ее звали завистники – превратилась в византийскую императрицу. По одному движению ее пальца летели головы, создавались и рушились военные союзы. Император Юстиниан, помнится, очень вежливо со мной здоровался по утрам, когда я выходил из опочивальни его жены.

– И ты не ревновал?

– Я? К человеку? – Влад посмотрел на меня как на сумасшедшую. – Если бы Феодора только пожелала, я бы уничтожил его. Стер с лица Земли. В долю секунды. Как можно ревновать к муравью, которого можешь раздавить одним пальцем?

– Брр... – Мне снова стало холодно. Несмотря на мягкий шерстяной плед, несмотря на полыхающий в камине огонь.

– Что «брр»? – передразнил меня Влад. – Ты вот сама говорила, что будешь болеть за меня, когда я начну отрубать ноги твоим обидчикам.

– Это же была... – тут мое сердце пропустило удар, – шутка. Мы же просто с тобой флиртовали, и я...

– В каждой шутке есть только малюсенькая крупица смеха. Остальное серьезно. Костик и вправду сильно тебя обидел.

Тут я почувствовала себя как рыба, которую выкинули из реки на берег. Рыба, которая может только дергаться и хватать воздух разинутым ртом. Но дышать... дышать не получается. И сердце почему-то снова пропускает удар за ударом.

– Костик... – нет, это не мой голос, слишком хриплый. Каркающий голос. Накаравший беду. – То, что с ним случилось... Это сделал ты?

– Я. – Влад мило и обезоруживающе улыбнулся. – Только я еще не решил, стоит ему выйти из больницы инвалидом или вовсе не стоит жить.

– Ты что... я не... я не хочу! Не хочу, чтобы он умирал, и вообще...

– Прости, Лара. У некоторых желаний нет обратного хода. Я хорошо умею угрожать. Отнимать. Проклинать. Убивать. А вот срывать сломанные кости и поворачивать время вспять – не очень.

Тут меня понесло. Как будто я заглянула в глубокий черный колодец. Бросила камешек, чтобы услышать плеск воды. И... ничего. Колодец оказался бездонным. Но я все продолжала и продолжала

бросать вопросы-камешки... В надежде на что? Что в колодце внезапно зажжется свет и появится живая вода?

– Что случилось с тем официантом, который плохо нас обслужил?

– Он вылетел с работы, влез в долги, ушел в запой и сдох под забором.

– А водитель, который нас подрезал?

– Влетел в фонарный столб.

– Препод, который первым поставил мне тройку? Его инфаркт – это...

– Моих рук дело.

– Бомж у моего подъезда?

– Больше уже никого не побеспокоит.

– Порезы у Женечки на руке?

– Нечего было уводить парня у тебя из-под носа.

– А то, что у моего отца заболело горло? – Я уже просто плакала, бессильно сжимая кулаки.

– Ему не стоило кричать на тебя.

– Но это же мои близкие! И мои друзья! Я на самом деле не желала им ничего плохого! Я не хотела, чтобы с ними что-то случилось!

Влад пожал плечами:

– Я не умею различать, когда ты желаешь кому-то зла просто в сердцах, а когда серьезно. Все это – твои желания. А значит, я их выполняю.

– Подожди...

Это мгновенное превращение романтической сказки в ужас было настолько абсурдным, что я все никак не могла поверить. Может, я что-то не так поняла? Может, есть какой-то выход? И я... мы сумеем все исправить?

– Подожди. А если гипотетически... чисто гипотетически, я, например, заказываю какую-нибудь мелочь с «Алиэкспресса», а она все не приходит и не приходит, и трекинг продавец не высылает, и я такая в сердцах: «Ах вы, проклятые китайцы, чтоб вас!...»

Тут Влад улыбнулся так искренне, так радостно, как будто только что получил самый лучший новогодний подарок и исполнение всех прошлых и будущих мечтаний разом.

– В таком случае. Гипотетически. Я буду абсолютно счастлив исполнить твою волю.

– То есть... Так... А... Твои прошлые женщины... У них были такие желания?

– Были. Парадокс человеческой природы, Лара, в том, что даже самые добрые и чистые сердцем порой сильно злятся на мир. Но лишь у единиц есть возможность поглядеть, как их слова, высказанные в сердцах, меняют весь ход истории^[4].

5.8

Говорят, что девочкам не нравятся слишком хорошие мальчики. Слишком уж они предсказуемые. Картонные. Плоские.

Говорят, что девочки любят плохих мальчиков. Ведь это гораздо интереснее.

Идеальный вариант: когда отрицательный герой, жестокий с миром и безжалостный с врагами, внезапно демонстрирует любовь и нежность. Мол, вся моя злоба – это лишь ледяной панцирь, для других. А для тебя, мечта моя, – все мое трепетное сердце. Только ради тебя я готов чувствовать. Только ради тебя готов меняться.

В теории это очень заманчиво, да.

Когда читаешь книги и смотришь фильмы. Когда только задумываешься о любви, романтике и приключениях. Когда только заглядываешь за горизонт – какой она будет, взрослая жизнь? Когда вы секретничаете с подружками, сидя на чердаке дачи с бутербродами и целым чайником какао. Снаружи идет дождь, внутри пахнет пылью и сыростью, вы чихаете, смеетесь, вытираете рукавами грязные коленки и болтаете о любви.

И когда тебя спрашивают о твоём прекрасном принце, ты отвечаешь: «Он красивый, бледный и черноволосый. Он победит всех. Враги будут считать его жестоким, но на самом деле... На самом деле он будет меня любить». И улыбаешься. Ведь если кто-то тебя любит, то, значит, он не может быть плохим, да?

Именно так тебе кажется в двенадцать лет...

И вот тебе восемнадцать, у твоих ног сидит тот самый прекрасный принц и предлагает сердце вместе со всем миром в

придачу. Только ты почему-то не бросаешься ему на шею, плача от счастья. Ты просто плачешь.

– Весь мир и коньки, – пробормотала я.

– Что?

– Снежная Королева обещала Каю. Весь мир и коньки. Можно... – Я посмотрела было Владу в глаза, но в последний момент отвела взгляд. – Можно я подумаю? О... обдумаю то, что ты сказал?

– Конечно. – Влад мило улыбнулся мне. Как будто он был просто вежливым, красивым мужчиной с отличными манерами. А не сумасшедшим, темным, жестоким, страшным убийцей-демоном! Оказывается, тот, кто тебя любит, может быть плохим. Очень-очень плохим.

Я выбралась из кресла и пошла в соседнюю комнату, волоча за собой плед.

Это оказался маленький кабинет с антикварными стеллажами вдоль стен и рабочим столом. Там стояли фотографии... Я подошла поближе, взяла одну из них, чтобы рассмотреть. Какой-то неизвестный блондин. С брюшком и загорелой лысиной. С женщиной в обнимку. Что за...

– Влад, – я говорила вполголоса, не оборачиваясь, но была уверена, что демон меня слышит. – Скажи... Это же не твой дом, да?

– Если хочешь, то будет твой. Если не очень нравится, то выбери потом другой.

– Мы сюда приехали, потому что...

– Потому что ты промокла, замерзла и хотела согреться. Возле живого огня. Это был ближайший в окрестностях пристойный дом с камином и шкурой.

А ведь действительно, у Влада не было ключей. Заходя сюда, он просто сломал замки на дверях. И когда он сказал про камеру, что она не работает... Он отключил ее. А собаку... Я прижала ладони к вискам, просто запрещая себе думать об этом.

– Мне не нравится. Ты еще ничего... не сделал с хозяевами?

– Не было нужды. И если они не решат заявиться сюда, пока мы разговариваем, так и быть, пусть живут.

Спасибо, разрешил. Комментарий, которым награждаешь зарвавшегося собеседника. Который слишком много на себя

ответственности берет и думает, что мир кружится вокруг него. Спасибо, разрешил.

Правда, в случае с Владом... у него-то как раз хватало мощи и желания влиять на судьбы и действия других людей. Разрешать и запрещать. Дарить и отнимать.

Это слишком опасно.

Это же гибрид зенитной установки и биологического оружия под боком. В постоянной близости. Готовый сдетонировать в любой момент.

И все же я на минуту задумалась. Можно ведь познать дзен. Не желать никому зла. Быть перманентно улыбающейся милой Ларой. Без греховных мыслей, без дурных помыслов... Тогда и у Влада не будет повода творить зло. Тогда он сумеет измениться. Наверное.

«Блин, Лара, ты что, не знаешь присказку про белую обезьяну? – Внутренний голос не разделял такого оптимизма. – Сколько ты способна не думать о белой обезьяне, если тебе запретить о ней думать? Секунду? Две? Или сразу вот сейчас соберешь вещички и отправишься прямым рейсом в Непал – прочищать духовные чакры и учиться, как не свихнуться в присутствии демона, не думая зла, не говоря зла и не слыша зла?»

Да меня же совесть съест. За близких. За далеких. За неизвестных мне людей... и тем более за известных. Которые уже пострадали и могут пострадать из-за меня. Я слишком слабая для этого. Мне не нужны власть, слава и деньги. И даже любовь... Не нужны такой ценой.

Я всхлипнула. Вспомнила, как он целовал меня. Как обнимал. Как любил – а за окном взрывались фейерверки, как будто только для нас двоих. Как он был похож на мою мечту. Он ведь и был ею. Моей мечтой... Я потянулась к столу и, почти не глядя, нащупала колоду карт. Она оказалась рядом именно в тот момент, когда понадобилась. Я развернула папиросную бумагу, взяла пустую верхнюю карту и посмотрела на нее.

Нет, я не могу. Не могу, просто не могу!

Я закусила губу и обернулась.

Влад все так же сидел у огня, невозможно красивый и невозможно далекий. Мой, от поцелуя до поцелуя, от сейчас и до смерти.

– Влад... – прошептала я.

Он повернулся ко мне и шевельнул губами:

– Я. Тебя. Люблю.

И в ту же секунду, не давая себе шанса на раздумья, я порвала карту.

5.9

Он просто исчез.

Еще мгновение назад смотрел мне в глаза, а теперь его не было.

И – я вздрогнула – будто кто-то разом сорвал с меня защитный кокон. Исчезла та самая анестезия, которую дарил Влад, ощущение того, что досадные детали и мелочи вокруг не важны. Я вдруг увидела, что часть дыма из камина не уходит в трубу, а расплзается по комнате. Что шкура на полу не такая уж и роскошная, а старая и потертая. Что в люстре не хватает пары лампочек. Что дверной косяк поцарапан...

Вот черт! Я вздрогнула, схватила со стола карты и бросилась в прихожую. На полдороге остановилась, закусилась костяшки пальцев, чтобы не расплакаться, и рванула обратно. Чтобы подобрать соскользнувший на пол плед и сунуть его в кресло. Хотя... Я всхлипнула. Блин! Блин!

Слишком ярким и неприятным было осознание возвращения в обычную действительность. Я в чужом доме. Неизвестно где. Хозяева вот-вот могут вернуться. Меня же сдадут в полицию, как воровку! Надо выбираться отсюда быстрее, черт с ними, со следами нашего присутствия, с камином и с пледами...

Я сорвала со спинки стула мокрые джинсы, дрожащими руками стала натягивать их, не попадая в штанину, всхлипывая. Чуть не упала, схватилась за каминную решетку, обожглась и все-таки разрыдалась в голос. Не снимая платье, просто подтянула подол повыше и заправила в джинсы. Сверху надела рубашку. Теперь носки, один, другой... И уходим, Лара, быстрее уходим отсюда!

Зашнуровала кроссовки – внутри все еще хлюпало, и пальцы на правой ноге сразу свело судорогой, то ли от холода, то ли от волнения. Запихнула колоду карт в рюкзак – первый раз по собственной воле я брала их с собой, мало ли, сколько они тут пролежат, прежде чем

решат ко мне переместиться... А их нельзя, никак нельзя в случайные руки!

Вытащила из кармана салфетки, открыла дверь, не касаясь ручки голыми пальцами, и вылетела во двор. На секунду замерла, хватая ртом воздух и пытаюсь не паниковать. Мотоцикл Влада превратился в чудовищного кадавра: гибрид лошадиного скелета и металлического монстра. На костях топорщились кусочки плоти, громадные ржавые болты крепили сочленения механических суставов и когда-то живых высохших жил. На краю глазницы лошадиного черепа сидел ворон. Увидев меня, он встрепенулся и крикнул:

– Мор! Мор-р-р-р-р!

Я пробежала мимо него, всем телом врезалась в створку ворот – та медленно отворилась. Я выскользнула наружу, закрыла за собой дверь и побежала куда-то вдоль высоких заборов... все равно куда сначала, лишь бы подальше отсюда. А в спину мне несло издевательское:

– Мор-р-р-р! Мо-о-о-о-ор!

Снова пошел дождь. У меня закололо в боку, я согнулась, уперлась ладонями в колени и закашлялась. Я злилась на себя, злилась на Влада, просто злилась... чтобы заглушить ужасную боль в груди. Что это? Боль потери? Или, уходя, он буквально забрал у меня кусок сердца?

Вытащила телефон... почему-то не было сети. Я не понимала, где я, не могла вызвать такси, ничего... И тогда просто пошла куда глаза глядят, останавливаясь каждые несколько минут, чтобы отдышаться. Сквозь дождь и слезы мир вокруг был очень плохо виден, но я думала, что табличку с названием поселка или большое шоссе точно не пропущу.

Мне показалось, что я шла вечность. Справа уже закончились дома и потянулся лес. Но, где-то в десятый раз достав телефон из кармана, обнаружила, что прошло всего сорок минут, а еще появилась сеть. Я тот же ткнула в иконку приложения такси... Ого. Больше пятидесяти километров до Москвы. Какие-то Веретенки, Красный Октябрь, и впереди Волоколамское шоссе.

Я заказала машину. Ни один водитель не выразил желания взять заказ. В принципе я их понимала. Слишком далеко. Дождь снова полил стеной, обочину развезло. Шоссе и улицы на карте тут же

перекрасились из зеленого в красный цвет. Я кое-как прикрывала экран телефона рюкзаком и кусала губы. Наверняка местные пользовались какой-то здешней службой такси... Только как мне ее узнать? Интернет то появлялся, то пропадал. У телефона садилась батарейка.

В итоге я пешком дошла до Волоколамки и уселась на остановке автобуса. Тут хотя бы навес был. Я стучала зубами и раскачивалась взад-вперед, обнимая себя руками. Взад-вперед. Взад-вперед. Машины неслись мимо. Наверное, можно было остановить одну и попросить подкинуть... Нет, нельзя. Вдруг там следующий демон? Вдруг там... Иррациональный страх вырос внутри меня, занял все место в груди и в голове, высосал все силы и решимость, оставил только возможность раскачиваться. Взад-вперед.

Через час пришел автобус. Я доковыляла до водительской двери, с трудом достала кошелек – замерзшие пальцы отказывались шевелиться, – протянула водителю деньги. Он начал ругаться и требовать транспортную карту, говорить, что у него нет сдачи, но я махнула рукой, молча прошла по салону и приткнулась на свободное место в самом конце, у задней двери.

И отключилась. На конечной меня пихнули локтем, я выбралась наружу, увидела впереди метро и поехала домой. Дорогу я толком не запомнила. Пересаживалась на автопилоте. До дома шла – тоже.

Зайдя в маленькую прихожую и кое-как закрыв за собой дверь, я закрыла глаза, сползла по стенке на пол и разрыдалась. Прибежала Женечка, что-то спросила... Я не разобрала. Притащила большое полотенце и кружку горячего кофе, укутала меня, обняла и сидела рядом, повторяя:

– Ну ничего, ничего. Ничего.

Так закончился первый месяц лета.

Глава 6

Июль и музыка

6.1

Я так долго сидела и плакала, прислонившись к стене, что голова наконец стала звенящая и совсем-совсем пустая. Казалось, что вместе со слезами ее покинули все мысли, переживания и боль в висках утихла. Мир вокруг стал мутный и какой-то совсем неважный.

Я с трудом поднялась, добрела до своей комнаты, стянула мокрую одежду и оставила ее прямо на полу: не хватило сил даже просто повесить джинсы на спинку стула. И добраться до ванной тоже показалось абсолютно невозможным. Я упала на кровать и закрыла глаза буквально на секунду, пообещав себе, что вот-вот встану и пойду чистить зубы...

Набралась сил, встала, пошла к двери, отворила ее и... оказалась на аллее сада. Вокруг трещали и пели на все голоса птицы, звенели струи воды в фонтанах, ветер шелестел листвой, а на белые мраморные плиты под ногами, кружась, опускались сиреневые лепестки цветов. Я вздрогнула и оглянулась назад, недоумевая, в какой именно момент коридор нашей квартиры превратился в такое чудо. Однако за спиной не было моей комнаты: только терраса с огромным витражным окном, резные колонны и виноградные лозы. Посреди террасы, в самом центре солнечного пятна сидела кошка Мышка и независимо вылизывала лапки. Поймав мой взгляд, она коротко мяукнула и дернула ухом – иди, мол, что встала?

Я пожала плечами и медленно пошла по одной из тропинок. То тут, то там слышались людские голоса. Разговоры, песни и смех. Однако деревья росли так плотно, что за ними было никого не разглядеть. Я оказалась в настоящем зеленом лабиринте. Пока нос к носу не столкнешься с еще одним здешним обитателем, так и будешь бродить в одиночестве, даже если кто-то пройдет совсем близко, за стеной.

Потом звон воды стал громче, и я вышла к роскошному многоярусному фонтану из мрамора разных цветов и горного кварца. Струи воды танцевали в воздухе, над ними висела радуга. Рядом на широкой каменной скамейке сидели две девушки в хитонах. Они тихонько смеялись, прихлебывали розовую жидкость из больших угловатых кубков и рассматривали... карты. Я была уверена, те самые карты.

Меня будто на аркане потянуло к ним. Рациональная часть мозга говорила: надо просто удостовериться, что это твоя колода. А нерациональная... ее показания разнились от «надо срочно вернуть Влада обратно» до «хватаем карты, бежим и бросаемся в ближайший костер вместе со всеми уликами».

Я подошла поближе. Замялась. Кашлянула, привлекая к себе внимание. Сказала:

– Привет!

Мне не ответили. Но я продолжила говорить. Давно заметила за собой, что в снах я гораздо храбрее, чем в жизни. В реальности, наверное, я бы не осмелилась повторно беспокоить незнакомых людей после того, как они меня уже раз проигнорировали.

– У вас... очень интересная колода. Можно посмотреть?

Одна из девушек, не поднимая головы, протянула мне несколько карт.

Я подняла их к лицу и вдруг поймала ощущение мощного дежавю. Будто тараном ударило в грудь, вышибло весь воздух из легких. Это ведь уже было. Я тогда сама... сама попросила их у Ольги. И так же, как сейчас, не могла запомнить ни одного из тех, кто на них изображен. И сама навлекла на себя...

Я вздрогнула и перевела взгляд. Теперь на скамейке рядом с фонтаном никого не было. Только лежала еще одна надорванная карта. Я машинально подхватила, перевернула... Глянцевая, темно-бордовая, будто облитая свежей кровью. Если даже там кто-то и нарисован, то сейчас черт лица не разобрать. Зато надпись внизу очень хорошо заметна, она горела и переливалась золотисто-огненными буквами: Wishmaster. Откуда я знаю это слово?..

В памяти нехотя всплыл старый фильм ужасов о древнем демоне, который забирал у людей души в обмен на желания. Причем желания

исполнял самым страшным способом, так, чтобы загадавший человек либо погиб, либо очень пожалел о своих словах.

Тут у меня задрожали пальцы, карта выскользнула, спланировала на садовую дорожку, расплылась красной лужицей и впиталась в песок между камнями. Где-то наверху подул сильный ветер, листва в кронах деревьев зашептала, зашелестела... Мне стало холодно. И страшно.

Я развернулась и побежала обратно, к той террасе, откуда только что пришла. Вдруг кто-то выдернул у меня из пальцев оставшиеся несколько карт. Я вскрикнула, обернулась... Сзади никого не было. А еще вокруг пропали голоса людей и птиц. Остались только свист ветра и шум деревьев.

Так. Лара, это сон. Всего-навсего сон.

Но успокоиться не получалось. Я то шла, то бежала мимо живой изгороди, мимо красиво подстриженных кустов и мраморных статуй, мимо фонтанов с золотыми рыбками и оранжерей... Но все никак не могла выбраться из зеленого лабиринта. А небо над головой заволкло тучами, и начинал накрапывать дождь.

Я запыхалась и остановилась перевести дух. Заправила прядь волос за ухо, оглянулась по сторонам... И тут кто-то обхватил меня сзади. Я даже вскрикнуть не успела, дернулась, пытаюсь высвободить руки... Но поздно. Меня будто стянули двумя железными обручами. Точнее, притянули ими к кому-то большому, жаркому, прерывисто дышащему.

Запахло горячим металлом и костром.

Кто-то тихо засмеялся мне в ухо:

– Куда же ты бежишь? Ведь это сад наслаждений. А ты еще... не насладились. Ты еще даже не начинала...

Я закусила губу и все пыталась обернуться, рассмотреть, кто меня держит. Почему-то это казалось очень важным. Но не получалось. Никак. Я билась как пойманная птица в силках, но каждое усилие приводило лишь к тому, что незнакомец держал меня крепче. Еще крепче. Кажется, я почувствовала, как затрещали ребра.

– Ты действительно думаешь, что сможешь от меня убежать? – проговорил он мне на ухо, а потом спустился губами ниже по шее, к плечу... И стал целовать его, жадно, горячо, прикусывая кожу острыми зубами и постанывая от наслаждения. И от этих поцелуев под кожей расплзался будто яд. Дурман. Морок.

У меня начала кружиться голова. Захотелось остаться в этом саду еще хотя бы на час... два... на всю ночь, чтобы прямо на одной из каменных скамеек... чтобы он разложил меня и...

И тут раздалось громкое:

– Мя-а-а-а-ау!

Громче, чем биение крови у меня в ушах, пронзительнее, чем удар грома, расколовший небо как раз в этот момент. Я ахнула. И проснулась.

Я лежала у себя на кровати, прямо на покрывале, свернувшись клубочком. На подушке рядом с моей головой сидела кошка Мышка и победно мурчала.

Так начался июль.

* * *

Часов в одиннадцать я наконец нашла в себе силы, чтобы выползти на кухню. Именно выползти: я чувствовала себя несчастной улиточкой, которая передвигается медленно и с трудом, оставляя за собой липкий след из печали и слез. Со стороны, наверное, такая улиточка выглядела бы смешно и нелепо... И хорошо. И ладно. В каждой ситуации надо искать что-то забавное, так ведь? Иначе можно утонуть в пучине слез, лежать на дне депрессии, хлюпать носом и убивать время прочими малоприятными способами.

Первое, что я сделала на кухне, – полезла искать самую большую чашку. Таковую, чтобы в нее поместился минимум литр целебного какао. Со сладкой пенкой и щепоткой ванильного сахара. Правда, в итоге пришлось обойтись пол-литровой сувенирной пивной кружкой, из которой никто отродясь ничего не пил.

Когда я закончила варить какао и уселась за стол, на кухню пришла Женечка, налила себе чай, молча полезла в шкафчик и достала оттуда пачку овсяного печенья. А из холодильника – кусок пирожного «Птичье молоко». Пододвинула их ко мне и улыбнулась.

– Ешь! Печенька плюс пироженка – лучший рецепт лекарства от разбитого сердца.

– Почему?

– С точки зрения умной химии, быстрые углеводы добегут до твоего мозга и устроят там вечеринку. А с точки зрения здравого смысла это просто вкусно!

– С помощью вкусноты можно лечить разбитое сердце?

– С помощью вкусноты можно вылечить все! – Она победно продемонстрировала мне руку без повязки. На пальцах виднелись красно-бурые шрамы. – Вчера меня покинуло воспаление! А что я делала вчера? Допила курс антибиотиков. И поела тортика с печеньем. Любому очевидно, что сработало именно второе!

– Ура! – Я потянула к себе блюдечко с «Птичьим молоком» и улыбнулась. Правильно. Вот оно, доказательство того, что я все сделала правильно. У Женьки заживает рука. А у отца наконец прошла боль в горле – он уже успел позвонить и поругаться, почему это я не отчиталась о результатах сессии еще вчера и где меня носило? Оставалось надеяться, что все те беды, которые успел причинить людям Влад, мало-помалу отступят. Ну... кроме совсем уж необратимых.

– Ну так что? – Женечка уселась за стол напротив и подперла кулаками подбородок. – Что там оказалось?

– Где «там»?

– У преступного разбивателя сердец. Ревнивая жена? Выводок детей? Накладной член, который он все это время выдавал за свой настоящий, а вчера ты такая случайно его отстегнула, а под ним...

– А-а-а-а-а!!! Женя-а-а-а!

– Ага! То есть дело все-таки в члене, да?

– Нет!

– Ой! Он гермафродит?

– Блин! – Я не выдержала и кинула в нее печеньем.

Женечка ловко увернулась, печенье врезалось в холодильник и сбило на пол магнитик из Анапы.

– Тогда у меня кончились версии. Рассказывай.

– Не... – Я прислушалась к себе. – Не хочу. Извини.

– Ладно. – Женя пожала плечами, делая вид, что ей совсем не интересно. – Но ты хоть намекни.

– Да что намекать... – Я допила какао и уставилась в кружку, как будто на дне прятались все ответы на вопросы. И желательно – таблетка успокоительного. – Он и вправду кучу всего скрывал. А тут

еще решил поговорить о бывших, какие девицы у него были, и все покруче меня, похвастался, то-се... И я что-то решила, что не надо мне такого.

– Ой, дурак! Нашел, о чем говорить.

– Угу. Там такие тараканы вылезли... – Я скривилась.

– Ладно! – Женечка хлопнула ладошкой по столу. – Умерла так умерла. Ты что сегодня вечером делаешь?

– Я?

С планами на вечер у меня было грустно. Самый главный и первостепенный – жалеть о паршиво сданной сессии, жалеть себя, срочно придумывать, как зарабатывать деньги при отсутствии повышенной стипендии. Приятный вечер, одним словом.

– Нет, я у Мышки спрашиваю, конечно же. А то она чёт совсем меня позабросила. Назначила тебя любимой хозяйкой и обхаживает.

– Мяу! – Тут Мышка выбралась из-под моего стула и показательно обиженно прошествовала из кухни.

– Короче. – Женечка допила свой чай одним глотком и показала на меня пальцем. – Будь готова к выходу в шесть. И не вздумай отказываться.

– А куда мы пойдём?

– Слушать музыку!

6.2

Надо сказать, что музыкой это назвать было сложно. Я сидела за стойкой бара, судорожно сжимая стакан, и думала, насколько прилично будет его отпустить и зажать уши обеими руками. Учитывая, что мое место очень близко к сцене и отлично просматривается музыкантами. Знай я заранее, что придется слушать ЭТО, я бы предпочла любую другую альтернативу. Даже лежать на кровати и жалеть себя. Главное, что в тишине.

Вдвойне обидно, что понадобилось собрать всю волю и смелость в кулак, чтобы просто выйти из квартиры. Пока мы с Женечкой прикидывали, что надеть, срочно прорезали дырки на старых джинсах, чтобы они подходили для похода в рок-клуб, и ржали над пустяками, мне было не страшно. А вот когда мы уже обулись в прихожей и

осталось перешагнуть порог... О-о-о, как на меня накатило! Внутри квартиры я чувствовала себя хотя бы немного защищенной. А вот снаружи... Казалось, что каждый встречный сможет обернуться демоном и, рыча, утянуть меня в ад. По дороге к метро я шарахалась от всех мало-мальски симпатичных мужчин в диапазоне от шестнадцати до шестидесяти лет. А уже в вагоне у меня случилась паническая атака. Стало нечем дышать, сердце забилося часто-часто, я ухватилась за рукав Женечки, закрыла глаза и просто уговаривала себя. Сначала дышать. Потом оглядеться по сторонам. Потом прислушаться к организму и понять, что я не собираюсь умирать. Наоборот, я собираюсь на концерт! Повеселиться! И все эти страдания – ради чего?..

Концерт оказался сборной солянкой из выступлений молодых групп. В описании на флаере это звучало даже заманчиво: «Шесть молодых, прорывных, амбициозных коллективов! У каждого свой стиль! Ты обязательно услышишь что-то крутое для себя и оторвешься! Битва юных талантов – кто победит? Решать тебе!»

Я представила себе какой-то прикольный рок-баттл, типа как в фильме про Скотта Пилигрима. Соревнование певцов в реальном времени – и мы сможем проголосовать за самых классных.

В реальности же действо оказалось изрядно скучным и довольно мучительным для ушей. Сначала группа забиралась на сцену и подключала аппаратуру. Потом начинался вой мартовского кота на крыше. Они настраивались. Инструменты пищали, хрипели и визжали. Колонки сначала шипели, а потом выдавали такой удар по барабанным перепонкам, что хотелось прятаться от воздушного налета. Через двадцать минут страданий они решали, что и так сойдет, и начинали играть. И после трех-четырех песен уступали место следующим музыкальным экзекуторам.

Ладно. Первые две группы были еще ничего. Не то чтобы мне не нравились их песни – просто я не могла разобрать ни единого слова в рычании и вое вокалистов. Но, по крайней мере, извлекаемое из инструментов нечто было похоже на музыку. Однако третьей на сцену вышла суровая группа из далекого уральского городка Камышлов и пообещала зрителям «незабываемый индастриал».

Надо признаться, что через пять минут после начала их выступления меня перестали волновать демоны, разбитое сердце,

совесть, деньги и прочие важные вещи. С этой точки зрения индастриал был прекрасен. И забываем. Только вот я никак не могла понять, почему этот грохот, скрип, рев циркулярной пилы, рваный ритм, пробирающий до самого сердца и вызывающий натуральную тошноту, и периодические нестройные вопли имеют право носить гордое имя «музыка».

Даже мартини не помогал. Третий стакан. Я повернулась к Женечке и показала ей кулак. В ответ она развела руками и скорчила гримасу. Мол, кто ж мог ожидать такого роскошного выступления?

Я заорала ей в ухо.

– Что-о-о? – ответила она.

Тогда я вытянула из сумочки ручку и написала на салфетке: «Никогда. Никогда больше!» И подчеркнула двойной чертой.

Женя вырвала у меня ручку и приписала ниже: «В следующий раз музыканта выбираешь ты!»

Я кивнула на выход. Пойдем, мол? В моем организме уже было достаточно индастриала. До краев. Даже немного выплескивался из ушей.

Женя подняла бокал с коктейлем. Мол, допью, и пойдем.

Я вздохнула. И тут нас окутала тишина. Блаженная тишина! Уши болели, и голова была тяжелая, будто ватная. Но не все вокруг разделяли мой «энтузиазм».

– Круто!

– Еще!

Ох, нет. Еще я не выдержу.

Однако тут на сцену выбрался музыкант следующей группы и стал ругаться с вокалистом. Показывал на часы, выхватывал микрофон и всячески саботировал попытки того начать новую песню. Видимо, расписание выступлений окончательно пошло по одному месту, и надо было уступать территорию. Суровые музыканты покидать поле боя не желали, барабанщик даже замахнулся на соперника палочками. Тот их ловко выхватил и сломал. Еще немного, и скучный концерт закончился бы задорной дракой, но тут вмешались организаторы, растащили парней и навели порядок.

Индастриал был успешно изгнан. Парень, который начал драку, вытер разбитый нос, подхватил свою гитару, встал на краю сцены в луче прожектора... и уставился прямо на меня.

Я улыбнулась и отсалютовала ему стаканом. Надо же поблагодарить того, кто спас всех от продолжения музыкальной пытки. Однако он не улыбнулся в ответ, убрал прядь волос со лба и наклонился к гитаре, настраивая ее. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Все равно абсолютно не мой тип мужчины.

Огромный татуированный качок ростом под два метра. Светлые, почти белые волосы, забранные в длинный хвост, и бритые виски. Чем-то он напоминал то ли викинга, то ли ведьмака. Кожаные штаны и расстегнутая красная рубашка с цепями и гильзами вместо пуговиц. Нет, не спорю, когда можно посчитать все кубики на животе, это красиво... Но я такое показушничество никогда не любила. И накачанный пресс в моем списке критериев «секси» находился если не на последнем месте, то где-то рядом с ним.

– Ва-а-а-ау! – выдохнула у меня под ухом Женечка.

– Что вау?

– Интересно, они все скандинавы? Или все братья? Ох-ре-ни-тель-ные красавцы!

Действительно. Все музыканты группы были высокие, беловолосые – наверняка некоторые крашенные! – и с хорошими фигурами. Я усмехнулась. Как будто специально подбирались по внешности... только ведь это не всегда залог музыкальной гармонии.

– У тебя ж Никита есть...

– Это не мешает мне восхищаться! Чисто умозрительно.

– Число умозрительно ты допила коктейль?

– Ну Ла-а-а-ар... Давай послушаем, как звучат эти красавчики.

– Возможно, еще хуже, чем предыдущие.

– Одну песню.

– Ладно. Но только одну. А то я уже не могу.

А потом они заиграли. И я поняла, что, когда песня закончится, никуда я не пойду. Потому что захочу послушать следующую. И еще. И еще.

6.3

На сцене рождалась музыка, которая идеально попадала в ритм моего сердца. Волновала его и заставляла чуть-чуть спешить, быстрее

гнать кровь по венам, так, что горят щеки и покалывает кончики пальцев.

Это было как предвкушение полета. Словно в детстве, когда я первый раз села в самолет и ждала, что вот-вот он оттолкнется от земли. И ровно в тот самый момент, когда он задирает нос и взмывает в небо, случается чудо. То, о чем тебе рассказывали взрослые и ты сама видела в книжках, становится явью. Ты летишь.

Это было как предчувствие первого поцелуя. Когда волнуешься, и переживаешь, и не веришь, а потом все равно понимаешь, что сегодня коснешься чужих губ... и больше никогда не будешь прежней. Дыхание сбивается, а в голове будто лопаются пузырьки шампанского.

Музыка захватила меня и увела в страну грез. Закружила, вплела в свой ритм, заставила забыть обо всех невзгодах и неприятностях. В самом деле, какая разница, что происходит с твоим телом в брэнной реальности, когда душа способна летать? Когда слушаешь чужую песню, а сама вспоминаешь свои недописанные стихи? И тебе за них в кои-то веки не стыдно... Именно в этот момент тебе кажется, что если вернуться к заветному блокноту, спрятанному в самом дальнем углу секретера, и попытаться писать снова... У тебя получится.

Музыка будто вернула мне веру в себя. Вернула веру в чудо, которое может сотворить любой. Обычный человек. Без всякой магии и фокусов. Кто-то – касаясь струн. Кто-то – прижимая к губам микрофон. Кто-то – красками. Кто-то – обычной шариковой ручкой на бумаге. Я закрыла глаза и тихо засмеялась. Музыка тут же подобрала смех и превратила его в хрустальные колокольчики.

– Викинги скачут мочить дракона! – внезапно заорали мне в ухо.

Я дернулась, приходя в себя. Кто? Что?..

– Мой бывший так называл этот жанр! – уточнила Женечка. Так же громко. – Викинги скачут мочить дракона. Павер-металл! Тыдынц-тыдынц!

– Не очень... – начала я.

– Я вот тоже раньше не очень! А теперь гляжу на них – и очень!

Я раздраженно дернула плечом и с сожалением уставилась на сцену. Спасибо, Женя. Как всегда, кстати. Нет, песня не стала звучать хуже, но очарование момента пропало. А музыканты и впрямь отжигали, яростно тряся белыми хаерами, блестели потными голыми бицепсами, щеголяли татуировками и размахивали цепями. Для

полного обращения в берсерков не хватало только мечей и щитов. Хотя...

Я прищурилась. Тот самый агрессивный качок-гитарист размахивал грифом так, что меч тут был бы лишним. Его гитара и без того выглядела угловатой и опасной. Настоящее оружие. Пожалуй, предыдущей группе повезло, что организаторы быстро среагировали... И мне повезло. Последние десять минут стоили всех предыдущих страданий. Как же здорово, что Женя уговорила меня сюда пойти.

– Спасибо! – крикнула я ей и пихнула локтем в бок. – Мне наконец тут нравится!

– Мне тоже!

Мы весело чокнулись стаканами, и я даже подумала, не остаться ли до самого конца – поглядеть, кто победит, и поздравить «скандинавских красавчиков». Почему-то я не сомневалась, что выиграют именно они. Наверное, потому, что остальные им в подметки не годились.

Когда их выступление закончилось, я вздохнула. Интересно, есть у них свой канал на ютубе или какие-нибудь записи в сети? Надо будет сфоткать афишу и погуглить потом их название. Чтобы обновить плейлист в плеере. Я сползла с высокого барного стула, положила на него куртку, наказала Жене беречь мое место и, чуть пошатываясь, – возможно, третий martini был лишним, – побрела в туалет. Напротив его двери как раз висела одна из сегодняшних афиш.

Fall High. Так называлась их группа. Падай вверх. Классное название.

Я сохранила фотку в отдельную папку, чтобы не потерять, протолкалась сквозь громкую, потную, веселую толпу, хором помогающую очередному певцу настроить микрофон, подняла глаза и... Мой стул был занят.

– Ну спасибо. – Я дернула Женю за рукав и наклонилась за упавшей на пол курткой. – Я ж просила.

– Ой, – глупо улыбнулась она. – Понимаешь...

– Это что, твое место? – ко мне обернулся... тот самый гитарист Fall High. – Твоя подруга сказала, что ты отошла ненадолго. И я могу сесть.

Ну конечно. Женечка просто не смогла отказать викингу, который только что замочил дракона. Не повернулся язык сказать: «Извините,

тут занято».

– Вообще-то да, мое.

– Представь, что ты еще не пришла. На пару минут. Пока мне коктейль сделают. Тогда уступлю... может быть.

Я фыркнула.

– Вы очень вежливый. Музыка классная, но... – Я замялась, подбирая слова.

Парень расхохотался.

– Какие нежные пошли фанатки.

– Я не ваша фанатка.

– А жаль! – Он вдруг соскочил со стула и шутливо поклонился. – Фанатку я бы расцеловал.

Очень, очень нелегко изящно залезть на высокий барный стул, если ты уже слегка (или не слегка) пьяна и при этом ужасно боишься показаться смешной. Особенно когда в последний момент тебя подталкивают вверх, ухватив за попу.

– Эй! – Я хлопнула его по руке, потеряла равновесие, ухватилась за стойку и уронила куртку. Черт.

– Алик, – он протянул мне ладонь и снова рассмеялся. – Так и быть, познакомимся.

– Спасибо за одолжение. Но вы не в моем вкусе.

Я отвернулась к бармену, успев поймать совершенно офигевший Женечкин взгляд. Вот пусть сама и общается. С Аликом. И со всеми его друзьями-викингами. А мне пора домой.

6.4

К моменту, когда мы дошли до метро, я полностью уверилась, что меня настигло наказание. Наказание от банальной реальности, которая устала от слишком идеальных демонов, волшебных совпадений и мужчин мечты, призываемых колодой. Поэтому решила наградить меня щелчком по носу. Что, Лара, привыкла к предупредительному Владу, который выполнял все твои желания? Вспоминай-ка быстрее, что обычные люди не такие. Совсем не такие. Им на твои желания и нежелания плевать.

Я решительно шагала впереди, не оборачиваясь. Пыталась не беситься, но получалось плохо. Сзади тащилась Женечка, которая выпила вроде не слишком много, но развезло ее по полной. А сопровождали нас три «красавчика» из Fall High, которые решили «проводить девчонок, а то вдруг кто прицепится». Моего разрешения для этого им, естественно, не потребовалось.

Вблизи они уже не тянули на героев-драконоборцев. Барабанщик был ужасно пьян, небрит, с толстым пузиком и со вторым подбородком. Он пытался галантно поддерживать Женечку под руку, но сам то и дело цеплялся за нее, стараясь не упасть. Как они на пару не рухнули по дороге – это было главной загадкой вечера.

Вокалист вообще никого вокруг не замечал, кроме себя. Он, не затыкаясь, хвастался победой в сегодняшнем «сейшне», рассказывал про репетиции, о том, сколько делает для группы и как его надо за это ценить. Когда мы дошли до «Таганской», он успел в пятый раз поведать о том, как «пробил для ребят сегодняшнее выступление, и не зря, не зря!»

А наглец Алик назначил меня своей жертвой. Пытался брать за руку, приобнимал, тупо шутил, а главное – всячески демонстрировал, какое он сокровище и как я должна быть счастлива его вниманию. Только вот – упс! – с каждым таким заходом бесил все больше и больше. У него были потные пальцы, неровные зубы, слишком накачанная фигура... И никакого чувства такта.

Но я надеялась, что еще немного, мы спустимся в метро и они отстанут.

Не тут-то было.

Ох, лучше бы мы вызвали такси.

Сначала Алик пытался не пустить меня внутрь станции, облапил и требовал поцелуй в обмен на то, что позволил узнать себя поближе. А когда я вывернулась из его загребущих лап и сбежала, он рванул следом! Перепрыгнул через турникеты, показал фак дежурному полицейскому, послал мне воздушный поцелуй и съехал вниз по перилам эскалатора...

Когда мы с Женей оказались на перроне, его уже не было видно. Женя грустно вздыхала и залипала в смартфон, сохраняя телефоны вокалиста и барабанщика. Я же надеялась, что Алика приняла охрана и мы его больше никогда не увидим.

Но когда мы запрыгнули в вагон, хлопнули двери и поезд загудел, набирая скорость, кто-то вдруг закрыл мне глаза руками.

– Приве-е-ет, – пропел Алик мне в ухо. – Я уже почти уехал... Но тут подумал. Как же ты без меня?!

– Замечательно! – Я отшатнулась от него и уперлась в двери вагона. С надписью «Не прислоняться».

– Это ты просто раньше меня не знала.

– Надеюсь и дальше не знать.

– Очень ка-те-го-рич-но! – пропел он и уперся ладонями в стекло, справа и слева от моей головы. Его лицо было всего в нескольких сантиметрах. И дыхание – тяжелое, частое, горячее... – Не надейся.

Я молча сложила руки на груди, чуть оттолкнув его, и отвернулась. За окном, в темноте, проносились стены и толстые жилы проводов. Вагон чуть покачивался. Меня тошнило, и хотелось сначала под холодный душ, а потом под одеяло. И спать, спать, спать... Без снов.

Алик ткнул меня в бок, рассмеялся, потом тоже сложил руки на груди, копируя позу. Сделал шаг в сторону и устоялся куда-то вдаль. Ну хотя бы замолчал, и на том спасибо. Так мы и ехали по Кольцевой до пересадки. На переходе делали вид, что не замечаем друг друга. Сели в поезд на север... И тут мне стало страшно. Он что, будет нас до самого дома преследовать? Или вообще до квартиры? Как от него отвязаться-то? Кричать? Просить помощи?

Я прошептала Жене на ухо:

– Слушай, может, Никите позвонишь?

– И что я ему скажу? – она фыркнула. – Мы тут без тебя в клуб сгоняли, а теперь от охренительно красивого парня отвязаться не можем, спасай?

– А если просто сказать, что привязался какой-то...

– Да что он сделает-то? Вмиг прискачет из своих Текстильщиков? Или мы его ждать будем, катаясь туда-сюда? Метро раньше закроют, але!

– И что делать?

– Он точно тебе не нравится?

– Женя!

– О'кей. Тогда... – Она стрельнула глазами на Алика и мило улыбнулась. Потом продолжила шептать мне: – Как откроют двери у

нас на станции, сидим до последнего. Как начнут закрывать, валим наружу. Может, не успеет.

Да уж. Идеальный план.

Но другого у нас не было.

В итоге он удался. Почти.

Мы вскочили и ринулись к выходу в тот момент, когда уже замигала красная лампочка. «Осторожно, двери за...» – эта фраза настигла меня, когда я одной ногой была на платформе. Еще шаг, и... Тут меня схватили за плечо, разворачивая обратно, лицом к дверям.

Я ахнула, дернулась назад, и в этот момент Алик схватил меня за затылок и прижал к себе. Щекой к жесткой щетине, губами к горячим потрескавшимся губам, соленым, жестким. Я дернулась, уперлась ладонями в грудь, прикусила его слишком дерзкий язык... И время остановилось. В ритме его сердца я снова услышала ту самую музыку и поплыла. Перестала понимать, где я и с кем. Перестала отбиваться. Руки безвольно упали, губы шевельнулись, пуская его в рот, глубже, глубже...

Двери грохнули, закрылись, сдавив Алика, поезд дернулся и оторвал его от меня.

Я пошатнулась и упала бы, не поймай меня Женечка.

– Сбежали! – пискнула она и показала мне большой палец.

– Почти, – ответила я. Поднесла руку к губам.

Вслед поезду я не смотрела.

Глава 7

Прошлое

7.1

На следующее утро я затеяла большую уборку. Решила разобрать учебники и конспекты, навести порядок на столе, устроить стирку, вымыть окна... Однако что-то сразу пошло не так. Сначала я надолго зависла, распахнув дверцу шкафа и глядя на одежду, которую мне дарил Влад. Мне было странно и страшно ее трогать. Казалось, коснешься пальцами тонкой ткани, и она рассыплется прахом, исчезнет, как и сам демон. По-хорошему надо было собрать все в пакеты и задвинуть на дальнюю полку. А еще лучше отфотографировать и продать на каком-нибудь «Авито». Либо сделать вид, что все в порядке, и со спокойной душой продолжать носить чудесные сарафаны и летящие юбки.

Только вот где ее взять, эту спокойную душу? Я никак не могла заставить себя решить, что делать: то открывала, то закрывала шкаф, прикладывала к себе вещи и смотрела в зеркало... Потом решила переключиться на уборку стола, взяла с него рюкзачок, заглянула внутрь и увидела сверток с колодой.

На этом все благие начинания закончились. Полдень застал меня на кухне с коробкой синнабонов, от которых мне уже было тошно, и в полном раздрае. А в комнате царил тот же бардак, что и накануне.

– Нужно что-то делать, – пробормотала я. – Что-то придумать.

Оставалось последнее, самое верное, самое сильное средство. Когда ты чувствуешь, что взрослая жизнь оказалась кусачей и злой, когда хочется плакать и все валится из рук, когда лес полон злых волков – всегда поможет бабушка. Если уж кто и выслушает мои рассказы обо всей этой чертовщине, не будет отмахиваться и считать, что это я заговариваю зубы после проваленной сессии... То это именно она.

Внутренний голос возликовал и завел ехидную песенку. Что, Лара, так и не повзрослела? Как в детстве, все к бабуле бежишь?

Чтобы на разбитую коленку подули и прогнали соседских мальчишек? Ай-ай, а ведь казалась самостоятельной девочкой...

Казалась. И к чему это привело? Спасибо, что целой выбралась из того дома.

Быстро, чтобы не передумать, я нашла ее номер в списке контактов.

– Привет, ты не занята сегодня? Можно я заеду?

Конечно. Она ответила: «Конечно».

Через два часа я вышла из метро и медленно пошла вдоль пруда к железной дороге. Рядом с ней, между станцией электрички и заброшенным детским садиком, притаился маленький жилой квартал из кирпичных пятиэтажек. Время в нем, кажется, остановилось. Старые детские площадки со ржавыми качелями и лабиринтами, палисаднички возле каждого подъезда, греющиеся на крышках люков утки... они-то тут что делают? Неужели из Мещерского парка добираются через железнодорожные пути? Я представила себе колонну уточек, чинно марширующую в ночной темноте по пешеходному переходу над станцией, и рассмеялась.

В подъезде было чисто, на подоконниках торчали пузатые цветочные горшки. Добравшись до третьего этажа, я позвонила в квартиру как в детстве: два коротких, один длинный. Бабушка открыла почти тут же, как будто все это время сидела под дверью и ждала меня.

– Привет!

– Ура!

Мы хором обрадовались и обнялись, и бабушка похлопала меня по спине, а я зачем-то расплакалась. То ли от радости встречи – в последний раз мы виделись целых два месяца назад. То ли от облегчения – раз бабушка так меня обнимает, значит, все будет хорошо.

Она чуть отстранилась, посмотрела мне в лицо и коротко кивнула.

– Значит, какао, – и пошла на кухню.

Через десять минут я сидела с огромной темно-синей кружкой с золотистым ободком. Бабушкин кот Матвей, огромный, ленивый, медово-золотистого цвета, устроился рядом и то и дело коротко мявкал: гладь, мол, не отлынивай. По подоконнику снаружи прыгали воробьи, солнце ложилось на пол яркими квадратиками, в кухне пахло выпечкой и душистыми травами. Бабушка суежилась у плиты, доставая

из духовки маленькие румяные пирожки: «Как раз к твоему приходу поспели!» Мне было снова будто десять лет, а впереди – целое лето без учебы. Хотя нет. Уже не целое лето. Только два месяца.

– Слушай... – Я замялась, подбирая правильные слова. – Ты не подумай, что я с ума сошла и все такое... – Отличное начало беседы, молодец, Лара!

– Вот уж чего я никогда не думала! У меня на редкость здравомыслящая внучка. Тем более если ты осознаешь странность собственных слов, это уже половина дела. – Бабушка уселась напротив, придвинула к себе чашку и поправила очки. – Слушаю тебя внимательно.

– Скажи, ты веришь в магию? Не в смысле типа огненных шаров или битвы экстрасенсов по телевизору, а во всякие странные, необъяснимые вещи? Которые по науке существовать не должны бы?

– Необъяснимых вещей в мире полно. Я их за всю жизнь достаточно повидала. И на работе в том числе.

Учитывая, что работала бабушка в лаборатории на биофаке МГУ, это весомое заявление.

– Мне нужен твой совет. Предположим, я случайно взяла странную вещь, всех свойств которой не знала. И теперь не понимаю, что делать. Уничтожить ее? Или попытаться разобраться, как работает? А если она меня пугает?

– Пугает неизвестное. Если ты точно знаешь, как работает прибор, – ты его боишься? Или если он есть у всех, как, например, телефон, – боишься?

– Нет, конечно.

– Тогда я бы сначала попыталась найти инструкцию. А уже потом решать.

– Вот ее как раз и нет...

– Даже в интернете нет? – Бабушка, которая в возрасте семидесяти лет научилась пользоваться голосовым помощником «о'кей, гугл...» и искать самые редкие рецепты варенья, хитро прищурилась. – Ты хорошо-хорошо искала?

– Я...

Действительно, а хорошо ли я искала? И до поисков ли мне было весь июнь?

– А если с первого раза не получилось, ты просто попробуй уточнить запрос! – Бабушка уже откровенно меня троллила. Именно такими словами я когда-то учила ее пользоваться поисковой строкой.

– Уела! – Я допила какао и рассеянно почесала Матвея за ухом. – И еще вопрос. Что ты думаешь про карты? Таро, например? Или вроде того?

– Хм, – задумчиво ответила бабушка, но по ее глазам сразу стало понятно: у нее есть что сказать по этому поводу.

7.2

– А чуть подробнее, чем «хм»? – Я потянулась за пирожком, откусила кусочек и зажмурилась от удовольствия. Вишня! Обожаю пирожки с вишней!

– Была у меня подруга... – начала бабушка, потом спохватилась. – Была в том смысле, что потом она уехала из России, и мы потеряли друг друга. А не в смысле фатального финала.

– Спасибо за предупреждение. – Я невольно заулыбалась. Все-таки бабушка немного тролль. Точно-точно.

– Так вот. Она художница была, хорошая. Поступила в архитектурный, училась отлично, уже на третьем курсе ее работы на выставки брали. И еще интересовалась всякими... странными штуками. В советское время их было не слишком много в открытом доступе, но кто хотел... Выходы на нужных людей были. У ее тетки подруга гадала на картах. Подружка к ней ходила и загорелась.

– Тоже гадать научилась?

– На гадание ей было плевать. Захотела нарисовать карты. Сама. Вычитала где-то... или сама решила, что в создании колоды личность художника очень много значит. Что ты вложил в карты, то они потом другим предсказывать будут. А сама система символов – просто призма.

– И?

– И нарисовала. Я их видела. Просто наброски. Она хотела сначала карандашом их сделать, чтобы потом раскрашивать. Шут там был такой, в стиле «палка-палка-огуречик, вот и вышел человечек». Любовники в виде двух половинок сердечка. Очень простенькая

рисовка. Я еще, помнится, рассматривала их, и жутко неудобно мне было. Вроде как похвалить надо. А хвалить не хочется.

Бабушка замолчала, отхлебнула чай. Пожевала губами. Держала театральную паузу, не иначе. Ждала, пока я спрошу:

– Ну? А что дальше?

– А дальше она перестала спать. Ночь не могла заснуть. Две ночи. На третью ей уже совсем нехорошо было, голова кружилась и слуховые галлюцинации. Будто звал кто-то. Она ко мне пришла, потому что прадед твой в клинике работал... Мог врача посоветовать, который поможет, а не будет футболивать со словами «это вы просто от учебы переутомились, попейте успокоительный сбор». Она жаловалась, что только закрывает глаза, и начинается светопредставление. Как будто целый мир в виде системы символов над ней разворачивается: связи, структуры, скрытые значения, какие-то многомерные фигуры, которым и названия-то нет. В итоге она карты выбросила.

– Вот так просто?

– И навсегда перестала рисовать. Говорит, просто руки тряслись. Из института вылетела, понятное дело. Работать пошла в бригаду штукатуров. В качестве халтурки квартиры ремонтировала. Так с мужем своим познакомилась, он из номенклатурной семьи был, уехали потом по дипломатической линии. Родители ее считали, что она просто переучилась и дошла до нервного срыва. Ну зато потом удачно замуж вышла.

– А ты?

– А я ее иногда вспоминала. И думала, как такие простенькие рисуночки могут до клиники неврозов довести? Но много лет спустя нашла ответ. Интернет помог, кстати.

– Поняла-поняла. В следующий раз я его обо всем спрошу сначала, а к тебе приеду пить чай и молчать. Шучу!

– Шути-шути. В шутку или всерьез, но умные люди говорят, что колоду может создать и довести до ума только очень сильный человек. Слабого эта система символов просто сомнет еще до конца работы. То есть если тебе нужна инструкция к колоде карт...

– Эй, я этого не говорила!

– ...То выясни, кто ее нарисовал. Если он сумел ее закончить и колода достаточно известная, то разузнай про его личность. Многое

станет понятнее.

Ага. Спасибо, бабушка. Осталось, как говорится, уточнить поисковый запрос. Чувак, который нарисовал демонов. Мастер склеенной колоды. Создатель игры «эти карты ты не сможешь выбросить в мусорку». Какое богатство выбора!

Но тут бабушка продолжила:

– А вторая история про тебя.

Я чуть не подавилась куском пирожка.

– Про меня?!

– Да. Тебе тогда было годика три, уже не помнишь, конечно. Мы в парке гуляли, я с тетей Людой болтала, а ты с ее внуками в догонялки играла. И тут мальчишки кричат: «Лару, Лару цыганка украла!» И я вижу: по аллее спешит цыганка, быстро-быстро идет, а ты ей в юбку вцепилась и семенишь следом. Мы, конечно, бросились к вам, зовем. Тут она к нам обернулась, а ты отпустила юбку, протянула к цыганке руку и говоришь: «Дай посмотреть!» И она, как замороженная, вытаскивает из кармана и протягивает тебе колоду. Скалится еще нам: «Повезло вам с девочкой». А ты колоду берешь, серьезно так вытаскиваешь из нее карту и протягиваешь цыганке. И спрашиваешь: «Страшно?» Та просто как стена белая стала, выхватила у тебя карты и бросилась прочь.

– Что я ей показала?

– Вот уж чего не знаю. Мы потом шутили, что карты Лару так любят, что даже гадалки ее боятся. А еще ты мешала всем, кто пытался карточные фокусы показывать... Вечно раскрывала их уловки.

– Я... – Я прикрыла глаза, пытаюсь вспомнить. Пустота. Ничего такого я не помнила. Совсем ничего.

– Ты. – Бабушка потянулась ко мне через стол, нежно убрала прядь волос со лба. – Ты знай, что я поддержу и пойму тебя всегда. Но если ты хочешь непрошеного совета...

– Кто же отказывается от непрошенных бабушкиных советов?

– ...Я бы не хотела, чтобы ты всерьез занималась гаданием и связывалась с картами. Даже если у тебя получается хорошо с ними ладить. Мне кажется, что эти символы забирают у человека кусок души. А ты мне нравишься целая.

После разговора с бабушкой у меня как будто камень с души упал. Мысли перестали хаотично скакать вокруг да около дурацкой колоды. Наконец у меня появился план. Первое – попробовать найти создателя карт. Если понадобится, потрачу на это несколько дней за ноутбуком. Даже если не обнаружу каких-то точных сведений, любые крупницы информации помогут. Если эта ниточка не приведет к успеху, попробую зайти с другой стороны. Погляжу, что там сказано об истории женщин Влада... И, кстати, о женщинах. Почему бы мне не попытаться найти Ольгу? Конечно, вряд ли получится... Но почему бы не зайти снова в то кафе? Или можно набросать ее портрет и прогнать через поисковые системы. Вдруг повезет и она окажется какой-то знаменитостью, которая стала знаменитой из-за демонов?

А уж новости о том, что карты меня любят... Что же, это здорово успокаивает. Можно думать, что это не проклятие привело их ко мне. Наоборот, кто-то знал, что я сумею с ними совладать. Справиться. Не то чтобы я всерьез верила, что смогу стать повелительницей демонов... Но на секунду представить это было приятно.

Вдобавок к надежде на лучшее бабушка завернула мне с собой десяток пирожков, сунула в пакет банку с абрикосовым вареньем и коробочку с печеньем-орешками. С вареной сгущенкой! Как в детстве! Мы поболтали еще немного о бездарно заваленной сессии («В мои времена бездарно заваленной называлась сессия из чистых двоек, так что не наговаривай на себя!»), о житье-бытье вдали от родителей («Скажи, Лара, ты наконец научилась заправлять кровать сама?») и прикинули, какую работу мне можно поискать («Хочешь помощником психолога в детский лагерь?»). Я обещала подумать. Чмокнула на прощание бабушку в нос, почесала Матвея за ухом, поправила на плече потяжелевшую сумку и поскакала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку.

На Москву ложился летний сиреневый вечер, с нежной-нежной дымкой на горизонте и перистыми облаками, похожими на разлитый по небу перламутр. Я очень медленно шла к метро, то и дело останавливаясь и жмурясь от какого-то сказочного ощущения. В груди было тепло и хорошо. Спокойно. Как будто кто-то подставил плечо, и теперь все горести и печали полегчали. Спасибо бабуле!

Людей в метро было совсем немного. Я удобно устроилась, положила сумку рядом с собой и начала клевать носом. Даже чуть не

проехала пересадку! Попыталась взбодриться, просматривая видеоролики на рекламном экране. Потерла глаза, дернула себя за нос. Поглядела, кто что постит в инстаграм. Но новых фоток было совсем немного. Такое впечатление, что после сессии все друзья ушли в спячку. Или взяли паузу. Я зевнула во весь рот и помотала головой.

Учитывая, что в планах на вечер у меня был поиск создателя колоды, придумывание правильных запросов и бурная умственная деятельность, срочно требовалось проснуться. Или хотя бы влить в себя кофе. Крепкий, горячий, черный кофе...

Я улыбнулась и представила, как сейчас по дороге к дому заверну в «Макдоналдс» и возьму с собой обжигающий стаканчик, и плевать, что руки заняты пакетом... Выскочила на станции и зашагала к эскалатору. Так быстро и целеустремленно, не замечая препятствий, что с разбега влетела в кого-то.

– Простите! – пискнула я, поднимая глаза...

– Привет, – это был Алик.

– П... привет.

– Ты мне вчера очень понравилась.

– Я заметила.

– И я больше не думаю, что ты фанатка и обязана восхищаться.

– И на том спасибо.

– Поэтому я решил предложить тебе выпить кофе. И еще решил, что если дождусь тебя тут на станции, то это судьба.

– Как возвышенно!

– Да, цени. Не каждый небось день судьба дарит тебе такие подарки.

О-о-о, тут самомнения даже больше, чем на два метра роста.

– Алик, тебе кто-нибудь говорил, что ты невыносим?

– Тысячу раз говорили. – Он хитро улыбнулся и протянул мне руку. – Идем. Тут «макдак» ничошный. А кофе в нем даже хороший.

Очень хотелось согласиться. Несмотря на то что Алик продолжал быть парнем явно не в моем вкусе. И у нас вряд ли что-то могло получиться. Даже просто дружба. Но мне ужасно хотелось кофе, и вечер за дверями метро пах травой и горячим асфальтом, и казалось, что ничего такого-этакого не случится.

Поэтому я кивнула, а потом спросила. Почти в шутку:

– А ты, случайно, не демон?

– А ты, случайно, не лесная фея?

– Феи живут в лесу.

– А демоны в аду. Так что мы – не они. Зато нас ждет кофе!

И целеустремленно зашагал к «Макдоналдсу», сунув руки в карманы и насвистывая какой-то совсем немудреный мотивчик. А я... я пошла следом, как крыса за Гамельнским дудочником. Нет, Алик мне совсем не нравился. Мне просто нравилась музыка.

7.4

Пока Алик ждал наш кофе у прилавка, я стояла поодаль и пыталась понять, чем же он так всем нравится. Каждая первая встречная девчонка разве что шею не сворачивала, провожая его взглядом. А если эти взгляды добирались до меня, то в них читалась настолько неприкрытая жгучая зависть, что становилось даже немного страшно.

Наверное, дело было не только в идеальной накачанной фигуре, красивых татуировках, выползающих из-под ворота футболки на шею, и искусно выбритых узорах на висках. Алик двигался, вел себя, общался с продавцами так, как будто мир крутится вокруг него. Уверенно, нагло, с долей сарказма. Как будто волк – вожак стаи – бродит среди стада овец и делает им одолжение. «Скажите спасибо, что не ем вас, овечки, – вот что читалось в его глазах. – Скажите спасибо, что снизошел до вас».

Даже на меня это немного действовало, хотя я всегда терпеть не могла подобных выкрутасов. С тех пор как в третьем классе влюбилась в самого красивого мальчика параллели, подарила ему сердечко на День святого Валентина, а он на перемене при всех крикнул: «Ларашмара! Я король мира, а ты никто! Еще и письма пишешь!»

Отличная прививка от отношений с ходячими сокровищами.

Но сейчас – именно в этот момент, здесь и сейчас – мне было лестно, что очередной «король мира» покупает мне кофе, мило интересуется, сколько брать сахара, и агрессивно поглядывает на всех остальных мужчин. Мол, она со мной, не смейте даже смотреть на нее, не то чтобы думать о...

Блин, о чем думать?

Я передернула плечами, осторожно взяла у Алика горячий стаканчик и целеустремленно пошла к выходу из «Мака». Ты, Лара, только что с одним мужчиной разобралась с трудом. То есть не совсем с мужчиной. Отношения, заинтересованные взгляды и противоположный пол – обо всем этом надо в последнюю очередь думать. Спускайся с небес на землю, эй. Тебе надо решать проблему с колодой и искать работу. И никаких отношений...

– Эй! – Алик помахал рукой у меня перед глазами. – Ты меня вообще слушаешь?

– Вообще нет. У нас был договор про кофе. А про «слушать» мы вроде не договаривались.

– О-о-о! – Он закатил глаза и расхохотался. – Да ты колючая, как дикобраз.

– А ты мастер комплиментов.

– А я не люблю пустых слов. Дела лучше.

– У нас с тобой никаких дел не...

– Но ты же прослушала! Мы с парнями послезавтра играем в Ozzy Underworld! Там классно. Не такая дыра, как прошлый клуб. Я тебя зову на концерт!

– Нет.

– В VIP-зону за столик. Еда и напитки с меня.

– Не-е-ет!

– Если хочешь, с подружкой! С двумя! Или тремя.

Я рассмеялась.

– Ты настолько хочешь меня там видеть?

– Я настолько хочу тебя уговорить. Я не люблю отказов.

– А если я все равно не соглашусь?

– Я найду способ тебя убедить. – Он мотнул головой, забрасывая белобрысый хвост за спину. Потянулся, расправил плечи. Футболка чуть не трескалась на его мощных бицепсах. Даже если тебе не нравятся качки, что все равно... – Приходи-и-и-и! – пропел он. – Не понравится, уйдешь.

– Уйду, – кивнула я. Мы уже подошли к подъезду, и я думала, как бы отвязаться от Алика. – У меня тут кофе закончился, и наша встреча тоже подошла к концу.

– Хорошо, – обманчиво просто согласился он. А потом вытащил из кармана телефон. – Только номер дай?

- Не дам.
- Как же я узнаю, пойдешь ты или нет?
- Ты же мне сказал название клуба.
- О-о-о, то есть ты предлагаешь мне бронировать столик для дикобраза, не зная точно, придет он или нет?
- Да!

Я поднырнула под его руку и бросилась к подъезду. Только бы не догнал... Распахивая дверь, оглянулась через плечо. Алик стоял на месте и победно мне улыбался. Как будто я уже приняла его приглашение и призналась в любви.

Следом за мной в подъезд ввалилась семья с этажа ниже. Мама, папа, двое детей и велосипед с самокатом. Все, естественно, набились в один несчастный лифт, а потом долго из него выгружались, потому что пацаны по дороге успели два раза подраться, а велосипед намертво застрял колесом в нижнем пазу, по которому ходит дверца. Короче, последующая краткая поездка к себе на этаж показалась мне идеальной. Потому что рядом никто не вопил в ухо и не наступал на ноги.

Из лифта я шагнула с улыбкой.

– Привет! – сказал Алик. – Круто, что ты так мне рада. Давно не виделись.

7.5

Он прерывисто дышал. Выбившаяся из хвоста прядь прилипла к мокрой щеке. Грудь тяжело вздымалась.

- Ты... – Я сделала шаг назад, но лифт уже закрылся.
- Я лучший и самый быстрый в мире бегун по лестницам. – Алик победно улыбнулся.
- Не надо меня преследовать.
- Надо. Пока ты не согласишься прийти на концерт. – Он шагнул ко мне и оказался совсем близко. Опасно близко.
- Я буду кричать!
- Хорошо, кричи, – согласился он, ухватил меня за подбородок, нагнулся и поцеловал.

Я попыталась вывернуться, выронила пакет, заколотила Алика по груди и плечам кулаками, но это было все равно что пытаться бить скалу. Он на секунду оторвался от моих губ и усмехнулся. Потом обхватил, поднял так, чтобы не требовалось наклоняться, прижал к стене и снова поцеловал.

Губы у него были потрескавшиеся и шершавые, жесткие, соленые от пота. Язык – длинный и настойчивый. Нет, мне не дали ни одного шанса закричать. Я попыталась, но Алик будто вдохнул мой крик, вобрал его в себя, втянул – вместе с моей нижней губой. Прикусил ее, чтобы точно не вырвалась, и продолжил целовать. Жадно, грубо, горячо, так, что кружились голова и мысли... Да какие мысли? Через несколько мгновений я провалилась в темно-красный омут, перед глазами поплыли круги, губы сладко заныли и сами раскрылись навстречу Алику. Кричать? Вроде я хотела кричать? Зачем?..

Горячая волна пробежала через все мое тело, от губ до кончиков пальцев на ногах. Крепкие руки вокруг талии, колено у меня между бедер... И стена, к которой меня прижали, кажется, не выдерживая накала страстей, начала нагреваться и плавиться. Внутри меня рос клубок абсолютно дикой, нечеловеческой, животной страсти. Хотелось всхлипывать и кусать чужие губы, цепляться ногтями за его спину, прижиматься все крепче и крепче. До хруста ребер, до невозможности дышать, до полного растворения. Страсть накатывала волнами, накрывала с головой, не давала ни секунды передышки, вымывала из головы все самые маленькие обрывки мыслей.

Алик дышал все тяжелее, в такт со мной.

И вдруг оторвался от моих губ, прошипел:

– Ч-черт...

Я бездумно подалась к нему, обхватила за шею, и тут услышала скрежет подъезжающего лифта.

– Подожди... Секунду...

Он быстро опустил меня на пол и рванул за руку к двери на пожарную лестницу, а оттуда на общий балкон. Толкнул к решетке, за которой открывался чудесный вид на вечернюю Москву, обнял сзади, схватил за волосы, потянул на себя и принялся жадно целовать шею. Я со свистом дышала, закусив кулак, и смотрела на закат. Он был такой же красный, как и страсть внутри меня. Такой же огненный. Алик слегка прикусил меня за загривок, как будто и вправду был волком...

Волком, который играет с жертвой, лишь дразня ее легкими укусами. Но если его разозлить...

Тут он задрал футболку и повел горячими ладонями по моей спине, потом одна рука переползла на живот и нырнула в джинсы. Что он вообще делает? Как его остановить? Как сделать так, чтобы он ни в коем случае не останавливался?..

Горячие пальцы погладили нежную кожу внизу живота, пробежались по краю трусиков, будто дразня, потом вынырнули из джинсов и принялись их расстегивать. Пять секунд на борьбу с пуговицей, пара секунд на быстро вжикнувшую молнию. Я дернулась, то ли мешая, то ли помогая Алику... Остатки разума вопили: «Что ты делаешь? Что ты ему позволяешь?» Джинсы были уже на бедрах, горячие руки ухватили меня за задницу, сильно, грубо, этак... по-хозяйски.

Я раскинула руки в стороны и ухватилась за прутья решетки. Последний луч солнца блеснул над горизонтом, и город затопили сумерки. Город – и вместе с ним мой разум. Как будто я оказалась вне времени и пространства, как будто приличные девочки целуются на общественных балконах с едва знакомыми парнями, позволяют себя раздевать и готовы позволить... Позволить сделать все, что угодно. Меня трясло от предвкушения и страха, мне было одновременно стыдно, горячо, сладко. Как будто это было не со мной. Странно, дико, неправильно, но так волнующе!

– Скажи... – жаркое дыхание защекотало мне ухо. – Скажи... Придешь послезавтра?

– Да, – это сказала не я, за меня говорила страсть. – Да, да!..

И тут джинсы вернулись мне на пояс. Алик крутанул меня, отступил на шаг, окинул оценивающим взглядом. Застегнул пуговицу на джинсах, одернул футболку и убрал прядь волос с лица. А потом рассмеялся, вытащил из кармана флаер и протянул мне.

– Вот ты и согласилась! Я же говорил, что не люблю отказов!

– Ты... Ты... – у меня перехватило дыхание. То ли от стыда, то ли от возмущения, то ли от разочарования.

– До встречи. Начало в восемь. Встретить на входе не смогу, просто скажи администратору, что тебе за столик Fall High, и тебя проводят.

– Да я...

– Я уже понял, что «да». Будешь хорошо себя вести, оттрахаю тебя сразу после концерта. На столе в примерке.

Шутливо поклонился, развернулся и ушел. Просто ушел не прощаясь.

А я осталась стоять, прижимая ладони к горящим щекам.

Глава 8

Алик

8.1

Ничего полезного в тот вечер я, конечно, в интернете не нашла. Потому что не искала. Меня хватило лишь на то, чтобы сразу не расплакаться от стыда, зайти в квартиру, делая вид, что все в порядке, раздеться и залезть под горячий душ. На час, не меньше. Женечки дома не было, поэтому можно было хотя бы не опасаться стука в дверь и воплей:

– Э-э-э-эй, пусти меня, дай почистить зу-у-убы!

Я уселась в ванну, обхватив колени, закрыла глаза и пыталась забыть обо всем, кроме горячих струй воды, бьющих по макушке и по плечам. И ведь правильно говорят, что бегущая вода смывает все горести и печали. Когда я наконец выключила душ, встала босыми ногами на запотевший кафель и завернулась в пушистое полотенце, произошедшее уже казалось мне вовсе не таким ужасным, как сначала.

Главное, приутих внутренний голос, который безжалостно поносил меня за недостойное и неразумное поведение. У голоса были явные родительские интонации, а манера говорить такая, будто мне снова двенадцать и меня застукали за гаражами целующейся с соседом по парте. Страшное, ужасное преступление, как ни крути. После него можно только скатиться до двоек, вылететь из школы, отправиться по наклонной и прослыть падшей женщиной во всех окрестных дворах. Хорошо, что с тех пор я повзрослела и научилась отделять родительские страшилки от возможных реальных последствий.

Да, на несколько минут я полностью потеряла контроль над собой. Это плохо. С другой стороны, было приятно? Было. Этого не отнимешь.

Да, никто раньше так со мной не разговаривал. Забыть фразу про «оттрахать» и «стол в примерке» никак не получалось. С другой стороны, можно порадоваться, что раньше у меня получалось держать

таких наглецов на расстоянии. Единичный прокол проигрышем не считается. В конце концов, один раз не дикобраз.

Да, я согласилась пойти на концерт. Нет, я все еще не обязана на него идти.

Да, Алик знает, на каком этаже я живу. Это минус. Но не знает номер квартиры и номер телефона. Это плюс. Если он меня окончательно достанет, я всегда могу уехать к родителям. Или на дачу. Учеба закончилась, и в Москве больше нет места, где я обязана регулярно появляться.

Я все еще контролировала ситуацию. Или мне так казалось.

Сначала я не могла заснуть. Вертелась на влажной кровати, то накрывалась с головой, то скидывала простыню совсем. Сердце колотилось часто-часто, и воспоминания о балконе... не давали спокойно дышать. Но потом в комнату заявила Мышка, забралась ко мне под бок, по-хозяйски покрутилась, утаптывая место поудобнее, и мелодично замурчала, как лучший в мире успокоительный музыкант. Через несколько минут задремала и я.

И никаких волнений и дурацких снов.

На следующее утро я решила сразу брать быка за рога, то есть Гугл за поисковую строку. Сварила кофе и устроилась с ноутбуком прямо на кухне, откусывая от бабушкиных пирожков и положив на стол новый чистый блокнотик, чтобы делать заметки.

Но первые полдня прошли впустую.

Сначала я ткнулась в поиск по картам Таро – сработала инерция вчерашнего разговора с бабушкой, – но быстро разочаровалась. Их история начиналась с пятнадцатого века, а значит, никак не могла мне пригодиться. Если, конечно, Влад не солгал мне и действительно имел отношения с императрицей Феодорой десятью веками раньше. Поиск по его женщинам тоже ничего особенного не дал. Да, для своей эпохи они были весьма известными и успешными, прожили долгую жизнь, оставили след в истории... Но ни единого свидетельства очевидцев о демоне. Или демонах, если предположить, что Влад попался им не первым...

Потом пирожки закончились, и я приуныла, решив, что так и останусь без нужной информации, зато толстой. «И еще со стремным наглым поклонником!» – не скрывая злорадства, заявил внутренний голос. «Скажи спасибо, что без демона», – парировала я. «Ну это

только пока, если не разберешься с картами», – оптимистично ответил он. Ох-х. Хорошая мотивация, чтобы продолжать поиски.

Тут дело пошло лучше, потому что я додумалась правильно изменить поисковый запрос. Вместо «магия карты история» набрала «магия карты легенды» – и вуаля, сразу же нашлось несколько интересных подробностей.

Сначала я вышла на книгу оккультиста Кура де Желебена, который утверждал, что история Таро и вообще карточных символов относится к Древнему Египту. А старшие арканы и вовсе происходят от виньеток в Книге мертвых.

Потом добралась до описания древнейшего раздела этой самой книги – Текстов пирамид, которые писали на стенах гробниц в специальных комнатах. Сначала только в пирамидах фараонов, а потом и королев. Археолог Гастон Масперо в конце девятнадцатого века раскопал гробницу некой Анхесенпепи Второй – первой женщины в истории, которой написали такое вот напутствие в мир иной. И... бинго.

В ее пирамиде нашли не одну, а две комнаты. Первую – с такими же заклинаниями, как и у фараонов-предшественников. А вторую – с изображениями сорока четырех мужчин и их иероглифами-именами, которые так и не расшифрованы до сих пор. Этот текст не походил на стандартные египетские тексты того периода. Будто автор ссылаясь на нечто, не имеющее аналогов в обычном, вещном мире. А над дверным проемом в ту комнату висело предупреждение:

*Он радуется твоему приходу, протягивает тебе руки,
Целует тебя, ласкает тебя,
Но ты спроси его имя,
И если он из сих, из сыновей Нейт, то не верь ему,
Он не привратник и не в небеса возьмет тебя,
А заберет обманом к...*

Куда заберет? Я подняла глаза от монитора. За окном уже было темно. День куда-то пропал. Будто его сожрал древнеегипетский бог-крокодил Собек. Возле локтя стояла наполовину пустая кружка холодного кофе. Голова была тяжелой-тяжелой, глаза болели.

Это что получается? Кто-то постарался и сделал предупреждение для умерших жен фараонов, чтобы те не попались демонам? А потом кто-то – наверняка с благими намерениями – тщательно иероглифы скопировал? А дальше нарисовал с ними карты и открыл тварям дорогу в наш мир? Звучит как сюжет мистического сериала про археологов и лингвистов. Блин, я бы даже его посмотрела. Если бы не надо было играть роль главной героини... особенно если ее со мной не согласовали заранее.

– Третий раз за вечер прихожу, а ты все сидишь, – рядом со столом возникла Женя и потербила меня за плечо. – Ау!

– Я уже все!

– Все решила?

– Что решила?

– Я ж тебя уже сегодня спрашивала...

Может, она и спрашивала, но я уже ничего не помнила. Как занырнула в море данных, так и пропала для внешнего мира.

– Мы идем?

– Куда? Когда?

Женя вздохнула и страдальчески возвела глаза к потолку.

– Любовь у нее пропала, но лучше с вниманием не стало. На концерт к твоему белобрысому, конечно же.

8.2

– Во-первых, нет, не идем. Во-вторых, это не мой белобрысый. В-третьих, откуда ты знаешь о концерте?

– Да мне барабанщик их написал. К слову. Когда твой телефон просил для...

– Женя! Ты же не дала ему мой телефон?

– Ну...

– Или дала?

– Ну...

– Да или нет?

– Я просто решила, что тебе нужно отвлечься. – Женечка предусмотрительно отступила в противоположный угол кухни и

только оттуда сделала признание. Иначе я бы точно ее стукнула. – Нам обещали вип-столик.

– Тебе обещали – ты и иди.

– Ну хочешь, возьмем с собой Никитоса?

Тут я просто в голос расхохоталась. Идеальное комбо. Пойти на концерт к чуваку, который одновременно страшно бесит и действует, как конская доза афродизиака, в компании с парнем, который совсем недавно тебе очень нравился, находясь в депрессии от того, что не сложилось с прекрасным принцем. С ненулевой вероятностью демонского явления – в любой момент. Обалденный способ отвлечься. Главное – нескучный.

Кажется, терять в такой ситуации уже просто нечего.

– А знаешь что... – протянула я. – Давай возьмем. И пойдем. Гулять так гулять.

Женечка расплылась в улыбке.

– Я так и знала, что тебе понравится идея!

Я молча захлопнула крышку ноута, подхватила со стола исписанный блокнотик и мрачно направилась к себе в комнату. Для того чтобы вечер окончательно перестал быть томным, не хватало только одной малости. Я пошарила в рюкзаке и вытащила из него сверток с картами. Развернула бумагу, достала колоду, пошевелила верхнюю карту... та легко сдвинулась в сторону и соскользнула на пол. Конечно же, пустая.

То есть демон был уже где-то здесь.

Не сказать, что это меня удивило. Скорее стало ожидаемой вишенкой на торте.

Я хмыкнула, выключила будильник – потом подумала и вообще вырубил телефон, сунула его под подушку и легла в постель, не раздеваясь. Примерно к пяти утра у меня даже получилось заснуть. Снились мне бесконечные каменные коридоры, стены с рисунками и надписями, вдоль которых ходил археолог с керосиновой лампой и что-то грустно приговаривал по-французски.

Когда он прошел мимо меня раз в десятый, оттоптав все ноги, я не выдержала и выругалась:

– Идиот!

– Мяу! – отозвался археолог и превратился в кошку Мышку, которая сидела на кровати и покусывала мои большие пальцы на

ногах.

– Ты чего?

– Мяу!

Я потянулась, вытащила из-под подушки телефон. Включила его, обнаружила два пропущенных от родителей и примерно десятков – с незнакомого номера. Потрясающее упорство. Ну и что ему надо в этот раз? Официальное подтверждение уже полученного согласия? Я вздохнула и заблокировала предполагаемого Алика.

– Вот такое доброе утро, – улыбнулась я кошке и пошла умываться.

На часах уже было почти одиннадцать. На улице шел дождь. МЧС спамило эсэмэсками, обещая бурю и падающие ветви деревьев, уговаривало сидеть по домам и не оставлять машины в опасных местах. Идеальная погода для «идеального» дня.

Но, надо сказать, была в нем некая прелесть.

В какой-то момент я поняла, что ни чуточки не волнуюсь.

Видимо, перегорела. Теперь мне было абсолютно все равно. Как я выгляжу, что надеть, когда за нами зайдет Никита, как они будут по дороге целоваться с Женечкой, продолжит ли Алик свой «штурм неприступной крепости», которая оказалась в итоге какой-то на редкость приступной... и преступной, с моей точки зрения.

Даже краситься толком не стала. Подвела глаза черным карандашом, стянула волосы резинкой в конский хвост, натянула повседневные джинсы и черную футболку.

– Ты чо-о-о-о? – Женечка появилась, как всегда, кстати. – Вот прям так будешь?

– А что?

– Ozzy – крутой клуб. Вдруг ты фейс-контроль не пройдешь?

Сама она нацепила кожаную мини-юбку со стальными кольцами в боковых швах и шелковую черную блузку с шикарным декольте.

– Значит, ты будешь отдуваться за нас двоих.

– Троих.

– Тогда добавь еще шпильки выше десяти сантиметров.

– Наступлю тебе каблуком на ногу, будешь знать.

– Лучше наступи Алику, когда опять придет надоедать.

– Опять? – хитро прищурилась Женя.

– Не опять, а снова, – устало огрызнулась я, показала себе язык в зеркале и отправилась развлекаться. То есть «отвлекаться».

8.3

Фейс-контроль мы легко прошли. Даже несмотря на то что по дороге от метро до клуба промокли как мыши. Начался обещанный дождь с такими сильными порывами ветра, что предусмотрительно захваченный Никитой зонтик вывернуло через пару секунд, а потом для верности еще сломались три спицы. Так что выглядели мы очень презентабельно. Замерзшие, мокрые, бледные, со стучащими зубами и трясущимися губами.

– Вип-столик? – невозмутимо поинтересовался администратор, которого мы встретили у входа в главный зал, спустившись по лестнице.

– Щас он нас пошлет, – буркнула у меня за спиной Женечка. Ливень немного погасил ее энтузиазм и желание меня развлекать. Тем более что по дороге сюда они с Никитой уже успели два раза поцапаться и один раз помириться.

– Угу, – кивнула я. – От группы Fall Nigh.

– Ваше имя? – Вместо того чтобы послать нас, администратор вытащил из кармана смартфон и начал листать какие-то заметки.

– Л... Лара.

– Все верно. Девушка и молодой человек с вами? Пойдемте, я провожу.

Развернулся и пошел в зал. Мы потянулись следом. Через несколько секунд Никита присвистнул, а Женечка перестала что-то фырчать и шипеть себе под нос.

Да уж. Этот клуб был не чета той дыре, где мы с Аликом познакомились. Зал, выполненный в виде пещеры, вместо потолка у которой черное блестящее зеркало. Будто опрокинутое вверх темное озеро, в котором отражаются люди и предметы. Большой танцпол, подсвеченный снизу красно-зелеными змейками огоньков. Роскошная сцена в виде мягко мерцающего полумесяца: главный источник света и звука в зале, невольно притягивающий внимание, в какой точке помещения ты бы ни находился. Сталактиты и сталагмиты из серого

камня, покрытого фосфоресцирующим мхом. Несколько десятков столиков на возвышениях. Каждый расположен так продуманно, чтобы толпа на танцполе не мешала и при этом группу на сцене было отлично видно и слышно.

Наш столик прятался за сталагмитом рядом с барной стойкой. Там уже стояло несколько холодных запотевших банок с пивом и сидром, тарелки с фисташками, луковыми кольцами и чесночными гренками.

– Располагайтесь. Обслуживать ваш столик будет Мария, я сейчас попрошу ее принести пледы. Если соберетесь заказывать что-то из основного меню, то лучше сделать это в ближайший час, кухня заканчивает работу в половине одиннадцатого. Приятного вечера!

Я отодвинула стул, медленно уселась и только после этого посмотрела на сцену. Музыканты как раз настраивались. Алик стоял на самом краю «полумесяца», лениво перебирал струны на гитаре и насмешливо улыбался, глядя мне прямо в глаза. Я почувствовала, что краснею, и отвернулась. Уткнулась в меню и притворилась, что выбираю еду. Чуть успокоившись, мысленно выругалась на саму себя. Эй, куда подевалось твое безразличие, Лара? Хватило одного взгляда этого наглеца, чтобы снова тебя взволновать?

Я фыркнула и придвинула к себе блюдо с чесночными гренками. Превентивно, в качестве протеста. Пусть видит, что я вовсе не предвкушаю поцелуи и не забочусь о пресловутой «чистоте дыхания» из рекламы про жевательную резинку.

Мимо столика к бару протиснулись два байкера. Все в шипах и коже и даже со шлемами в руках... Что ж они их в гардероб-то не сдали? До меня донеслись обрывки разговора.

– ...Парни выросли, небо и земля, сам услышишь! Вокал, правда, подтянуть еще надо, а вот соло-гитара...

– ...Да я сам подумал, что они нового гитариста взяли. Потом смотрю: нет, вроде тот же...

Что-то в их разговоре было такое, что меня насторожило. И я бы обязательно поняла, что именно... Но в этот момент Fall High заиграли, и мысли в моей голове закончились. Там остались только гитарные риффы и мелодия. Она рассказывала про путешествия в дальние страны и на заснеженные горные пики. Про ветер в лицо и кристально-чистый воздух, невообразимо холодный и свежий. Полеты во сне в иные миры и наяву – над облаками, вслед за заходящим

солнцем. Мелодия звала, завораживала и вела. Вела от мечты к мечте. Я закрыла глаза и замерла, будто купаясь в музыке, впитывая ее всей кожей. Кажется, кто-то пришел и укрыл меня пледом, может, я что-то ела и пила... Не помню. Музыка накатывала волна за волной, била в меня, прямо в сердце, словно я волнорез в бурном море, шипела и пела.

А потом стало тихо.

Я открыла глаза, пошевелилась и ойкнула от боли в ноге. Она занемела, и теперь по икре будто пробежали отряды мурашек с маленькими иголочками. Тарелки с закусками опустели, света в зале стало меньше, и людей в танцевальной зоне почти не осталось... Возле сцены толпились поклонники группы и тянули руки за автографами.

С противоположной стороны стола на меня насмешливо смотрела Женечка.

– Мы тут с Никитосом поспорили, – сказала она, – весь концерт ты так просидишь, без движения и звука, или хотя бы глаза откроешь.

– И что? – Я поморщилась и потеряла затекшую шею.

– Я выиграла, – улыбнулась Женя. – За два часа ты даже бровью не двинула!

– Два... что? – Мне-то показалось, что прошла всего одна песня.

– Вот-вот. Может, все же дашь красавчику шанс?

Кстати, где он?

На сцене музыкантов уже не было.

Как оказалось, они решили, что прошла пора играть и настала пора выпить. И где бы им это сделать? Конечно, за своим вип-столиком.

– Привет-привет! – Через пару мгновений они были уже рядом с нами. Знакомились с Никитой и пожимали ему руку, чмокали Женечку в щеки и приветственно махали мне. Барабанщик, вокалист, бас-гитарист... А где?..

Тут мне закрыли ладонями глаза и пропели в ухо:

– Приве-е-е-ет!

– Привет! – Я вывернулась и срочно поискала на столе хотя бы одну чесночную гренку, но нет. Ни одной не осталось. А жаль.

– Заказать тебе что-нибудь? – Алик развернул меня к себе вместе со стулом.

- Спасибо, не надо.
- Отлично! – Он обрадовался, как будто только и ждал отказа. – Тогда пока парни тут решают, кому сколько пива после бурного сейшна, я тебе кое-что покажу.
- Что?
- Увидишь. – Он протянул руку. – Пошли.
- И крикнул барабанщику:
- Возьми мне темное, мы на пять минут, туда и обратно!

8.4

Не знаю, почему я в этот момент не заартачилась, а просто встала и пошла за Аликом.

Все еще находилась под чарующим воздействием музыки?

Или купилась на его слова про пять минут? Мол, уж за пять-то минут ничего плохого со мной не случится... Он сказал же, туда и обратно.

Поэтому, когда он привел меня в небольшую комнату без окон, с длинным столом, несколькими стульями и зеркалами на стенах, я сначала ничего не поняла.

– Ты что-то хотел мне показать?

– Ага. – Он повернулся и запер дверь. – Спорим, раньше ты такого не видела?

– Че... чего «такого»? – У меня вдруг пересохло в горле. И поздно проснувшаяся интуиция завопила: «Беги отсюда!» Только как бежать? Если двухметровый качок стоит между тобой и дверью, подкидывая на ладони ключ, и многообещающе улыбается.

– Такого крутого. – Он шагнул в сторону, наклонился к рюкзаку, лежащему возле стены, и вытащил оттуда два тюбика. – Что тебе больше нравится, банан или клубника?

Я все еще не понимала – точнее, не хотела понимать, – к чему он ведет.

– Клубника.

Он быстро скрутил крышку с тюбика, выдавил на пальцы какой-то прозрачно-розовый гель и шагнул ко мне.

– Что... – я начала спрашивать, но не договорила.

Алин молниеносно расстегнул на мне джинсы, сдернул вниз и сунул пальцы мне между ног. Я ахнула, дернулась назад, уперлась задницей в край стола. Пальцы скользнули по клитору, а потом резко устремились внутрь.

– Ты! – Я попыталась отпрыгнуть, вывернуться, вырваться, но с каждым движением как будто все сильнее насаживалась на эти наглые пальцы. Алик глядел на мою «борьбу», насмешливо приподняв брови, а потом второй рукой обхватил меня за плечи и притянул к себе. Дунул в ухо и прошептал:

– Терпеть не могу резинки. Спермицидные гели поприятнее. Да? – Он нащупал у меня внутри особенно чувствительное местечко, пробежал по нему кончиком пальца, вернулся обратно, надавил, и тут мне показалось, что я сейчас просто стеку на пол от этого движения. – Скажи, да?

Я закусила губу и дернула головой.

– О-о-о, какая упрямая, – пропел он и стал нежно целовать мне мочку уха. Пальцы тем временем творили что-то невообразимое. Сдвинутые вбок трусики уже промокли насквозь, я дергалась и не могла понять, что это – попытки освободиться или наоборот?.. – Да? Да?

– Да! – выдохнула я.

В этот момент пальцы выскользнули наружу. Алик нагнулся и резко стянул с меня трусики и джинсы совсем, сдернув кроссовки, которые мешали. Развернул спиной к себе, уложил животом на стол, широко развел ноги и крепко ухватил за бедра.

– Вела ты себя не слишком хорошо. – Он легонько шлепнул по одной ягодице и тут же мягко погладил другую. – Но я все же решил выполнить обещание.

Я подняла взгляд и увидела в зеркале свое испуганное лицо. С горящими щеками и блестящими глазами. Испуганное и... такое чувственное, страстное... Лицо, из которого уходит человеческое, уступая место древним инстинктам. А потом я увидела Алика над собой. Он поймал в зеркале мой взгляд, усмехнулся, сделал шаг в сторону.

Показательно медленно вжикнул молнией. И тут я увидела...

– Нет!

– Ты уже сказала «да»! – Он поймал меня за бедра, дернул на себя и уперся в клитор головкой члена. Пугающе большого, просто огромного члена. Сделал несколько легких, коротких движений, от которых у меня заныло внизу живота. А потом чуть оттолкнул меня, провел ребром ладони между губ и резко вошел, сразу на всю длину.

Я вскрикнула, забилась между ребром стола и его бедрами, которые ритмично двигались, вколачивая в меня обжигающе-горячий гигантский член. Казалось, он пронзал меня насквозь, до пупка, до солнечного сплетения, до горла. Я пыталась кричать, но слова застревали где-то внутри, все тело содрогалось от спазмов – в такт этим движениям. Чуть наружу – и вглубь, до упора, до искр перед глазами. Наружу во всю длину – чтобы еще сильнее вонзиться, разорвать меня болью и собрать заново закручивающейся внутри спиралью наслаждения.

Тут снова пришла музыка. Воспоминанием, лишь тенью звука, но она окончательно лишила меня разума. Она била в меня волнами желания, между ног было обжигающе хорошо, мне казалось, что я вот-вот вывернусь наизнанку, перестану быть собой, превращусь в живой комок страсти, жаркий, дрожащий... Я не чувствовала ног, не чувствовала, как цеплялась ногтями за стол, как текла кровь из закушенной губы. Остались только темное пульсирующее пламя внизу, завихряющийся ураган кипящей крови, влага и жар, вода и пламя...

Скоро я вообще перестала понимать, больно мне или хорошо. Единственное, что я еще понимала: я не хочу, чтобы он останавливался. Еще, пусть он делает это еще...

– Еще!

– А я обещал, что будет круто! – Алик провел пальцами вдоль моего позвоночника, царапнул шею и ухватил за волосы, оттягивая голову назад. – Посмотри на меня.

Я открыла глаза, и в мутном бьющемся отражении увидела глаза Алика. Насмешливо прищуренные глаза.

– Сделаю с тобой все, что захочу, бедная овечка, – пропел он. – Да?

– Да!

– Кричи громче. Да?

– Да-а-а-а!

– То-то же!

Он охнул, вонзил ногти мне в бедра и вошел глубоко-глубоко. И попал наконец в самое сердце черного огненного клубка, тот распался на части и хлынул сквозь все мое тело наружу. Я выдохнула, задрожала... и поняла, что последнюю минуту или несколько вообще не дышала. Не до того было.

Алик замер на секунду, крепко прижимаясь ко мне, потом дернулся наружу.

– Сама оденешься? Или помочь?

Когда я обернулась, он уже застегнул штаны и, глядя в зеркало, приглаживал растрепавшиеся волосы.

– Я... – Я не знала, что говорить. Не знала, что ответить. Потому что действительно не представляла, что чувствую и чего хочу. Внутри меня царил хаос. Хорошо взбитый и перемешанный хаос. Некоторые части его я ощущала впервые. И не понимала, что с ними делать.

– Ты разблокируешь мой номер. Завтра у нас свидание. А в конце недели еще один концерт. Конечно, как моя девушка ты приглашена.

– Твоя девушка?

– О-о-о... – Алик широко улыбнулся. – Ты хочешь, чтобы я раздобыл у тебя подтверждение этого факта проверенным способом? Ты же хочешь меня?

– Да.

– Тогда в чем проблема?

– Я не привыкла...

Он шагнул ко мне, обхватил лицо ладонями и привлек к себе.

– В мире есть много, очень много непривычных вещей, о которых ты и понятия не имеешь. И что, это повод не наслаждаться жизнью?

Когда мы вернулись за столик, я посмотрела на часы. В пять минут мы не уложились. Уложились в семь.

8.5

На следующий день мы договорились встретиться возле главного входа на ВДНХ. Я пошла не напрямую от метро, а сделала крюк, чтобы зайти сбоку. Поэтому Алик сразу меня не заметил, и я несколько минут наблюдала за ним. Наблюдала и размышляла.

В голубых потертых джинсах и обтягивающей футболке он был дьявольски, по-журнальному хорош. Ветер все пытался растрепать Алику волосы, а он с ленивой хищной грацией поднимал руку, чтобы убрать их с лица. Все, просто все девочки, девушки и женщины внимательно смотрели на него, прикипали взглядами и чуть шеи не сворачивали, проходя мимо. Он был как магнит в россыпи железных опилок. Как волк, которому не удастся притвориться овцой.

И ведь у него нет ни одной из тех штук, которые в современном мире считаются признаком «мужского качества»: ни роскошной машины, ни дорогих часов, ни крутого костюма, ни облачка над головой, в котором показательно откручиваются цифры, демонстрируя размер банковского счета. Он не знаменитость. Не снимался у известных фотографов, не работал конкурентом Илона Маска, не гонял мяч на футбольном поле, не читал рэп в собственном клубе.

Обычный парень, который ездит домой на метро, снимает хату где-то на окраине города пополам с другом, в самой обычной одежде, не универсально красивый типаж... Ну, одинокую розочку на свидание принес. Очень романтично. В чем же дело-то? В чем его секрет?

Я полночи провела в интернете, маниакально гугля всю информацию о группе Fall High. А наутро заставила Женечку посмотреть все найденное с ее компа. Боялась того же фокуса, что и с Владом. Боялась, что это демон. Нашла его страницу «Вконтакте», нашла его полузаброшенный инстаграм, вдоль и поперек излазила все переписки с поклонницами в комментариях... И по всему выходило, что это обычный, совершенно обычный человек.

С абсолютно бронебойной уверенностью в себе. Наглый, сильный, пробивной, но все же... человек. А это значит... Значит, это не демон. Может, он сумеет меня защитить, если карты снова проявят свою силу? Может, это мой шанс? Я прислушалась к себе и поняла, что не готова искать способы противостоять древней египетской магии. Так, может, у Алика они есть? А я пока выдохну. Приду в себя. А там посмотрим. А еще... Тут у меня начинали краснеть щеки. Я действительно хотела его до полной потери самоконтроля. А еще хотела, чтобы он играл на концертах для меня. Только для меня. При мысли о том, что музыкой надо с кем-то делиться, у меня темнело в глазах и сердце начинало биться чаще. Хотелось забрать мелодию

только себе, ни с кем не делиться, никому не отдавать, драться за нее до потери сознания.

Я усмехнулась. Кровожадная Лара. Какие низменные мысли будит в тебе этот Алик. Раньше я испытывала такое только раз, когда мать нашла мой дневник со стихами, открыла его без спросу и прочла. А потом не сдержалась и рассказала мне, какие именно рифмы плохи и где «поправить бы ритм». Я стояла тогда и бессильно сжимала кулаки, и мне до слез было жалко те самые строчки на листочках в клеточку, которые без спросу прочитал и присвоил себе кто-то другой. Я пыталась писать с тех пор, но прежней уверенности и крыльев за спиной уже не было... И все как-то заглохло. И я уже давно решила, что это было подростковое, глупое, мол, все девочки в двенадцать лет пишут стихи... А может... Может, вовсе не глупое?

Я мотнула головой, прогоняя воспоминания, и пошла к Алику. Она заметил меня, раскинул руки и улыбнулся. Обнял, крутанул на месте, крепко-крепко ухватил за талию и поцеловал в губы.

– Ну что, гулять?

И, не дожидаясь ответа, вручил мне розочку и потянул куда-то по главной аллее.

Ярко светило солнце, вокруг было полно народу на роликах и самокатах, туда-сюда носились дети с мороженым и сахарной ватой. Я вертела головой по сторонам и улыбалась. Это были какие-то очень простые, ребяческие радости. Солнечный зайчик на носу, стаканчик с мороженым в руке, и если все вокруг смеются и радуются, то почему бы не посмеяться самой?

Алик то и дело притягивал меня к себе и целовал, лохматил волосы, подхватывал на руки и в шутку переносил через лужи и бордюры.

Через два часа, когда мы шли обратно к метро, я уже думала – почему он мне раньше так не нравился? Типаж... ну и что, что типаж? Оказалось, что красивые бицепсы – это не только выпендрей, но и возможность легко поднимать меня одной рукой и обнимать крепко-крепко. И надежно. Оказалось, что длинные волосы – это может быть красиво не только на картинках Валеджо. А то, что Алик все время пытался меня подколоть или поймать на слове... ну, такая вот у него манера общения. Или привыкну со временем, или расстанемся.

О, какое это было новое и обалденное чувство – начинать роман с осознанием, что он может быть не навсегда. Без грандиозной влюбленности и готовности плакать днями и ночами у открытого окна, если милый где-то далеко. «А что, – спрашивал внутренний голос, – так можно, да?» Я улыбнулась, встала на цыпочки и чмокнула Алика в щеку. Просто так, чтобы чмокнуть, – а не от великих чувств.

Мы стояли у перехода и ждали, когда зажжется зеленый свет. Алик даже не обернулся ко мне, просто усмехнулся – мол, так и знал, что дождусь от тебя нежностей! – и мне показалось, что в его глазах мелькнул красный отблеск. Наверняка от светофора... тот как раз мигал, готовясь смениться. Потом загорелся зеленый.

– Слушай... – Я шагнула на дорогу, ткнув Алика в бок. – Внезапный вопрос. А как ты относишься к магии?

Вместо ответа он выругался и дернул меня за руку к себе. Больно, ужасно больно и грубо!

– Ты что?!

– Это ты что?! – Он показал на светофор. Там горел красный. Странно, я же точно видела, что... – Где твои мысли, ау? С головой не в порядке? Лучше смотри по сторонам, а то если меня рядом не будет, кто о тебе позаботится?

– Спасибо, – растерянно прошептала я.

О магии в этот вечер мы больше не вспоминали.

Глава 9

Ревность

9.1

Следующий концерт они играли на открытой сцене, в парке. Днем прошел дождь, и к вечеру воздух был звеняще-умытый, полный запахов цветов и листвы. Над танцполом перед сценой светились гирлянды, похожие на сборище разноцветных светлячков.

Алик затащил меня за дерево перед самым началом выступления, прижал к влажной душистой коре и обжигаяще шептал на ухо:

– Ну же, ну же, сыграй на мне... И я буду играть только для тебя.

Я расстегнула его джинсы и гладила член, мягко обхватывала ладонями, дразнила, проводя ноготком по всему стволу... это я! Я, которая всегда стеснялась обниматься на людях – вдруг что-то подумают? В присутствии Алика мой стыд куда-то испарялся, правда, после свиданий возвращался и принимался грызть с удвоенной силой.

Потом я пританцовывала под «светлячками» с банкой колы в руке. На одну часть колы там было налито примерно две части виски. Мне было ужасно весело, кружились голова, деревья, огни, и люди раскачивались в такт барабанному ритму, и Алик играл только для меня. Мир вокруг то скручивался спиралью, оставляя лишь одну точку на острие – меня – и мелодию в голове, то вдруг стремительно раскручивался, разворачивался мешаниной цветов, форм и запахов. И тогда хотелось кружиться и смеяться. Когда выступление закончилось, Алик так и сделал. Спрыгнул со сцены и закружил меня, чуть не сбил с ног пару не успевших отскочить зрителей и собственного барабанщика, который зачем-то сунулся подойти...

Потом мы ехали в метро к Алику домой, ужасно хотелось спать, а он все стягивал с моего плеча футболку, зарывался носом между плечом и шеей, покусывал кожу и целовал. Не обращая никакого внимания на двух ворчащих теток, которые обсуждали ужасные нравы молодежи всю дорогу – от «Парка Культуры» до «Бульвара Рокоссовского». Выбравшись из метро, мы пошли к Алику домой,

обнявшись и пошатываясь. Я натерла ногу, сняла босоножки и шагала босиком по мокрому асфальту, в котором отражались фонари. И мне так хотелось, чтобы этот миг никогда не заканчивался, чтобы можно было остановить время и пить этот вечер огромными глотками, но Алик то и дело пихал меня в бок и покусывал за ухо, не давая сосредоточиться на моменте.

Мы завалились в крохотную двушку в девятиэтажке, почему-то смеясь во весь голос, разбудили соседа Алика, я пыталась шепотом извиняться, то и дело сбиваясь снова на смех.

Оставив обувь в коридоре неровной горкой, завалились в комнату, где было совсем мало мебели – только большой матрас на полу, стойка с гитарами, шкаф и крохотный столик с задвинутой под него табуреткой. Алик уронил меня на матрас и сразу же, не раздевая, начал любить... удивительно медленно и нежно. Он плавно входил в меня, давая почувствовать каждый миллиметр напряженной плоти, сдерживая рвущееся сквозь сомкнутые зубы дыхание. От этих выверенных медленных движений весь матрас пришел в движение, и мне показалось, что под нами волны. Если закрыть глаза, то можно представить себя в центре безбрежного океана, а не в комнате с трещинами на потолке и скрипучей дверью. Если закрыть глаза, то можно представить, будто тут никого нет ни за стеной, ни в соседних квартирах, ни в доме, ни в городе... Только вы вдвоем и море, которое раскачивает вас, то приближая друг к другу, то отдаляя. И движения эти естественны и сильны, как сама жизнь, и будят внутри томную сладость, и ты знаешь, знаешь с самого начала, чем все закончится, но не в силах ни приблизить этот момент, ни оттянуть его.

Я обхватила его бедрами, скрестив щиколотки за спиной, и качалась на волнах удовольствия, закусив губу и зажмурившись. Не только во время концерта в парке... А и сейчас тоже. Именно сейчас Алик «играл» только для меня. Музыка снова подкралась и взяла меня на руки. Это длилось, длилось и длилось бесконечно, головокружительно долго. И пришедшее ко мне удовольствие было не похоже на взрыв или вспышку. Оно было потопом, который заполняет все клеточки тела, заливают легкие и не дает дышать, пока теплая волна не накроет все, от кончиков пальцев до макушки. А потом наконец можно выдохнуть и счастливо улыбнуться, не открывая глаз.

Мы так и заснули обнявшись: не было даже сил дойти до ванной.

А наутро меня разбудил тычок в бедро. Алик, уже одетый, с влажной после душа головой, пихал меня ногой.

– Проснулась? – резко сказал он, когда я открыла глаза.

– Да, а... Что-то случилось?

– Могла бы вчера сказать про стертую ногу.

– Я говорила...

– Ты не сказала, насколько это серьезно. – Он поднял и продемонстрировал мне салфетку с бурыми разводами. – Залила весь коридор тут.

– Ну, может, пара капель и...

– И мне пришлось все вытирать! – Кажется, он серьезно злился, даже не притворялся. А я все не могла понять, как его могла расстроить такая мелочь. – Собирайся!

– Мы даже не позавтракаем вместе?

– Нет. Я позвоню.

Я пожала плечами и молча начала одеваться. Не дождавшись «пока» и не попросив пластырь, вышла из квартиры и стала ждать лифт. Мне было ужасно обидно. Но еще больше – странно. Ну не должен нормальный человек так реагировать на такие глупости. И не должен обижать свою девушку.

Я успела пройти половину дороги до метро, когда Алик меня догнал и вручил стакан горячего кофе и ромашку.

– Прости!

Я попыталась его оттолкнуть, но он с легкостью прошел мою защиту и прорвался к губам. И снова прошептал:

– Прости! Не знаю, что на меня нашло. Смотри же, ну, наглый Алик просит прощения! Я серьезно! Не злишься? Я больше так никогда не буду!

«Никогда» закончилось через четыре дня.

9.2

За следующие две недели я трижды хотела с ним расстаться и почему-то трижды не решилась. Алик то взрывался по пустякам, то был ужасно милым. То дулся на пустом месте, то гордо заявлял: «Ты же моя девушка, как на тебя вообще можно обижаться?» И в обеих

ипостасях был настолько убедителен, что я никак не могла понять, в шутку он говорит или всерьез.

А еще временами внутренний голос заводил шепотом противную песенку: «А может, это не в нем дело, а в тебе?» И с каждым днем мне все сложнее было ему противостоять.

Несмотря на то что я временно запретила думать себе о расследованиях, картах и демонах, пыталась жить обычной жизнью и даже ловко нашла подработку, спокойствие на меня так и не снизошло. Я отвратительно спала: ворочалась до рассвета, и даже Мышка под боком не помогала. У меня все валилось из рук. Я то и дело роняла ложки, чашки и прочую посуду, забывала переложить проездной из одной сумки в другую, пыталась переходить дорогу на красный свет, не помнила, о чем говорила накануне, думала, что отправила сообщение, а потом выяснялось, что я его только придумала, даже не написала... Может, действительно не стоило разбивать любимую кружку Алика в его комнате? Опаздывать на встречу на полтора часа? Забывать билеты на концерт? Может, он не привык к таким рассеянными девушкам?..

Меня мотало, как на качелях. От эйфории к обиде, от наслаждения к недоумению, от буйного веселья к опустошению. Алик таскал меня по закрытым клубам и тусовкам, где пили горящий абсент, носили потрясающие кожаные шмотки, играли крутую драйвовую музыку (причем никакого индастриала, будь он проклят!) и искренне улыбались мне. «О, Лара, ты с Аликом? Садись за столик, что ты будешь? Поболтаешь с нами?», или «Пива на всех! Ну-ка мечи стаканы на стол!», или просто «Чувствуй себя, как дома!»

Я никогда раньше не интересовалась этой стороной жизни. Неформалы и рокеры казались мне суровыми и странными чуваками немного не от мира сего. Эдакими заигравшимися в протест эскапистами. А на деле они оказались потрясающе интересными собеседниками, классными ребятами и девчонками, гораздо более «теплыми», чем посетители обычных клубов и баров.

«Да-да, – ехидствовал внутренний голос. – Ты-то, Лара, великий знаток обычных клубов и тусовок. Напомни, на скольких ты была в этой жизни? Ну если не считать того похода в клуб в одиннадцатом классе на спор и с торжественным возвращением под мамочкину брань аж в полпервого ночи? Так вот, если бы не Алик, до сих пор сидела бы

долгими зимними... то есть, тьфу, летними вечерами у себя в Отрадном и отчаянно скучала».

Не, в чем-то он был, конечно, прав...

Чего в моей жизни теперь не было, так это скуки. Например, раньше мне бы и в голову не пришло отправиться на закрытый фестиваль этнической музыки – только по приглашениям! – в облагороженные руины бывшего промышленного комплекса. В нем так потрясающе настроили освещение, что настоящими казались именно всполохи света, толстые лучи прожекторов и тоненькие лазерные ниточки. А обычный материальный мир в сравнении с ними выглядел нарисованным, придуманным, бутафорским.

Я уселась рядом с гигантской коробкой, изображающей столик, а Алик отправился искать бар и каких-то своих друзей. Рядом две девушки с мехенди на руках гадали третьей, тянуло дымком от ароматических палочек, мимо проходили ярко и необычно одетые люди, похожие то на попугаев, то на монахов, то на городских сумасшедших. Как будто меня забросило на Восток, в будущее, где электронные ритмы мешаются с этноэлементами, а прогресс – с вековыми традициями и суевериями. Алик все не шел, я барабанила пальцами по столу и притопывала в ритм музыке, разглядывая толпу. И вдруг за соседним столом... Мне сначала показалось, что я обозналась.

Поэтому я медленно, осторожно, чтобы не спугнуть – хотя она и не смотрела на меня вовсе, – поднялась и, прячась за спинами людей, переместилась поближе. Чтобы лучше рассмотреть. Чтобы не было точно никакой ошибки.

Ошибки не было.

За соседним столиком сидела Ольга.

Та самая. С которой началась вся эта чертовщина.

Дурацкие шаблоны, добытые из шпионских фильмов и мультиков, утверждали, что надо продолжать скрываться и следить за ней дальше. Только к чему меня это приведет? Узнаю, где она живет? Ну это если повезет очень сильно... Или потеряю ее, когда она сядет в машину. Значит, надо брать себя в руки и пытаться поговорить с ней прямо здесь и сейчас. Не ждать более подходящего места и времени.

Я медленно выдохнула. У меня тряслись руки и быстро-быстро колотилось сердце. Сунула ладонь в широкий карман летних штанов. И конечно, стоило о ней подумать – колода тут как тут.

Тогда я сглотнула ком в горле, шагнула к столику-коробке и уселась рядом с Ольгой. Громко сказала:

– Привет!

Ольга обернулась ко мне и изменилась в лице. Как будто демона увидела.

9.3

Я даже оглянулась, нет ли за моей спиной этого самого демона в призрачной ипостаси, с воронами, мотоциклами и горящими крыльями, например... Или что там носят демоны в этом сезоне?

Но сзади никого не было. А Ольга быстро опрокинула в себя стакан с коктейлем, закашлялась, замерла на секунду, опираясь ладонями на стол, а потом вскочила с места. Я едва успела в последний момент схватить ее за рукав.

– Стой! Подожди! Я... – А кстати, что я такого могу сказать, что заставит ее остановиться?

Ольга дернула рукой, и ткань выскользнула из моих пальцев.

– Пожалуйста! Хотя бы расскажи, как она работает!

Ольга отскочила на метр и выставила перед собой ладони:

– Только не подходи!

– Я не... – Мысли металась и сталкивались между собой. Что делать? Хватать ее и удерживать насильно? Я никогда не умела драться. А вмешивать в это дело Алика... не хотелось. Лишь бы он подольше задержался. – Скажи только, их можно сжечь?

Ольга закинула голову и расхохоталась. Смех звучал так безумно, что я сразу поняла: даже избавившись от карт, в себя она не пришла... И осознание это ледяной змейкой свернулось вокруг сердца. Что, если я сама такой стану? Или я уже почти... такая?

– Рано же тебя догнало. – Отсмеявшись, Ольга все же снизошла до разговора. – И двух месяцев не прошло.

– А... у тебя сколько прошло?

– Пять... или шесть лет. Долго. Не помню. – Она приложила пальцы к вискам. – Разве ты это хотела спросить? Давай быстрее. Пока я добрая.

– Так я уже...

– Ах да. Точно. Нет, сжечь их нельзя. Утопить тоже. Разорвать ты их не сумеешь, пока демоны в колоде.

– Только отдать?

– И не абы кому. – Она усмехнулась. – По тебе было видно, что карты тебя послушаются. Если ты найдешь кого-то такого же... точно узнаешь. Только вот...

– Что «вот»?

– Найдешь ли ты в себе силы их отдать. Или будешь надеяться на то, что новый будет лучше предыдущего. И еще лучше. А потом – хоть бы не хуже... Не настолько хуже...

– А если карта открылась, но демона нет?

Ольга пожала плечами:

– Это невозможно. Когда карта отделяется от колоды, это значит, что демон явился в мир.

– И скрывается?

– Демоны... – Она то ли засмеялась, то ли закашлялась. – Демоны никогда не скрываются. Им нужно от тебя разное. Но именно от тебя. Ты ниточка, которая привязывает их к миру. А за ниточку надо держаться.

Она сделала шаг назад. Потом еще один.

Я сидела и просто смотрела, как она уходит. Вот сейчас уже совсем уйдет... И не могла сказать ни слова. Потому что ее слова могли значить только одно. Моя одержимость Аликом...

– Они могут меня убить? – крикнула я вслед Ольге.

Она обернулась и покачала головой. А потом быстро подошла ко мне, схватила горячими ладонями за щеки, прижалась ко мне и прошептала:

– Это единственное, что они сделать не могут. Но смерть... иногда смерть – это не самое худшее.

Я моргнула, чувствуя, как непрошенная слезинка катится по щеке, и тут вокруг стало темно. Исчезла бóльшая часть подсветки. Лазерные нити, инсталляции, светомузыка... Где-то в стороне продолжали звучать ритмы там-тамов, но людей вокруг почти совсем не было. И Ольги тоже.

– Э-эй! – кто-то тронул меня за плечо.

Я дернулась и обернулась к Алику. Он сидел рядом со мной за столиком, приобнимая за талию.

– Ты... – прошептала я.

– Ты так и собираешься тут сидеть? – Он улыбнулся. – Все уже почти закончилось. Это тебя так благоволия неслабо торкнули? Или что?

– Или что, – беззвучно проговорила я, а в голове всплыла фраза из любимой книжки: «Пора нам, ситный друг, с тобой расставаться».

9.4

Выбравшись с фестиваля, мы поехали к Алику. Он даже не поинтересовался, хочу я этого или нет, просто потянул за руку из вагона, когда надо было пересаживаться... И я пошла, как бандерлог в пасть к удаву Каа. У Алика было хорошее настроение, он щекотал меня за ухом, целовал и рассказывал о том, что задумал написать песню по моим стихам. Да, к этому моменту я успела признаться ему, что пишу... писала... короче, показала свои литературные опыты.

Несколько лет назад я мечтала, что сумею придумать текст для какой-нибудь группы, и песня станет хитом, попадет в ротацию на радиостанциях, потом снимут клип, подростки будут насвистывать ее и ставить себе звонком на телефон, а я... Я буду хитро улыбаться, никому об этом не рассказывать и радоваться тому, что сумела немножечко изменить мир.

И вот сейчас Алик говорил как раз об этом. О том, что эта мечта начинала исполняться... Его слова были как заклинание, они обволакивали, успокаивали, укачивали и грели. К моменту, когда мы добрались до его квартиры, я уже толком не понимала, чему я так расстроилась после встречи с этой самой... как ее звали? Галина? Ангелина? Может, мне вообще привиделась эта встреча? Может, я действительно надышалась дымом ароматических палочек, или музыка вогнала меня в транс, или я слишком много выпила?..

Когда мы разувались в прихожей, меня пошатывало и тошнило. Голова наливалась тяжестью и начинала болеть.

– Давай чаю попьем?

Обычно мы не ели и не пили у Алика дома, сразу забивались к нему в комнату и... и делали всякое. Но сегодня я чувствовала, что без горячего чая с сахаром вприкуску я просто рухну в обморок. Наверное,

глюкоза упала. Точно. Вот оно, объяснение плохого самочувствия. Все гораздо проще, чем «торкнувшие благовония».

– Давай. Мне два пакетика в большую кружку, без сахара. Жду в комнате.

Я зашла на кухню и беспомощно заозиралась по сторонам. Алик даже не подумал показать мне, где что лежит... Придется открывать все шкафчики. И как, интересно, отличить кружку Алика от кружки соседа? Или они тут все общие?..

– Привет. – А вот и сосед, легок на помине.

– Привет.

Я дико смущалась этого худого небритого студента. Наверное, потому что он уже несколько раз слушал мои ночные... концерты. Алик каждый раз делал со мной что-то такое, что молчать было невозможно. Иногда от удовольствия. Иногда от боли. Но чаще от того и другого одновременно.

– Ты за чаем? – Он открыл ящик и вытянул оттуда пару кружек. – Держи. Вот эта побольше – Аликова. А эта тебе.

– Спасибо...

– Не за что. Сам за этим же выполз.

Он налил воды в старый электрический чайник, щелкнул кнопкой и уселся за стол.

– Ты тоже садись. Воды много, он будет долго закипать.

– С-спасибо...

Я уселась на краешек стула, положила руки на стол перед собой. Потом переложила на колени. Поправила волосы. Молчание в этой кухне было каким-то ужасно душным, тяжелым, пластилиновым... Невыносимым. Минуты тянулись медленно, как будто кто-то специально тормозил стрелки часов. Чайник все не кипел.

Сосед поднял на меня глаза.

– А вы с Аликом до или после аварии познакомились?

– Какой аварии?

– Он не рассказывал? – Сосед будто обрадовался, мельком взглянул на чайник, мол, уж теперь-то ты закипишь! Ведь мы совсем перестанем обращать на тебя внимание! – Он месяц назад разбился на машине с друзьями. В больнице лежал, вроде в коме даже. Я уже думал, нового соседа искать придется, тут снимать дорого одному... А потом раз – и очухался.

– И?

– Сбежал из больницы под расписку. Наорал на меня, что я в комнату его заходил. И хорохориться стал... не то что раньше.

– Это как?

– Обнаглел. Видимо, вернулся с того света и решил, что все можно. Ты это... – Он внезапно перегнулся через стол и устремил на меня очень просящий взгляд. – Может, поговоришь с ним? Выжил, здоровенький, я этому рад, м-да. Но это ж не повод хамить мне и хозяину квартиры? Злой как собака стал, на людей буквально кидается. Как будто подменили.

– Поговорю.

Я отвернулась, чтобы сосед (как его зовут, кстати? а, неважно, блин, ничего уже неважно) не увидел, как у меня дрожат губы. В голове внезапно стало холодно и чисто, будто морок развеялся. Так, значит. Подменили. То есть демон забрал тело несчастного Алика и внезапно стал виртуозно играть на гитаре. И наглеть, играя на людских нервах. В частности, моих.

...Ольга! Точно, ее звали Ольга! Ничего себе он задурил мне голову, что я успела ее имя забыть. И забыть, о чем мы только что с ней говорили.

– Вы тут не обалдели языком трепать, пока я там чай жду? – Алик появился на пороге кухни, явно очень злой – ничего общего с тем милым и заботливым парнем, который ехал сюда со мной в обнимку.

– Уже ухожу... ухожу! – Сосед засуетился, плеснул себе в кружку воды из так и не закипевшего чайника и просочился мимо Алика в коридор. Черт. А ведь он его боится. Что он ему уже успел сделать? Или чем пригрозил?

Хватит. Хватит с меня. Надо это прекращать, пока он снова не задурил мне голову. Пока не заставил сомневаться в собственной нормальности.

– Сейчас налью. – Я подошла к чайнику, повернулась к Алику спиной и сунула руку в карман. Нащупала колоду, потянула наверх свободную карту. Сейчас я ее порву и...

Алик неслышно подошел сзади и ухватил меня за запястье. Вывернул руку вместе с картой, выхватил ее, оскалился и рывкнул:

– Тварь! Так, значит, да?

Я даже не сразу поняла, что произошло. Обернулась и молча тарасилась на перекошенное лицо Алика, в котором проступили по-настоящему звериные черты. Он ощерился, и только теперь мне стало понятно, что у него не просто неровные зубы... у него они не человеческие. Заостренные, будто обточенные... и еще длинные-длинные клыки.

Тут Алик щелкнул зубами совсем рядом с моим лицом, как будто хотел укусить, а потом схватил за плечи и толкнул. Я отлетела к подоконнику и стукнулась спиной так, что вскрикнула и сложилась от боли. Упала на четвереньки и задышала часто-часто, пытаюсь прийти в себя... Не получилось.

Алик оказался снова рядом, подхватил меня с пола, перекинул через плечо и потащил к себе в комнату. Я закричала, хотя кто мне поможет? Сосед, который сам боится? Небось уже забаррикадировался у себя... Алик выругался и зажал мне рот ладонью. Пинком ноги распахнул дверь в комнату и швырнул меня на матрас.

С такой силой, что я даже перекувыркнулась через голову, докатилась до края матраса и стукнулась об стену. Как в детстве, когда мы с друзьями играли в сальто на диване. Только тогда было смешно и весело, даже тогда, когда кто-то сваливался на пол, набивал шишки и расквашивал нос. А сейчас...

До меня только начал доходить весь ужас. Он не просто сильнее меня. Он сильнее, хитрее, опытнее... А главное, раз он демон, то у него нет ни совести, ни любви ко мне. Он не будет колебаться или мучиться. Все, что я могу сейчас сделать, – это тянуть время. Так? Да?

Сердце мое билось часто-часто, как у загнанного зайца, на которого открыл охоту волк. Самый страшный серый волк в этом лесу.

Слова становились поперек горла, и было очень страшно, но не попробовать я точно не могла.

– Прости. Я...

Тут рядом с моей головой в стену врезалась чашка. И разбилась, разлетелась веером осколков.

– Заткнись, – в голосе Алика осталось мало человеческого. Он превратился в звериный рык. – Заткнись и слушай. Кивни, если поняла.

Я вздрогнула. И кивнула.

– Сейчас ты отдашь мне всю колоду. Вытащишь из кармана и аккуратно положишь на матрас. Считаю до трех. Если на счет «три» колоды не будет, я сломаю тебе все пальцы на руке. Сначала на одной...

– Алик!

– Неправильный ответ. Один...

Я уперлась спиной в стену и зажмурилась. Что делать? Что же делать? Если он заберет карты, то я потеряю единственный способ с ним справиться. Тогда я потеряю все!

– Два...

Пальцы предательски задрожали и полезли в карман. Нашупали карты и потащили их наружу. Я сжала зубы и попыталась заставить себя остановиться... Не получилось. Было слишком страшно.

– Три!

Алик метнулся вперед, прыгнул на край матраса и потянулся ко мне... Я взвизгнула и бросила перед ним карты. Он усмехнулся.

– Хорошая девочка.

Взял колоду. Растянул губы в улыбке. Нет, не в улыбке. В оскале.

– А сейчас я сыграю тебе. И вымету из головы всю эту дурь. Тебе понравится, вот увидишь. Тебе же нравится моя музыка, да?

И потянулся к гитаре.

В этот момент я поняла, что у меня осталось всего несколько секунд жизни в здоровом уме и трезвой памяти.

9.6

Что делать? Что же делать?

Алик ухватился за гриф гитары и потянул ее к себе.

Выхватить его карту? Нет, он уже куда-то ее спрятал...

Алик устроился поудобнее и пробежал пальцами по струнам.

Голова снова заболела.

Алик потянулся к блестящим колкам и начал их подкручивать. Как будто тянул время. Издевался.

Меня уже затягивал мутный омут морока. Укачивал и обнимал, обещал вечное наслаждение и полное отсутствие волнений. И

последним досадным видением, отвлекающим от грядущей музыки, всплыла в памяти Ольга. Которая хищно улыбалась и говорила: «А еще можно вызвать следующего, не убивая предыдущего. Тогда они будут за вас... Драться».

Алик вернулся к струнам, но за секунду до того, как прозвучал аккорд, я из последних сил выкрикнула:

– Хочу тебя видеть!

И тут же съежилась, закрылась руками, ожидая, что Алик ударит. Что ничего не получится. Что сейчас он...

– Дрянь! – Он действительно отшвырнул гитару и подался ко мне, дернул за запястье, схватил за подбородок и потянул к себе... Лицом прямо к страшному оскалу. Нет. Волку прямо в пасть.

И тут раздался грохот, что-то ударило его в бок, он выпустил меня и скатился с матраса.

А я завизжала от ужаса.

В дверях комнаты стоял мужчина в омовской форме, с пистолетом. С абсолютно пустым лицом и закатившимися глазами, как одержимый из фильма ужасов. Он дернулся и снова выстрелил в Алика, но тот уже успел увернуться. Откатился в сторону и вскочил на ноги, поливая пол кровью, хлещущей из раны на боку. И начал меняться.

Челюсти удлинились, меняя привычные линии лица, выворачивая кости. Кожа на скулах лопнула, и из-под нее показалась серая шерсть. Пальцы на руках будто укоротились, а ногти заострились и превратились в когти. Ладони стали лапами. Но главное – он рос. На месте и так немаленького Алика сгорбился, упираясь холкой в потолок, гигантский волк.

Мужчина снова выстрелил. И еще раз.

А волк зарычал и кинулся на него. Свалил на пол и вцепился в горло. Мотнул головой туда-обратно. Мужчина захрипел и перестал дергаться, а волк поднял окровавленную пасть и уставился на меня.

Оказывается, все это время я не переставала визжать.

Теперь же крик замер в горле, и мы остались в звенящей тишине.

Я и демон.

А потом в комнату ворвались еще вооруженные люди и начали стрелять. Волк зарычал и бросился на них. Рывок зубами, удар лапой, прыжок. Снова рывок зубами... Он расшвыривал их так, будто это

были не люди, а беспомощные тряпичные куклы. Прыжок, удар лапой... Они стреляли, хрипели, кричали... и умирали один за другим. Кажется, пули не брали демона, а лишь раззадоривали его и злили.

Но когда он смял последнего стрелка, в комнату влетела серебристая молния. Ударила волка в раненый бок, и они покатались по полу громадным серо-серебряным клубком. Врезались в шкаф, и он рухнул на пол с грохотом и треском.

«Надо бежать, – подумала я. – Пока они дерутся, надо бежать».

Но продолжала сидеть, не в силах заставить себя пошевелиться. Ужас спеленал меня по рукам и ногам. Казалось, что стоит подвигать хоть пальцем, как они заметят, перестанут драться и...

Клубок из когтей, зубов, шерсти и чешуи прокатился по комнате в другую сторону, ударился о стену и распался.

У волка опухла морда и не было правого глаза. Вместо него черная дыра, из которой сочилась огненно-красная кровь. А напротив него замер гигантский серебряный змей с узкой головой и заиндевелыми ноздрями. Он выпустил наружу тонкий раздвоенный язык и запел-зашипел:

– Сдохнеш-ш-ш-шь...

– Во-о-о-ор-р-р! Она моя!

– Уж-ж-ж-ш-ш-ш-ше не-е-е-ет!

– Вр-р-р-р-р-решь!

Волк шатнулся в сторону, уворачиваясь от змеиного броска, отпрыгнул ко мне... Нет, он же не собирается меня убивать? «Так не доставайся же ты никому!» – это ведь из другой истории, правда?

Но Алика интересовала вовсе не я. Он снова прыгнул и врезался в окно. И вывалился наружу, увлекая за собой осколки и обломки рамы.

Змей скользнул следом и выглянул на улицу... Я моргнула. Там, где только что раскачивалось серебристое чешуйчатое тело, теперь стоял худой блондин в сером костюме, опираясь ладонями о подоконник.

Потом он обернулся ко мне, и я поняла, что этот змей... то есть уже человек... то есть демон... тоже ранен. От подбородка вниз по шее, исчезая под воротником рубашки, тянулась дымящаяся глубокая царапина с обугленными краями. Он сморщился, осторожно коснулся ее кончиками пальцев. А затем протянул мне руку и прошипел:

– З-с-с-с-сдравствуй!

Глава 10

Стас

10.1

Я медленно сползла с матраса и попыталась встать. Со второго раза у меня даже получилось, хоть ноги и дрожали. Но вот коснуться руки демона не смогла себя заставить... Слишком свежи были впечатления от драки.

– П-привет, – а вот голос меня послушался с первого раза. – Я Лара.

– Стас, – коротко кивнул он и деловито огляделся по сторонам, поправляя воротничок рубашки. – Пойдем.

– Куда?

Стас удивленно поднял брови:

– Не куда, а откуда. Здесь надо все убрать и привести в порядок. Или ты сама хочешь ликвидировать трупы?

– Н-нет.

– Или дождаться приезда полиции и объяснять, что здесь произошло?

– Нет!

– Вот и я подумал, что тебе не захочется этим заниматься. Так что пойдем. Сейчас... – Он на секунду замолчал, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. – Сейчас уже подгонят машину.

Он второй раз протянул мне руку, и на этот раз я поколебалась немного и схватилась за ладонь. Она была ледяной и гладкой... наверное, такая же на ощупь, как змеиная чешуя. А его рукопожатие – крепким и уверенным.

Стас осторожно провел меня к выходу из комнаты, отодвигая тела и обломки мебели носком ботинка... Черные кожаные ботинки были так начищены, что аж сверкали, и смотрелись жутко неуместно в этой комнате со следами разгрома.

В коридоре по пути в прихожую нам попался навстречу сосед Алика. Я шарахнулась было в сторону... сжалась... приготовилась

объяснять, что я ни при чем, что Алика и вправду подменили в больнице, что... Но тут заметила, что у него совсем отсутствующее лицо и не видны зрачки глаз, как и у мужчин с оружием.

– Уберешь тут все, – бросил ему Стас, протискиваясь мимо. – Обломки в мусор, тела в ванную, комнату отмоешь.

Сосед резко кивнул головой, как будто его дернул за веревочку гигантский кукловод. Я сглотнула... и не сказала ничего.

У подъезда нас уже действительно ждал автомобиль. Гигантский черный джип с хищной, будто акульей мордой. Я забралась на заднее сиденье, Стас влез следом за мной и молча махнул рукой водителю. Тот поглядел в зеркало заднего вида пустыми глазами – как и следовало ожидать – и тронулся.

– Мы... едем ко мне домой? – спросила я.

– Нет, – ответил Стас. Он не смотрел на меня. Поглаживал края раны на шее, морщился и следил за дорогой.

– А куда?

– Ко мне. Волк Романы^[5] не умер, он все еще здесь. Может напасть в любую секунду. Поэтому надо тебя защитить.

– Спасибо, – я попыталась выдавить улыбку. Получилось не слишком убедительно... Но хоть что-то. В конце концов, он меня спас, правда?

– Пока не за что.

Мы долго ехали. Сначала я пыталась запомнить куда, но у меня не слишком получалось. Напряжение начало отпускать, и меня просто трясло. Хотелось плакать. Хотелось свернуться клубочком и забраться под одеяло. Заснуть, и чтобы все происходящее оказалось сном, просто дурным сном. Я закрывала глаза, зажмуривалась из всех сил в какой-то безумной надежде, что кошмар закончится. Но потом открывала – а за окном так же мелькали дома, за рулем был пустоглазый водитель, а в полуметре от меня сидел новый демон. В потрясающем костюме, в рубашке с запонками на рукавах, с коротко стриженными безупречно лежащими волосами. И с очень напряженным лицом.

Через час мы наконец добрались. Заехали в элитный поселок – на посту охраны нас пропустили без вопросов – и подрулили к высокому забору. Створки ворот медленно поползли в разные стороны, и джип покатился по дорожке к дому. Большому трехэтажному особняку, за которым виднелся настоящий лес.

На крыльце нас встречали несколько человек. Все такие же послушные слепые куклы. Стас посмотрел на них, прищурился, пробормотал:

– До вечера свободны.

Сам открыл дверь машины, не дожидаясь помощи, выбрался наружу и первый раз улыбнулся. Улыбка его напоминала изгиб сабли. Такая же острая и опасная.

– Добро пожаловать, Лара.

10.2

Стас проводил меня в комнату на втором этаже. Здесь на полу лежал мягкий белый ковер, с потолка на длинной цепи свисала люстра из матового стекла – изящное переплетение цветов и листьев. Массивная кровать с изголовьем из темного дерева, пара одежных шкафов с распахнутыми створками – пустых, дверь в маленькую ванную... Я подошла к эркеру с остеклением в пол и выглянула наружу. Совсем рядом горел фонарь и раскачивались ветви елок. Уютная комната, классное место... если бы не личность того, кто меня сюда привел.

– Располагайся. – Стас заглянул в ванную, взял с раковины какой-то пузырек и повертел в руках. – Отдыхай. Думаю, это было неприятное зрелище.

Я не стала уточнять, что «это». Сразу поняла, что он имел в виду. Драку. Или нет... точнее сказать, побоище.

– Эти люди... они...

– Эти люди отвлекали Волка до моего прихода. Иначе было бы поздно.

– Но...

– Ты и сама все знаешь.

Я действительно знала. Только вот впервые за меня... за мой трезвый разум заплатили жизнями чужих людей. Так просто. И так ужасно.

Стас шагнул было к двери, потом оглянулся и обронил:

– Еще пара вещей. Я хотел бы сразу поставить точки над «i». Или хочешь сначала выспаться?

– Давай... давайте сейчас, – ну просто невозможно было обращаться к этому официально одетому холодному мужчине на «ты».

– Наше знакомство вышло несколько скомканным. Зато ты теперь знаешь, на что я способен. Так?

– Так.

Он протянул руку.

– Ты сейчас отдаешь мне мою карту. Во избежание сюрпризов и эксцессов. Всю остальную колоду я у тебя просить не буду. И силой отбирать не буду. – Он дернул плечом. – Мне чужды эти силовые методы «в лоб». Если ты разумная девочка, то мы договоримся.

– А если...

– А если неразумная... – прищурился он. – Если ты хоть на секунду задумаешься о том, чтобы вызвать еще какого-нибудь идиота и осложнить нашу и так непростую ситуацию...

Он шагнул ко мне и посмотрел в глаза. Взгляд у Стаса был ледяной, змеиный, пугающий. Презрительный. Дающий понять, кто тут на самом деле главный и кто диктует правила игры.

– Если ты задумаешься о такой глупости, тут же превратишься в куклу. Ты видела, мне это ничего не стоит.

Тут я почувствовала, будто невидимая нить тянется у меня из лба, заставляет наклонить голову и кивнуть. Запястья остро заболели, и руки вздернулись вверх. Потом одна рука полезла в карман, нащупала там колоду, отлепила от нее «свободную» карту и потащила вверх. Послушно протянула Стасу. Кукловод перебирал ниточки. Демонстрировал свое могущество.

– Нравится? – усмехнулся Стас. – По глазам вижу, что нет. Да и никакого удовольствия в общении с безмозглым болванчиком тоже нет. Так что мы оба будем в выигрыше. Поняла?

Я отшатнулась и невольно сжала кулаки. Да уж. Не то чтобы спас. Просто показал, что дурман Алика – это были еще цветочки...

– И второе. Напиши своим подругам и родителям – с кем ты там близко общаешься, – чтобы не искали тебя. Придумай что-нибудь. Иначе, если они начнут создавать информационный шум...

Он не договорил. Просто ухмыльнулся и вышел из комнаты. Но я все поняла. Все прекрасно поняла.

Медленно зашла в ванную, разделась, забралась под душ, включила воду погорячей, прислонилась лбом к стене и разревелась.

Горько, отчаянно, как в детстве, когда хочешь чего-то, не получается и никак не можешь поверить, что мир не вращается вокруг тебя. Только вот детские игры, все эти тайны, ощущение нереальности происходящего... все это закончилось.

Пошла игра всерьез.

И я была к этому совсем не готова. Точнее... не хотела быть готовой.

10.3

Говорят, что утро вечера мудренее.

Только не в том случае, если всю ночь ты пролежала без сна, слушая, как за окном скребутся по стене дома ветви деревьев, и глядя на дрожащие тени на потолке.

Под утро мне удалось задремать, но я то и дело вздрагивала и выныривала из дремы. Стоило закрыть глаза, как мне начинала сниться вчерашняя драка. Гигантский волк и огромный змей сплетались и расплетались, заливая кровью весь мир вокруг, в лицо мне плескало горячим и красным, я пыталась отвернуться, закрыть лицо ладонями, но ничего не получалось. Не смотреть на драку демонов было невозможно. Вынести это зрелище – тоже.

Я встала в половине седьмого, умылась и подошла к двери. Интересно, заперта она или нет? Ручка свободно повернулась, и я очутилась в коридоре. Пошла наугад, нашла красивую витую лестницу из белого камня и темного дерева, спустилась на первый этаж. Там, в гостиной, на круглом столике уже лежали салфетки и столовые приборы.

– Будете завтракать? – откуда-то сбоку вынырнула горничная. Настоящая горничная из фильмов про аристократов, в темно-синем форменном платье с передничком. И с пустыми глазами.

Я вздохнула. Есть мне не очень хотелось. Но вот без кофе я сегодня просто умру. Ну или если не умру, то к середине дня превращусь в унылую, сонную, ничего не соображающую муху. А в случае со Стасом надо держать ухо остро, это я уже точно поняла. Меньше всего мне хотелось вести с ним какой-нибудь «деловой разговор» или в принципе общаться, не анализируя происходящее и не

запоминая малейшие детали беседы. Вдруг он скажет то, что потом пригодится и поможет мне против него?

– Есть не очень хочу... – Я подошла к столу. – Но если можно – кофе.

– Эспрессо? Капучино?

– Эспрессо. А потом двойной американо со сливками.

– Сейчас все будет.

Горничная исчезла, и где-то недалеко зашумела кофемашина.

Через минуту передо мной дымилась крошечная чашка с крепким чернильно-черным кофе. Рядом с ней горничная поставила мисочку с крупными кристаллами коричневого сахара, нарезанный рассыпчатый кекс с цукатами, корзиночку песочного печенья и блюдо с горячими блинчиками. И масло! И сметану!

Минуту назад мне казалось, что есть совсем не хочется, а сейчас желудок при виде всего этого великолепия возликовал и требовал срочно попробовать все-все-все. Тем более что передо мной еще появились ваза с персиками и сырная тарелка.

– Будете свежесжатый сок? Или минеральную воду? С газом, без газа?

Наверное, такое бывает на завтраке в пятизвездочных отелях. В которых я никогда не была. Приятно, черт побери. Или в моем случае правильнее говорить «демон побери»?

– Можно сок?

– Конечно. Апельсиновый, яблочный, гранатовый?

– Апельсиновый.

Я схватила с тарелки маленький кусочек кекса, сунула его в рот и замерла от удовольствия. Душистое сладкое тесто просто таяло на языке. Кофе оказался крепким и бодрящим, а сыр бри – удивительно нежным.

Тут передо мной поставили стакан с апельсиновым соком. Он был таким ярким, оранжевым, кисленьким, будто радостный кусочек солнца. Я невольно улыбнулась. Наверное, первый раз с тех пор, как услышала угрозы Стаса. Теперь они чуть отодвинулись на второй план, словно съезжились, потускнели, виделись уже не такими пугающе-безысходными, как накануне. А самыми важными, здесь и сейчас, со мной, стала сочная апельсиновая мякоть, пышные блинчики и крошечные солнечные блики на кристаллах сахара. Мне было вкусно

и спокойно. Хотя бы на минуту. В которую я не желала пускать весь этот мрачный мир с его загадками и демонами.

Позже.

Потом я забрала со стола чашку с американо и кувшинчик со сливками, отнесла их в другой угол комнаты и устроилась в огромном мягком кресле с отполированными деревянными подлокотниками. Очень удобными, чтобы ставить на них чашку или класть телефон. Вздохнула и позвонила сначала родителям, потом Женечке. Отделалась какой-то простенькой ложью про отдых на природе и «в ближайшее время в городе не ждите».

Единственным человеком, кому я действительно хотела позвонить, пожаловаться и спросить совета, или даже просто помолчать в трубку, была бабушка. Но я не имела права с ней связываться. Ну уж нет. Доступ к самому дорогому мне человеку демон не получит. Пусть он даже не узнает, что я к ней чувствую. Даже если читает мысли... Что ж, сейчас я немного попечалюсь, а потом запрещу себе о бабушке думать. В конце концов, это несложно. В ближайшем доступе была масса «крючков» для размышлений. Начиная от загадок колоды, заканчивая личностью Стаса.

– Доброе утро.

Стас подошел неслышно, но за несколько секунд до его приближения мне в затылок повеяло холодом. Будто зимой кто-то без предупреждения распахнул форточку и по квартире разгулялся сквозняк.

– Доброе... – Я вежливо склонила голову. Что-то подсказывало мне, что Стас снова с «серьезным разговором».

10.4

Демон придвинул к моему креслу стул, уселся напротив, положил ногу на ногу и окинул меня оценивающим взглядом. Пожевал губами, сморщился, как будто увиденное его не слишком устроило. Словно он покупал на рынке черешню, и вместо душистых темно-бордовых ягод ушлый продавец пытался впарить ему пластиковую подделку. Наверное, первый раз в жизни меня столь откровенно разглядывали не как человека, а как вещь.

– Угу, – пробормотал он себе под нос и слегка кивнул.

– Что? – я все-таки не выдержала и спросила. Уж слишком неуютно было под этим ледяным взглядом.

– Прикидываю размеры и лекала.

– Размеры и лекала чего?

– Одежды, – улыбнулся Стас. Получилось не слишком искренне, как будто манекену насильно растянули уголки губ. – Сегодня тебе привезут нормальную одежду, эта никуда не годится.

Я растерянно одернула футболку и посмотрела на джинсы. Ну да, не самая официальная модель, пара потертостей на коленях, но...

– Через несколько дней, когда я разберусь, как у вас сейчас все это работает... мы будем выходить в свет. Вместе. Джинсы для этого точно не пригодятся, даже не думай.

– А...

– Я закажу нормальные платья и костюмы. Подходящие тебе по стоимости и статусу.

– И какой же у меня статус?

– Моя подруга или жена, – произнося это, Стас совсем не изменился в лице. Ни единой эмоции по моему поводу, ни тени размышления. – Как тебе больше нравится.

– Если тебе все равно... То зачем я вообще тебе сдалась? Давай я поеду домой, а ты будешь заниматься своими делами... в чем ты там пытаешься разобраться?..

– Нет, – холодно отрезал демон. – Ты должна постоянно быть рядом со мной. На расстоянии тебя контролировать неудобно и требует больше усилий, чем здесь. К тому же, если ты не забыла, там, за забором, поджидает серенький волчок. Чуть зазеваешься, укусит за бочок. Или ты уже успела по нему соскучиться?

– Нет! – это слово вырвалось у меня раньше, чем я успела до конца осознать вопрос Стаса. Слишком хорошо я помнила, как Алик назвал меня тварью. Слишком острыми были зубы, которые клацнули у моего лица. Нет-нет-нет. Никакого волчка и бочка.

– Вот и мне не хотелось-с-с-с-с бы, чтобы он тебя покус-с-с-сал, – эту фразу Стас не проговорил, а натурально прошипел. Надо же. Значит, все-таки существуют вещи, которые могут его вывести из себя и заставить злиться. – Но давай закроем эту тему.

– Хорошо, – пробормотала я. Мне одновременно было страшно думать об Алике и немного радостно: приятно осознавать, что даже у невозмутимого змея могут быть слабости. Или хотя бы просто эмоции.

– Одежду и обувь привезут. Косметолог и парикмахер тоже будут сегодня вечером. Вон в том крыле на первом этаже есть фитнес-зал. Каждый день туда можно не ходить, но минимум три раза в неделю уж будь добра. Это я тоже проконтролирую.

– А...

– Если просто фитнес наскучит, то чуть дальше в лесу на участке есть теннисный корт. Если тебе понадобится тренер, сообщи мне, я подберу. И обеспечу тебе охрану по дороге туда-обратно.

– Я правильно понимаю... – Тут я на секунду замолчала, подбирая слова по деликатнее, а потом разозлилась. В конце концов, всем понятно, кто тут я, а кто тут демон, и фаза взаимных реверансов как-то у нас не задалась изначально. – Правильно понимаю, что сейчас ты пытаешься сделать из меня кого-то, кем я не являюсь? А мои желания, они...

– Часть из них я готов выполнять. Напиши список, что тебе надо. Еда, развлечения, драгоценности. Часть из них не имеет никакого значения, потому что ты должна мне соответствовать. По тебе должно быть сразу видно, что ты девушка серьезного человека.

– Прямо очень серьезного?

– Серьезнее не бывает. – Он сложил пальцы домиком перед собой. – Молчи и слушайся, и я приведу тебя на самую вершину.

10.5

– А что, если мне на вершину не надо?

– Значит, ты будешь там чувствовать себя не слишком уютно. Сначала. Потом втянешься.

Стас улыбнулся, встал и ушел. А я осталась сидеть в кресле с остывшим кофе и переваривать услышанное.

Ладно. Приятно осознавать хотя бы, что у меня есть относительная свобода. Телефон не отобрали, связи с миром не лишили, в туалет под конвоем не водят. Уже плюс. Я поерзала в кресле, потом пошла в соседнюю комнату – там нашлась мини-

кухня, – вылила кофейную бурду в раковину, взяла из вазочки печенье и отправилась бродить по дому.

Навстречу мне почти никто не попадался. Пару раз пустоглазые слуги – марионетки Стаса – и все. Я выглянула во двор. Прошла по дорожке между клумбами, огляделась по сторонам. Впереди, рядом с воротами, виднелся еще один домик, поменьше. Возможно, все охранники были там... Но идти туда не хотелось.

Цветы на клумбах были ровненькие, одного цвета, зелень на кустах подстрижена как по линейке. На дорожках ни одного сухого листика или стебелька. Чисто, скучно, геометрически безупречно. Интересно, в лесу за домом так же?..

Но выяснить это не получилось. Дорогу в лес преграждала калитка, кода от которой я не знала. Поэтому отложила визит к деревьям на попозже. Действительно, скажу Стасу, что хочу сходить на теннисный корт. Хотя ракетку в руках я держала один раз примерно десять лет назад. Но вдруг мне срочно приспичило научиться играть? Так сказать, чтобы соответствовать статусу.

Я усмехнулась. Слова Стаса были холодные, неприятные, липкие... Но каким-то десятым чувством я ощущала, что с ним можно пытаться играть на этом поле. Или это моя самоуверенность неумеренно раздулась после поедания блинчиков... Да черт с ним. Пока. Приду в себя после вчерашнего, потом можно будет уже серьезно о чем-то задумываться.

День прошел на редкость бесцельно. Я вытащила с террасы плетеное кресло и устроила его в углу дворика, рядом с розарием. Розы все были одинакового размера и так ровно подстрижены, что издали казались искусственными, однако исправно пахли и даже осмеливались ронять на безупречно чистую дорожку лепестки.

Я подремала на свежем воздухе, когда недосып окончательно нагнал, делая вид, что читаю газету.

Обедала снова в гостиной.

Кусочки ягнятины, запеченные с овощами и душистыми травами, свежий лаваш и домашний клубничный лимонад... Ммм, просто сплошной вкусовой оргазм. Особенно после недель, проведенных с Аликом. Иногда я вообще забывала поесть, иногда мы ели бургеры в «Маке», иногда перебивались бутербродами. Мне все время было голодно и волнительно, и я даже успела немного привыкнуть к

мерзкому сосущему ощущению слева под ребрами. Здесь же пища была безупречно вкусной и безупречно вовремя: горничная подала обед именно в тот момент, когда я начала раздумывать, где бы добыть еду.

На десерт мне предложили вазочку с медово-оранжевыми абрикосами. Я взяла один – больше в меня просто не поместилось бы! – и пошла дальше исследовать территорию.

К вечеру я насчитала в доме двенадцать камер – почти в каждой комнате, успела засечь у ворот четырех охранников, не нашла ни одной запертой двери и не нашла Стаса. Его автомобиль так и стоял у ворот под навесом. Вряд ли демон, претендующий на высокий и серьезный статус, ушел бы из элитного поселка пешком... Но и в доме его тоже не было. Или я просто не обнаружила пока тайную комнату Синей Бороды.

Потом приехали парикмахер и визажист.

Милые девушка и молодой человек хипстерского вида, в простеньких, на первый взгляд, джинсах и футболках, с огромными чемоданами. Внутри прятался целый парикмахерский арсенал. Фены, расчески, ножницы, плойки, бутылочки, скляночки, кисточки... Сокрушаясь, что не получилось взять с собой еще и кресло, зеркало и систему освещения, они усадили меня в одной из комнат на втором этаже («Тут самый естественный свет!») напротив большого зеркала, защелкнули на шее накидку и начали колдовать.

– У вас очень приятный собственный цвет волос. Подчеркнем его, или вы хотите радикальных перемен?..

– Та-а-а-ак. Ваш цветовой тип – «холодное лето». Сейчас я подберу палитру в тон вашей коже...

– Делаем окрашивание шатуш или просто мелирование?..

– Чуть-чуть поправим форму бровей...

И так далее.

Я чувствовала себя куклой Барби в руках детей, которым наконец купили вожделенный игрушечный набор «Салон красоты». Нет, я и раньше любила ходить в парикмахерскую. Мне нравились запахи лака и краски, приятно было прийти чуть пораньше и ждать мастера, перелистывая какой-нибудь журнал. Со стрижками и прическами, на которые я никогда не решусь, потому что куда их носить? Все эти неровные челки, кислотные цвета, суперпрямые волосы, требующие

ежедневных плясок с плойкой, или, например, фиолетовые дреды? Нет-нет-нет. Мне, пожалуйста, подровнять длину. Спасибо. А визажист профессиональный и вовсе был в моей жизни всего один раз, перед выпускным. Нарисовала мне ровненькие красивые стрелки, которые потекли через два часа, когда мы с подружками начали рыдать друг у друга на плече от полноты чувств и выпитого шампанского.

Теперь же мое мнение вроде как спрашивали, но в итоге делали все равно по-своему. Я с ужасом смотрела, как на пол падают пряди волос, а на палетке с румянами визажист вот уже полчаса пытается замешать ведомый лишь ему одному оттенок. При том, что румяна я не использую. Потом меня попросили закрыть глаза, чтобы «немного освежить ресницы». Я откинулась на спинку кресла, опасалась своего будущего отражения в зеркале и слушала шипение фена и щебет мастеров. Наверное, так себя чувствует обычный человек, попавший в цепкие лапки фей, у которых свои представления о красоте.

– Можно смотреть!

Я открыла глаза и... обалдела.

10.6

В зеркале отражалась какая-то совсем другая Лара. Такой я представляла себя во сне. Или в мечтах формата «выхожу я беспощадно красивая из дома, а тут – ОН!»

Глаза как будто стали больше, нос – уже, а скулы – выше. При этом макияж был почти не заметен. Как будто это моя естественная красота, а не старания мастера. Я нагнулась поближе к зеркалу, пытаюсь рассмотреть оттенок теней... издали они почти совсем были не видны, просто казалось, что глаза сияют.

– Тут ничего сложного, – проговорил визажист. Судя по голосу, ему тоже очень нравился результат работы. – Я оставлю вам декоративную палетку со всеми нужными цветами и набор кремов для ухода. Еще дайте свой номер, пожалуйста, и я пришлю вам в мессенджер схему нанесения макияжа. Два варианта: попроще и посложнее. Когда набьете руку, времени будет уходить совсем немного.

– Спасибо! – Я улыбнулась. И осторожно провела рукой по волосам.

Мне сделали длинное каре. Спереди пряди подлиннее, чуть завиваются у лица, сзади – покороче, и какие-то смешные перья еще торчат на затылке... Если бы это описание услышала моя мама, то обязательно бы вздохнула и спросила: «Что, обкорнали тебя, доченька? А я говорила, не надо ходить к непроверенным мастерам! Вот Любаша из соседнего дома...» Но живую стрижка выглядела удивительно. У меня внезапно обнаружилась длинная красивая шея, и форма лица стала похожа на сердечко, а «невнятный шатенистый цвет», как его именovala пресловутая Любаша, вдруг оказался серебристо-серым, сказочным, каким-то эльфийским. Я пропустила одну прядь между пальцами. Потом поднесла руку к глазам. Думала, что увижу блески от лака, настолько волосы светились и переливались.

– Прическу можно специально не укладывать. – Девушка-парикмахер сама сияла не хуже. – А шампунь и кондиционер я вам оставлю.

– Вы... волшебники настоящие!

Феи-хипстеры хором рассмеялись.

– Нам просто было приятно с вами работать. Вы очень красивая.

Проворно собрали свои баночки и скляночки, попрощались и исчезли. А я осталась одна в комнате. Подошла к окну и смотрела на отражение в стекле. Та призрачная Лара, попавшая в плен и еще не решившая, как будет выбираться, почему-то глупо улыбалась. Несмотря ни на что.

Тут в отражении комнаты что-то изменилось. Приоткрылась дверь, и на пороге возник Стас. Не окликнул меня и не подошел. Просто стоял и смотрел в спину. А еще... У меня захватило дыхание. Он крутил в пальцах что-то маленькое, прямоугольное. Очень похожее на карту. Так мы и стояли. Я делала вид, что не заметила его. Он не тревожил тишину между нами. А потом медленно сунул карту в нагрудный карман, развернулся и ушел. Дверь беззвучно закрылась.

Ага. Значит, он не спрятал карту в тайнике. Значит, он носит ее с собой.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, в комнату заглянула горничная:

– Ужин накрыт. Если хотите, спускайтесь в гостиную, господин ждет вас за столом.

Угу. Господин, значит.

Первая мысль была: «Подождет еще немного», вторая: «Ух, как же я проголодалась!» В итоге победила вторая.

Круглый стол в гостиной раздвинули, и он сразу приобрел внушительный вид. Белая накрахмаленная скатерть и массивные серебристые подсвечники, три вилки и два ножа возле моей тарелки... господи, как ими пользоваться-то, а? Сведения из книги по этикету мигом выветрились из моей памяти, оставив только обрывки фраз вроде «изящная двухзубцовая вилка применяется для употребления устриц».

Стас уже чинно сидел напротив моего места, разгладив на коленях специальную салфетку, и выглядел так, будто я – английская королева, к которой он заявился на прием. Королева в джинсах и футболке. У меня по шее аж мурашки побежали от нелепости момента. Надеюсь, нам тут устриц не собираются подать? Обляпаюсь еще... перед статусным демоном. Уф-ф, как неудобно будет.

Горничная как раз внесла горячее на блюде под блестящей крышкой.

Поставила его на стол, обернулась ко мне:

– Какое вино вам подать?

– Мне... Я попрошу совета у Стаса. Да? – Я вежливо улыбнулась демону и уселась за стол. Положила салфетку на колени, подняла глаза и наткнулась на ледяной взгляд.

– Вот теперь ты настоящая, – сказал Стас. – Раньше было не всем заметно... А теперь всем. И главное – тебе самой.

– В смысле?

– Раньше у тебя красота была спрятана. А теперь ее выманили наружу. Показали миру. Ты настоящий бриллиант, которому почему-то никто раньше не предложил достойной оправы.

Я почувствовала, как уголки губ невольно поднимаются. Даже когда тебе говорит такие комплименты опасный демон... все равно приятно. Никто и никогда не говорил мне этого раньше. Стригись у Любаши, крась волосы дома сама, зачем тебе маникюрный салон, это все баловство для богатеньких девочек. А тут вдруг оказывается, что

не баловство. Да, мама? Интересно, что бы ты сказала, если бы увидела меня сейчас?

– Принесите полусухое, калифорнийское «Пино Нуар». – Стас чуть заметно дернул головой, и горничная буквально выбежала из комнаты.

– Спасибо за совет... и за комплимент.

– Это не комплимент, а констатация факта.

– Хорошо.

Я опустила глаза и рассматривала скатерть до тех пор, пока нам не принесли вино. И все время чувствовала ледяное дуновение у виска. Стас глядел на меня не отрываясь.

10.7

Даже не помню, что подавали за ужином. Мне было очень трудно сосредоточиться на еде, постоянно ощущая внимание демона. Чуждое, холодное, сосредоточенное внимание. Если Влад и Алик до последнего казались людьми и я не чувствовала – или запрещала себе чувствовать – странности, то Стас явно был иным. Не смертным. Казалось, что его душа (интересно, есть ли у демонов душа?) то и дело выбиралась из тела, приближалась ко мне и заглядывала через плечо. А потом заглядывала в мысли. Ощущалось это, будто безумный всемогущий повар обнажил мой мозг и помешивал там что-то ледяной ложкой. Брр.

Расправившись с десертом, Стас допил вино, холодно кивнул мне и встал из-за стола. Подошел к горничной, что-то шепнул ей и вышел из гостиной. В комнате тут же стало теплее. Волнение меня отпустило, и я наконец смогла подумать о содержимом своей тарелки, а не о том, кто сидит за столом напротив.

Оказалось, что я доедаю фруктовый салат. Кусочки сочного манго и дыни, половинки гигантских фиолетовых виноградин и лепестки какой-то неопознанной белой мякоти в красную крапинку. С кисленьким оранжевым сиропом и крохотными мятными листочками на краю тарелки, присыпанными сахарной пудрой. Оказалось, что мне вкусно. До того вкусно, что срочно захотелось облизать тарелку.

Как сказала бы бабушка: «О, вернулся интерес к жизни!»

Я попросила горячего чая с пряностями, чтобы согреться, и где-то полчаса просидела в гостиной, прихлебывая из чашки мелкими глоточками. После почти бесполезно проведенного дня надо было заняться делом. Тем более что теперь я была почти на сто процентов уверена: сейчас Стас за мной не следит.

Если ледяной озноб не ползет по шее, значит, демон занят чем-то другим.

Если демон занят чем-то другим, самое время отправиться в интернет и продолжить поиски информации о картах. А еще я надеялась отыскать Ольгу... Может, у нее были знакомые среди людей, которые зачекинились на том фестивале? Может, она подписана на группы, которые там играли? Может... Конечно, это был поиск иголки в стоге сена. Но я была готова перерыть хоть десяток стогов, если была хоть малейшая надежда на успех.

Руки опустить я всегда успею. Так ведь?..

Через полчаса, когда закончилась вторая чашка чая, мой энтузиазм немного поубавился. Страшно не хватало ноутбука. Я привыкла серфить в поисковых системах с большого экрана, сразу сохраняя полезные документы и ссылки в папку. С телефона это делать было страшно неудобно. Не хватало клавиатуры и мышки. И Мышки тоже не хватало, если уж на то пошло.

Интересно, как она там? И как там Женечка? Придет ли ей в голову искать меня, если что? Или она поведет себя как сосед Алика? Мол, куда-то делась Лара... в больнице? Какая жалость. Значит, нужна будет новая соседка...

Я закусила губу, чтобы не расплакаться на пустом месте.

Так, Лара. Возьми себя в руки. Еще ничего необратимого не произошло. Ты в своем уме, колоду у тебя не отобрали. Волосы немного обкорнали, это да. Но тебе ж понравилось, верно?

Я заставила себя улыбнуться и выбралась из-за стола. Поправила челку, тряхнула головой и направилась к себе в комнату. Чтобы обнаружить там кое-что новенькое.

Я и забыла, что Стас говорил про доставку одежды. И представить себе не могла, что она будет занимать шесть огромных картонных ящиков, которые громоздились до самого потолка и занимали ровно половину спальни.

– Вам помочь разобрать вещи? – Горничная, оказывается, шла за мной следом. – Или вы сами хотите?

– Давайте просто засунем все в шкаф. Не разбирая. Я потом сама... Эти коробки, мне...

– Поняла, – кивнула горничная. – Избавляемся от коробок.

Быстро набрала охрану, вызвала двух пустоглазых на помощь, и за какие-то пятнадцать минут они вытащили из спальни картон, упаковочную пленку и пакеты, а одежда и обувь перекочевала в шкафы. Когда дверь за «куклами» демона закрылась, я даже рассмеялась недоверчиво. Это что, шкафы в Нарнию? Или их изготовил тот же мастер-артефактор, что создал сумочку Гермiony? КАК все могло туда поместиться?

Я ожидала, что привезут пару платьев. Но, видимо, по мнению Стаса, этого было недостаточно для соблюдения должного статуса.

Нет, платья там тоже были. Примерно два десятка. А еще обувь – от балеток до лабутенов и от босоножек до крутых кроссовок. Строгие костюмы с юбками и брюками, мягкие комплекты для путешествий из флиса и фланели, спортивные костюмы, уютные домашние футболки и шорты... Головокружительно красивое кружевное белье и невообразимо милые пушистые носочки. И меховое манто из чернобурки! Господи, зачем мне летом меховое манто?

А в отдельной коробке на тумбочке у кровати я нашла несколько изящных часов, серьги и кольца с камнями разного цвета, два массивных браслета из белого золота и кулон, на вид очень древний, в форме змеи. Почему-то его сразу очень захотелось надеть.

Но я не стала.

Глава 11

Змей и искушитель

11.1

Следующие несколько дней прошли одинаково. Я чувствовала себя как муха, завязшая в меду. Время тянулось медленно-медленно, мир вокруг был приятный и приторно-сладкий: вкусная еда, новая прическа, новая одежда, новое хобби – оказалось, что на теннисном корте очень интересно, и у меня даже получалось правильно держать ракетку! Вот только выбраться из этих липких дней, уехать к себе, вернуть свободу было невозможно.

Со Стасом мы виделись только по вечерам, за ужином. Дежурное приветствие, пожелание приятного аппетита, а через полчаса – доброй ночи. Кажется, демон не собирался сокращать дистанцию. Где он проводил все остальное время, я так и не сумела выяснить. Дом исправно хранил свои секреты. Все вещи вокруг, и люди, и демон были на редкость неразговорчивы. Иногда я чувствовала, что Стас то ли наблюдает за мной, то ли подслушивает мысли. То самое ощущение ледяного дуновения у виска или на шее сзади. Но это бывало нечасто.

Как ни странно, мне наконец удалось выспаться. Я перестала вздрагивать от каждого скрипа и шороха. Перестала думать, что, стоит закрыть глаза, как Стас набросится на меня и начнет душить, сжимая чешуйчатое змеиное тело вокруг груди и шеи. И перестала каждую минуту помнить о том, что где-то там, снаружи, в большом мире бродит голодный волк, которому повинуется музыка. Голодный и очень злой волк.

Но, похоже, ему до меня не добраться.

Никто не мешал мне сидеть в гостиной в самом большом кресле, пить кофе и лениво серфить в интернете. Заметив, что мне по душе это место, то ли Стас, то ли его «куклы» обеспечили максимальный уют. Пристроили на подлокотник беспроводную зарядку для телефона, придвинули поближе скамеечку для ног, положили мягкий шелковистый плед. И поставили вазочку с восточными десертами!

Фисташковая пахлава, тягучий лукум, нуга с орехами... Ммм. Если бы я была писателем, то создавала бы книги именно здесь. А если бы была гусеницей тутового шелкопряда, то прямо тут закуклилась бы! От избытка неги и уюта.

Ольга пока не нашлась. Описания демонов из женского тома Книги мертвых тоже пока мне не попадались – ни в русских, ни в англоязычных источниках. Зато обнаружилось много инфы про Волка Романьи... Я внимательно читала про зверства и непотребства, учиненные Аликом в пятнадцатом веке, и пыталась решить логическую задачу. Интересно, демоны и раньше лично встречались? Или они как-то узнают друг о друге по своим каналам? Знают ли они всех остальных в колоде? Или у каждого лишь обрывки информации? Так сказать, с кем повезло схватиться за все время заточения в картах...

Я потеряла переносицу, зевнула, потянулась за кофе... и вздрогнула. Рядом с креслом, совсем близко, стоял Стас. Видимо, он не смотрел на меня и был занят другими мыслями, когда подходил, потому что я совсем не почувствовала его приближения.

– Сколько тебе нужно времени, чтобы собраться?

– Смотря... собраться куда?

– Официальный прием, замаскированный под неофициальный. Встреча с нужными людьми в загородном доме. Красивое платье, вечерний макияж.

– Думаю, что за час справлюсь.

Стас внезапно улыбнулся.

– Значит, я недооценил твою расторопность. Решил предупредить за три часа, и то думал, что будешь переживать.

Я пожала плечами.

– Может, и буду. Когда осознаю, куда мы едем. Да... я могу допить кофе?

– Конечно. Нужно платье уже лежит на кровати в твоей комнате. Подбери к нему туфли.

Вот как. То есть мне недоступно удовольствие самой выбирать наряды.

– И собери сумку. Косметику, рубашку с джинсами для утреннего барбекю, пижаму. Мы едем с ночевкой.

Ого! То есть мы не только выберемся из этого замка Синей Бороды, но и пробудем в гостях не один вечер! На горизонте забрезжил лучик надежды на свободу. Я со вздохом отодвинула последний кусочек пахлавы и, насвистывая, отправилась вверх по лестнице.

Интересно, какое платье будет у меня на первый официальный выход в высший свет?..

11.2

Определенно, у Стаса было хорошее чувство юмора. Своеобразное и исключительно для тех, кто знал, кем – или чем – демон на самом деле являлся.

Выбранное платье было узким, обтягивающим, серебристым с имитацией чешуи. В нем я выглядела как волшебная змейка из уральских сказов Бажова. Ткань платья, совсем не прозрачная, при этом очень тонкая, мягко струилась и облегла тело, делая фигуру раз в десять привлекательнее, чем на самом деле. Если к нему и надо было что-то подбирать, то не туфли, а Малахитовый зал в царском дворце. Ну или, на худой конец, Янтарная комната подойдет.

Я даже несколько минут буквально не могла отлипнуть от зеркала. Все вертелась и рассматривала отражение. Блестящее платье удивительно подходило к моему новому цвету волос, образ становился еще более сказочным и... каким-то нечеловеческим. И мне это очень нравилось, хотя раньше я ни разу не представляла себя ни эльфийской принцессой, ни королевой фей.

В итоге я решила, что, раз эстетика сказок про малахитовую шкатулку так и просится сюда, нет смысла выдумывать что-то другое. Достала из шкафа темно-зеленые туфли, а из шкатулки – серьги с зелеными камнями и браслеты. Белый металл идеально подходил к серебристой ткани.

Стас вновь подкрался незаметно. Не постучал в дверь и ничем не выдал своего присутствия: ни шелестом шагов, ни ледяным вниманием. Застал меня в ванной в размышлениях о том, стоит ли брать с собой пасту и зубную щетку или там (интересно, где именно там?) будут одноразовые.

Сам демон оделся без намеков на свою нечеловеческую сущность. Темно-серый костюм, скучный галстук и светло-серая рубашка. Даже запонки на рукавах, и те не блестящие, а из какого-то черного тусклого металла.

– Не хочу затенять собой блеск твоей красоты, – ухмыльнулся он, отвечая на незаданный вопрос. Так, он точно сейчас не читает мысли? Или я просто пропустила это холодное ощущение? – Идем.

Охранник, возникший в дверях комнаты будто по щелчку пальцев, подхватил мою сумку и понес ее вниз.

Во дворе ждал очередной джип. С еще более хищной «мордой», чем предыдущий, большой, угловатый, опасный, с шипами на литых дисках и оскаленной радиаторной решеткой. Стас открыл мне дверь:

– Можешь не волноваться. Тут бронированные стекла.

– О чем не волно... – начала было я, но осеклась, поняв, что именно демон имеет в виду, и молча забралась в салон. Значит, Алик до сих пор жив и может замысливать атаку. Значит, Стас держит ухо востро.

Степень этого самого «востро» я осознала, когда мы выехали на шоссе в сопровождении еще пятерки внедорожников с темными окнами. Никогда раньше мне не приходилось ездить под конвоем... Хотя нет. Приходилось.

За границей я была единственный раз. Окончила девятый на одни пятерки, обеспечила себе место у сильной классной руководительницы на следующий год и готовилась к беззаботному лету. Ну как «беззаботному» – еще был список литературы для чтения, и алгебру стоило немного подтянуть... Но разве это сравнится с шестью уроками в день? Думала, поедем на дачу с бабушкой, как обычно. Будем выращивать помидоры в теплице, собирать вишню, печь пирожки с капустой, пить чай вечерами на рассохшейся деревянной террасе, ходить за ягодами, воевать с комарами и запасать душистые травы на зиму. А еще кататься на велике, шептаться с приятельницами и подглядывать за секретными сходками парней – это уже без бабушки.

Но тут отец выложил на стол распечатки билетов и сказал, что мы летим в Египет. Ого! Ого! Учебник по истории за шестой класс сразу всплыл в памяти. Древняя цивилизация, река Нил, сфинксы, пирамиды и скарабеи! Реальность, правда, оказалась не совсем такой. До сфинкса и пирамид мы не добрались. Экскурсия туда на вертолете стоила почти

столько же, сколько сам тур на две недели, а на автобусе надо было трястись двадцать два часа, туда и обратно. Я была готова на такие подвиги, но мама сказала, что не выдержит. Поэтому мы поехали в Луксор смотреть гробницы – всего шестнадцать часов дороги.

Именно тогда я почувствовала, каково это, когда тебя охраняют вооруженные люди. Рано утром, еще до рассвета, несколько туристических автобусов вырулили из Хургады и поползли через пустыню к древним Фивам. А в начале и конце колонны сразу пристроились джипы с местными, которые держали в руках оружие не скрываясь. «Туристы – источник денег, и никому не нужно, чтобы у них были проблемы... если нападут», – объяснила гид. Кто именно нападет, она не уточняла.

Когда мы добрались до места, меня ждало разочарование. Нил оказался ужасно грязный, пахнувший верблюжьим навозом, прямо в него выливали помои, там же купались и жили в хибарках в нескольких метрах от воды местные нищие. Маленькие грязные дети подбегали к автобусу, когда он останавливался и распахивал двери у сувенирных лавочек, и кричали на чистейшем русском языке: «Дай доллар! Дай доллар! Дай доллар!» Потом нас наконец отвезли в Долину Царей... но «дайдоллар», невыносимая жара, вонь и грязь уже навсегда отпечатались у меня в памяти рядом с гробницами и колоннами. И охранниками, которые поглядывали на туристов, лениво помахивая автоматами.

Я вынырнула из прошлого и... Похолодела. Я вспомнила. Вспомнила. В одной из гробниц, разглядывая пиктограммы на стене, я чувствовала то же самое... Ледяное дуновение. Чье-то внимание. Холодный взгляд в затылок. Оглянулась – и не увидела никого. Группа тогда уже ушла вперед с экскурсоводом, а я плелась следом, отставая на пару залов. Что там было написано? Часть списка демонов? Там был... змей? Или кто-то такой же опасный?

Я покосилась на Стаса. Он сидел, сжав губы, и смотрел на дорогу. Иногда оборачивался, оценивая положение остальных машин в колонне. Чуть заметно кивал головой. Контролировал ситуацию.

– Слушай... – спросила я, – а ты когда-нибудь был в Египте?

– Конечно, – ответил демон.

Оставшиеся два часа дороги мы промолчали.

В итоге «загородный дом» оказался отреставрированным помещьем. Мы подъехали к большому белому зданию в виде подковы, с колоннами, галереями и роскошным главным входом с широкими каменными ступенями и ажурными коваными перилами. Вокруг виднелись хозяйственные постройки, а ведущая к дому аллея выглядела как готовая декорация к съемкам барбекю в «Двенадцати дубах». Вот это да-а-а... И тут же я увидела на музейной табличке рядом с крыльцом надпись «Усадьба Середниково», а под ней криво приклеенный лист А4 с объявлением «Для аренды под свадьбу звоните по телефону...». Магия момента тут же исчезла. Старая усадьба, отработывающая как площадка для чужих приемов и свадеб... это как-то неправильно, да?

Хотя, спорю, большинство одноклассниц совсем не поняли бы моих эмоций. Свадьба в дворянском гнезде? Вау, круто, а сколько стоит? К тому же аренда приносит больше денег, а значит, у дома и парка вокруг него больше шансов на реставрацию. Но все равно как-то это... царапает, что ли.

В этот момент у меня заledenела шея, а по спине побежали мурашки.

– Надо же, – тихо проговорил демон, подавая мне руку, чтобы вместе подняться по лестнице. – У тебя такие правильные всегда мысли... как у хорошей девочки. Как же тебя угораздило вляпаться?

– Во что?

Он усмехнулся.

– В меня, например.

Тут перед нами распахнулись высокие двустворчатые двери, и мы оказались в настоящем бальном зале. Под потолком на цепях висели громадные люстры, стилизованные под канделябры, и блестящий паркет, казалось, только и ждал, когда кавалеры начнут приглашать дам на танец. Но вместо девушек в бальных нарядах возле фуршетных столов прохаживались светские львицы в коктейльных платьях. А мужчины... Все они были одеты дорого, максимально неброско, как будто выбрали специальный «незаметный» дресс-код.

Стас кивнул нескольким гостям, подвел меня к столику, вручил бокал с вином и маленькую тарелочку с тарталетками и каким-то

замысловатым бутербродом. Ледяными пальцами заправил прядь волос мне за ухо и тихо проговорил:

– Твое место здесь. Можешь есть и пить что угодно. Вряд ли кто-то будет завязывать с тобой разговор... Но в любом случае, помни, есть отличная тема для бесед – погода. Лишнего не говори.

Я кивнула. Мне и самой было непонятно, какие общие разговоры могут сложиться у меня в людях в этом зале. Они, наверное, на один обед тратят денег больше, чем я в месяц на еду и аренду квартиры. Плавают на яхтах, интересуются гольфом, изредка жертвуют на благотворительность... или нет. Занимаются бизнесом и политикой. Ни то, ни другое никогда меня не занимало.

– И никуда не выходи, чтобы я тебя не искал, если что. – Стас сделал шаг назад, окинул меня оценивающим взглядом. – Ты восхитительно выглядишь. Если Волк сегодня на охоте, он не должен тебя заполучить.

Вот так. Будто ушат холодной воды вылили за шиворот.

То есть Стас будет заниматься своими делами, общаться с нужными людьми, а я откусывать от бутербродов с икрой в одиночестве – в толпе незнакомцев – и бояться, как бы один демон снова не пришел бить морду другому демону. Идеальное времяпровождение.

В итоге Стас напрасно опасался, что я сумею наговорить лишнего. Заговаривали со мной только официанты, и наши диалоги были верхом лаконичности:

– Разрешите, я заберу у вас пустой бокал?

– Да-да, конечно.

Только через пару часов ко мне подошла блондинка с кукольным лицом, сделала комплимент прическе и спросила, у кого я стригусь. Тут я поняла, что не помню имя феи-хипстера, но вроде она писала мне в ватсап схему ухода... Я полезла за телефоном в сумочку, долго не могла его там найти – хотя, казалось бы, сложно потеряться между бумажными платочками, расческой и пудреницей, – потом диктовала номер... Почему-то еще краснела и бледнела, в то время как блондинка сохраняла неизменно ровный тон лица и приклеенную улыбку. Уфф. Когда она отошла, я прямо выдохнула, взяла еще один бокал вина и принялась делать вид, что очень занята поеданием виноградинок. Чтобы никто больше не подходил.

Где-то на заднем плане тихонько наигрывала музыка, закуски на столах появлялись будто сами собой, официанты действовали быстро, ненавязчиво и очень профессионально. Наверное, где-то в кулуарах, в других комнатах серьезные мужчины решали важные дела, но здесь все выглядело как милая красивая сцена в кукольном театре. Все прохаживаются туда-сюда по одним и тем же маршрутам, выдают одни и те же вежливые реплики, носят одинаковые улыбки и поблескивают всеми гранями своего статуса.

Выпитое вино чуть туманило мозг, и меня тянуло на философствования. «Всем после бутылки пива весело, а Лару тянет на поразмышлять!» – сказала бы Женечка. Интересно, как там она?..

За окнами усадьбы уже было темно. Зал потихоньку пустел. Интересно, что я буду делать, если останусь тут одна? Женя сказала бы, что тогда нужно срочно искать пакет и забирать со столов самое вкусное, ведь с утра после вечеринки поесть – самое то! Да, конечно, царевны-змейки так всегда и делали. Приезжали во дворец, блистали красотой и таскали еду со стола. Я хихикнула и с сожалением отставила недопитое вино. На сегодня хватит, Лара. Не та у тебя ситуация, чтобы отключать мозг парами алкоголя.

Через несколько минут ко мне подошел Стас. Такой же серьезный и напряженный, как всегда. По глазам и не поймешь, успешно ли переговорил с нужными людьми. И зачем вообще мы сюда приезжали.

Он мягко взял меня за локоть и повел. Из зала по коридору, потом вверх по витой лестнице, потом по открытой галерее, с которой были видны озеро и плывущая над ним луна. Я чуть покачивалась и пыталась делать вид, что совсем не пила вина. Просто устала. Немного устала. Могу же я, в конце концов, устать от бесконечных разговоров о парикмахерах и о пустом бокале? Во-о-от.

Наконец мы пришли. Он отворил дверь в небольшую комнату, где на тумбочке уже лежала моя сумка с вещами, а бóльшую часть помещения занимала роскошная двуспальная кровать. Демон обошел ее и начал расстегивать запонки.

– Я... мы... будем ночевать вместе?

Стас пожал плечами.

– Ты здесь в качестве моей девушки. Логично, что нам предложили одну комнату на двоих.

– А...

– Так что спать мы будем вместе. Или не спать. Как захочешь.

11.4

– А ты?

– Что именно «ты»? – Стас взглянул на меня с легким удивлением.

– Ты как захочешь?

– О, как мило, – усмехнулся демон, и мне на секунду даже показалось, что между зубами мелькнул раздвоенный язык и послышалось шипение. – Женщина спрашивает меня, чего я хочу. Хотя должно быть наоборот.

– Почему? – Нет, иначе как двумя... или тремя лишними бокалами я никак не могла объяснить свою внезапную разговорчивость. Господи, да что ж я делаю-то? Зачем этот разговор? Взяла вещи в ванную, переделалась в пижаму, заснула на краешке кровати. И никаких проблем.

– Потому что чувства и желания – это женская прерогатива. А у меня их нет.

– Совсем нет?

– У меня есть стремления и планы.

– И совсем никаких эмоций?

– Зачем они мне?

– Ну... не знаю. – Я присела на кровать, перебирая пальцами краешек платья. Ткань была такая гладкая, прохладная, успокаивающая... – Ты совсем холодный, как...

Стас засмеялся. И я четко почувствовала – не потому, что ему вдруг стало смешно. А потому, что такая реакция сейчас была уместна в разговоре. Демонстрировала его отношение к моей глупой фразе.

– Именно. Змеи – хладнокровные твари. Это ты имела в виду?

Я покраснела, быстро встала с кровати, подхватила свои вещи и метнулась в ванную. Там было совсем мало места, не развернешься: несколько веков назад строители усадьбы явно не думали, что в каждой гостевой комнате нужны душ и туалет. Пожалуй, даже в туалете самолета было попросторнее. Согнувшись и прижав к бокам локти, я почистила зубы, кое-как умылась, натянула пижаму и вернулась в комнату.

Стас сидел на стуле у окна и смотрел на луну, перечеркнутую ветвями деревьев.

Я молча юркнула под простыню и попыталась уснуть. Перевернулась с боку на бок раз сто, пересчитала всех овец, которых только сумела представить, и примерно после пятисотой провалилась в полудрему...

А потом меня будто что-то толкнуло. Я моментально проснулась и осторожно приоткрыла глаза. Луна перебралась из одного угла окна в другой, а Стас сидел все в той же позе. Только вот в руке у него была... карта. Он поглаживал ее края указательным пальцем, потом быстро переворачивал, покачивал ею в воздухе... снова проходил по краям.

В комнате было тепло и душно. Наверное, демон витал мыслями где-то совсем далеко. Поэтому я на мгновение разрешила себе подумать о колоде. На вызов очередного демона надежды мало. Даже если это получится сделать – хотя Ольга так и не сказала, возможно ли появление третьего, – Стас сразу его почует. А значит, успеет взять меня под контроль. Прощай, свобода воли. Прощай, Лара. Останется только марионетка, оболочка, тело на веревочках чужих приказов.

А вот если завладеть его собственной картой... Тогда я могу успеть ее порвать. Судя по тому, как исчез Влад, это быстрее и эффективнее. Ведь говоря «если ты на секунду задумаешься», Стас блефовал. Запугивал меня. Всего несколько дней прошло, а я уже научилась различать, когда он читает мысли, а когда нет. Так что есть шанс. Осталось только понять, где демон прячет карту. А потом... отвлечь его.

Нет, это точно были не мои мысли.

Просто слишком долго выветривалось давешнее вино.

С другой стороны, почему бы нет? Если оно делало меня такой смелой, почему бы и...

Я завозилась, сминая простыню, начала ворочаться, делая вид, что просыпаюсь. Все это время следя за Стасом сквозь ресницы. Он быстро сунул карту в нагрудный карман и повернулся ко мне. Скулы обожгло ледяным дуновением. Я тут же старательно представила себе его губы. Подбородок. Пальцы. Запонки... Да, запонки ему чертовски шли. Отличный штрих к портрету.

– Да? – поинтересовался он. Как будто я что-то спрашивала.

– Давай не спать, – прошептала я. И почувствовала, что мне очень, просто ужасно, до жарких щек и дрожащих пальцев, стыдно. Наверное, так себя чувствовала бы Ева, соблазняя змея-искусителя.

– Нет, – покачал головой Стас, медленно снимая пиджак. – Еве совсем не было стыдно. Она была та еще...

И, не договорив, скользнул ко мне.

11.5

Через несколько мгновений я оказалась без пижамы. По коже побежали мурашки, холодное дуновение лизнуло затылок и скользнуло вниз по позвоночнику, соски напряглись, и грудь сладко заныла. Стас подхватил меня, развернул к себе спиной и усадил на колени. Повел кончиками пальцев вверх по шее, обрисовал подбородок, подобрался к уху... А другой ладонью чуть коснулся соска и отправился вниз.

Сначала мне даже стало немного смешно. Он не прижимал меня к себе, не обнимал, не целовал. Просто блуждал пальцами по коже, касался ее то легко-легко, как бабочка крыльями, то нажимал и с силой поглаживал, словно искал внутри меня нужные кнопки... Это походило на настройку инструмента. Будто музыкант осторожно взял виолончель, на которой никогда раньше не играл, и теперь осторожно подтягивает струны, подкручивает колки, обхватывает гриф – пытается привыкнуть и понять, как сыграть лучше.

Он настраивал меня. Чертил на теле пути и коды, о которых я раньше и не подозревала. Находил места, от прикосновения к которым я начинала таять. Разгонял жар в крови, всего лишь проводя ладонью над бедром. В миллиметре над кожей, чтобы я ощущала не тяжесть руки, а лишь движение и холод. О, это сочетание его ледяного внимания и пламени, постепенно зарождающегося у меня внутри!

Я пыталась отвлечься от чувств, отрешиться от того, что происходило с моим телом, удержать внимание на главной задаче. Надо не упустить момент, когда он снимет рубашку, надо до нее незаметно дотянуться, надо достать... Только вот тело меня предавало. Слишком искусным оказался Стас. Тонким, неожиданно чувственным. Он легко разгадывал маленькие загадки и тайны, о которых я и сама пока не знала.

Вел пальцами от подбородка к низу живота, проходил по извилистому пути, выписывал на коже то ли древние письмена, то ли геометрические фигуры. И желание внутри меня отзывалось пугающе сильно, рвалось ему навстречу, изнутри – к его пальцам. Все сильнее пульсировало в животе, заставляло меня вздрагивать и подаваться навстречу искусным рукам, резко выдыхать и мечтать... мечтать уже не о карте, а совсем о другом.

Я попыталась развернуться, чтобы обнять Стаса, но он тихонько засмеялся и удержал меня на месте. Руки, еще секунду назад такие нежные, внезапно оказались твердыми и ледяными, будто меня сковали цепями...

– Не спеши, – проговорил он мне в ухо. – Вся ночь впереди. Я еще только начал.

Нырнул пальцами между моих ног и принялся блуждать рядом с клитором, поглаживать и щипать кожу, кружить вокруг, одновременно оттягивая и приближая момент наивысшего удовольствия. Я охнула и закусила губу, шевельнула бедрами, попыталась прижаться сильнее, еще сильнее! Но рука ускользнула, дразня, и вернулась обратно только тогда, когда я поняла – не получится. Ни сдвинуться, ни вырваться, ни диктовать Стасу, что делать. Рука вернулась и принялась распалать, теревить и гладить, скользить вокруг губ, которые были уже совсем мокрые. Я дышала сквозь зубы, со свистом, старалась отвлечься, потому что это было невозможно.

Невозможно терпеть, балансируя на тончайшей ниточке над пропастью удовольствия. Невозможно приблизить момент разрядки: я уже осознала, что Стас, как режиссер сегодняшней ночи, не готов к быстрому действию. Будет медленно, мучительно-сладострастно и... страшно. Страшно от тех мыслей и образов, которые кружились у меня в голове. Тело не получало разрядки и заставляло думать... обо всем.

Мне хотелось, чтобы Стас взял меня, прямо здесь, прямо сейчас, изо всех сил, трахнул меня глубоко-глубоко, проник целиком, притянул к себе, взял без остатка, сдавил, прижался ледяной чешуей к моей раскаленной коже, проник в рот раздвоенным языком, опоил ядом, обездвигил – и трахнул снова, и снова, и снова, и...

– Я бы с-с-с удовольствием, – прошипел Стас мне на ухо. – Но твое тело не выдержит. Так что, позволь, останусь в человеческом облике.

Развел мои бедра ладонями, запустил внутрь меня кончик пальца, а другой рукой продолжил гладить. На этот раз все жестче и настойчивее, не оттягивая оргазм, а наоборот, разгоняя меня, приближая к удовольствию все быстрее и быстрее. И когда изнутри меня будто хлестнули разворачивающиеся змеиные кольца, перед глазами поплыли цветные искры, а внизу живота стало тяжело и жарко, он вдруг приподнял меня и резко опустил к себе на член.

– О-о-о-ох, – вырвалось у меня. – О-о-ох!

Очень, очень глубоко. Какой же он длинный, какой холодный, какой...

И тут меня без перерыва накрыло второй волной.

Тело будто взорвалось, мысли разметало, в голове осталась лишь звенящая пустота, растеклась под кожей, расцвела узорами под веками, заполнила до кончиков пальцев. Сосущая пустота, выпивающая сердце и душу, мягкая и одновременно хрустяще-кристаллическая, нездешняя. Мне стало невообразимо спокойно и хорошо, словно я вмерзла в этот момент времени, стала снежинкой вечности, и ни впереди, ни позади не осталось ни одной проблемы, лишь спокойное удовольствие. Полное и безусловное удовольствие.

А потом Стас разбил лед, выдернул меня из момента, вернул в действительность. Повернул к себе и поцеловал, прикусывая губу.

– А теперь еще раз так же, – пробормотал он. – Только уже без спешки. Снова. И снова. И снова.

11.6

Заснула я лишь под утро. Обездвиженная негой, уставшая, опустошенная. Словно от моего тела осталась лишь оболочка, словно змей выпил меня всю, без остатка.

И проснулась всего через пару часов, на удивление отдохнувшая. Стас все так же сидел и смотрел в окно, как будто не было этой бесконечной ночи, и не его пальцы играли на мне мелодию желания, и не он проникал... Тут я покраснела и поняла, что моя пижама лежит на тумбочке, а я под простыней абсолютно голая.

– Доброе утро, – не поворачиваясь, проговорил Стас. – Думаю, завтрак уже готовят.

Я выбралась из-под простыни, безуспешно делая вид, что красоваться голой перед змеями-искусителями – привычное дело, и юркнула в ванную, прихватив сумку с одеждой. В джинсах и кофте я почему-то чувствовала себя гораздо более защищенной. И спокойной. А вернувшись в комнату, обнаружила, что Стас тоже переоделся в серые брюки и водолазку, надел очки и даже как будто стал чуть менее холодным. И чуть более уютным.

– Площадки для барбекю в лесу возле озера. – Он подал мне руку, и мы чинно вышли из комнаты.

Мне было одновременно неловко и... приятно. Ведь я не была влюблена в него, как во Влада. У меня не перехватывало дух и сердце не выпрыгивало из груди, когда он был рядом. Меня иррационально не тянуло к нему, как это было с Аликом. Тем не менее секс оказался головокружительно хорош. Оказалось, что я могу наслаждаться им и без сильных чувств. И это требовало... некоторого осмысления.

Мы вышли из усадьбы и пошли вокруг нее по тропинке, выложенной каменными плитами. Трава поблескивала от росы, над головой шумели столетние сосны, где-то вверху распевали птицы на разные голоса. Воздух был прохладный и свежий. И людей вокруг совсем не видно. На секунду мне даже показалось, что мы не просто приехали в загородную усадьбу, а перенеслись на пару веков в прошлое, когда Москва еще не начала отравлять природу вокруг себя.

Мы спускались по широким каменным ступеням к озеру. Там, возле причала, на волнах качивалась лодка. Пахло свежееиспеченным хлебом и горячим мясом. Я сглотнула слюну. Никогда не думала, что перспектива шашлыков на завтрак настолько способна меня вдохновить. Желудок сжался в ожидании, как будто мы с ним голодали трое суток накануне. Ну или просто... просто много энергии ночью потратили.

– Правила те же, что и вчера, – проговорил Стас, не глядя на меня. – Не говори лишнего и улыбайся. Мне нужно будет пообщаться, так что поухаживать за тобой не смогу. Но там хватает прислуги, о тебе позаботятся.

«Прислуги», угу. С таким безразличием он произнес это слово, прошипел, растягивая «с», что меня передернуло. Демон снова показался мне холодным, как и раньше, как будто вернул на место свой

ледяной панцирь. А может, он его и не снимал вовсе. Просто мне показалось.

В беседках для барбекю на столах уже расставили подносы с горячим мясом и овощами на гриле. Чего тут только не было! Шкварчающая жирная свинина, острые куриные крылья в соусе, фаршированные шампиньоны, половинки гигантских болгарских перцев, люля-кебаб, мини-бургеры... А еще ломти горячего хлеба, тоненькие лепешки, зелень, краснобокие помидоры, нежно-зеленые пупырчатые огурчики. Ну и ладно. Пусть демон говорит, с кем хочет, если ему надо, а я пообщаюсь вот с этим потрясающим лавашом!

«Браво! – засмеялся внутренний голос. – Осталось отрастить еще совсем немного цинизма, и будешь, как Женечка!»

Но я отмахнулась от него и принялась набирать на тарелку кусочки курицы, дольки помидоров и жареный сыр с брусничным джемом. Присела на свободную скамеечку, откусила кусок хлеба с мясом и блаженно зажмурилась. Потом открыла глаза и встретила недоуменно-завистливый взгляд девицы из соседней беседки.

Сначала я ничего не поняла, а потом поймала еще один взгляд... и еще... тут мне захотелось рассмеяться. С трудом сдержалась. Подозреваю, что Стас бы точно не одобрил, если бы его спутница начала ржать и показывать пальцем на других девушек. Которые уныло сидели с листиками салата и помидорками черри. Жевали веточки укропа и задумчиво ковыряли вилками половинки крошечных люля-кебабов. В то время как их спутники беседовали друг с другом, балансируя тарелками с горами шашлыков и бастионами лепешек.

И тут я. Проголодавшаяся. Не на диете. Не-е-ет. Рассмеяться было бы слишком жестоко. И в конечном счете глупо.

Я просто подхватила тарелку и пошла на берег озера. Сделала вид, что меня очень интересуют чайки и не до конца рассеявшийся туман. Слушала плеск воды, жевала и наслаждалась жизнью, насколько это было возможно. И вдруг рядом с моим виском будто скользнул ледяной хлыст. Я вздрогнула и даже не успела обернуться, а Стас уже схватил меня за плечо. Выхватил из рук тарелку и буквально швырнул ее ближайшему официанту.

– Что...

– Мы уезжаем, – коротко сказал он и потащил за собой. – Срочно.

– Мои вещи...

– Их уже собирают.

Где-то вдали, за озером, глухо залаяли собаки. Как будто почуяли зверя.

11.7

Стас первым запрыгнул в машину, втощил меня следом и пристегнул, туго затянув ремень. Устроился ровно позади водителя, сдернул с носа очки и негромко уронил:

– Гони.

Черная громадина рванулась вперед, взвизгнув шинами, так резко, что я врезалась затылком в подголовник, поперхнулась и закашлялась. Замерла, прикрыла глаза, пытаюсь восстановить дыхание... Под колесами прошелестел гравий, потом нас тряхнуло – должно быть, на лежачем полицейском, на выезде из усадьбы. Меня вдруг затошнило, закружилась голова, я открыла рот, как рыба, и пила воздух мелкими глоточками. Через несколько минут вроде отпустило. Тогда я открыла глаза, посмотрела вперед и чуть не закричала от ужаса.

Мы уже мчались по шоссе, по чужой полосе. Водитель бросал джип то вправо, то влево, обгоняя попутные машины и уворачиваясь от встречных. Пролетел перекресток на красный свет, едва не встретившись с громадной грязно-серой фурой. Нырнул на обочину и рванул еще быстрее, скрежеща гравием и едва не сшибая боковые зеркала у автомобилей, которые медленно и прилично ехали в своем ряду.

Сзади раздался визг тормозов. Я оглянулась и увидела, что за нами летят еще два джипа сопровождения. В одном из них был распахнут люк на крыше, и из него выглядывал охранник. Он крутил головой по сторонам, а в руке сжимал...

Ружье? Пистолет? В кого он собрался стрелять? Это Алик нас выследил, да? Но зачем так быстро?

– Зачем?.. – Я повернулась к Стасу. Он не ответил, даже не повернул головы. Сидел неподвижно и смотрел в затылок нашему водителю, как будто гипнотизировал его.

Да ведь он... Да ведь он всех их гипнотизирует. И если для управления людьми в спокойной ситуации у демона уходят не все

силы, то сейчас, наверное, он на пределе возможностей. Так?

Я потянула к нему руку и тронула за плечо. Повысила голос.

– Стас? Зачем это? Почему мы так быстро едем?

Ноль реакции. Тот же замерзший взгляд, та же застывшая поза. А ведь это шанс!

Я медленно потянула свой ремень безопасности, ослабляя его хватку, стараясь не глядеть по сторонам. Наклонилась к Стасу. Провела ладонью перед его лицом. Ничего.

Выдохнула сквозь зубы и осторожно, очень осторожно потянулась к карману брюк. Если он переложил карту, когда переоделся, то только сюда... Но в ближайшем ко мне кармане было пусто. Я задумалась на секунду, а потом отстегнула ремень безопасности, чтобы почти лечь к Стасу на колени, запустить пальцы в дальний карман и... подцепить за край карту! Есть! Потянула ее наружу. Пальцы сорвались, но я снова схватила картонный уголок ногтями и таки вытащила ее!

В этот момент джип тряхнуло и повело в сторону, и меня почти скинуло на пол. Я чуть не выпустила карту из рук, вцепилась в колени демона и чудом удержалась на сиденье. Так. Лара, быстрее! Срочно! Ее надо срочно порвать! Я вцепилась в карту второй рукой, и тут меня пронзила мысль. Если Стас исчезнет... сию секунду исчезнет, растает, как дым, что будет со мной? Сумеет ли водитель затормозить? Или потеряет управление – и сам водитель, и машина – и мы врежемся куда-то на полной скорости?

Рука дрогнула. Что делать, черт, что же делать? Наверное, надо спрятать карту себе в карман, и делать вид, что все в порядке, а там посмо...

Видимо, я слишком «громко» думала о карте.

Слишком паниковала.

Стас внезапно нагнулся ко мне, сжал ладони своими ледяными пальцами и решительно забрал карту. Вернул меня на сиденье. Снова пристегнул. Обстоятельно и очень заботливо.

И в этот момент сзади послышался грохот. Один из джипов сопровождения потерял управление, ушел в кювет, перевернулся и сейчас летел, переворачиваясь через крышу, раз, другой...

Потом он взорвался.

Глава 12

Ночная песня

12.1

Взрывная волна нас не задела.

Почти.

Меня швырнуло вперед. Если бы не ремень, то я сломала бы нос и разбила губы о переднее сиденье. А так просто клацнула зубами в опасной близости от кожаной обивки, охнула от резкой боли в груди и животе – наверняка кровоподтеки останутся... Потом меня повело вбок, и я стукнулась виском о стекло, тут даже ремень не спас. Голова взорвалась болью, но к месту ушиба сразу будто приложили лед, и тут же стало легче.

Я повернулась к Стасу. Он смотрел на меня в упор, внимательно и озабоченно. Потом вздрогнул, бросил взгляд на водителя и крикнул:

– Зажми уши! Быстро!

Я начала поднимать ладони и услышала, как музыкальный центр автомобиля, молчавший до этого, зашипел и заскрежетал, будто пытался поймать радиоволну. Стас рванулся вперед, между креслами – куда только потерялось змеиное спокойствие и самообладание, – выхватил из бардачка нож и несколькими ударами просто разворотил приборную панель. Шипение прекратилось на несколько секунд, а потом на месте бывшей магнитолы что-то ритмично защелкало.

Тут водитель на мгновение отвлекся от дороги, чтобы надеть на голову наушники, которые ему протягивал Стас. Огромные наушники с оборванным проводом. Затем демон обернулся ко мне и протянул на ладони какие-то маленькие штуки... беруши! Снова захотелось спросить, зачем это, но я решила не рисковать. Просто быстро взяла их и засунула в уши.

Звуки окружающего мира полностью пропали. Визжание шин, гудки машин, дорожный шум, надрывное тарахтение двигателя... все это исчезло. Я медленно обернулась назад. Еще один джип все еще ехал за нами следом, не отставая. То есть они... то есть мы... даже не

остановились, чтобы проверить, выжил ли кто-то после взрыва... Я затрясла головой. Без звука происходящее все больше напоминало сюрреалистическое, невозможное, нелепое немое кино. Казалось, что я не в центре событий, а где-то в зрительном зале. Слежу за событиями, чему-то удивляюсь, чему-то ужасаюсь... только вот попкорна не хватало.

Должно быть, психика пыталась меня так защитить от переживаний. Отгораживала от того, что творилось вокруг, выталкивала за скобки, пыталась внушить, что это не со мной. Все это не со мной, нет-нет-нет.

«С тобой, с тобой, – с загробной интонацией пропел внутренний голос. – Так что не вздумай отключиться. Держи ушки на макушке, Лара».

Как будто почуял, зараза, что меня повело, и я действительно на миг подумала, что потерять сознание будет самым простым выходом из ситуации. В конце концов, что я могу сейчас изменить? Могу на что-то повлиять? Нет. А демон обо мне позаботится в любом случае. Или не позаботится...

Я подтянула ноги к себе, обхватила их и уткнулась лицом в джинсовые колени. Успешно сделала вид, что мне страшно. Потому что мне и в самом деле было страшно. Кошмарно. Невыносимо. Но этот нереальный фильм все длился и длился без конца...

А потом мы подкатили к дому. Затормозили перед воротами. Стас с трудом выбрался из машины, с усилием открыв покореженную дверь. Я даже не поняла, что с ней случилось – мы куда-то врезались? Кто-то угодил в нас? Почему я не заметила?.. Прихрамывая, демон обошел джип и галантно распахнул дверь с моей стороны.

Я выбралась наружу, потянулась к уху, но Стас ухватил меня за запястье и покачал головой. Нет, мол, не снимай. И потащил в сторону дома.

На крыльце нас встретила горничная, тоже с оранжевыми кругляшками в ушах. Поклонилась и повела на второй этаж, а потом щелкнула каким-то пультом, и из люка в потолке в коридор спустилась узкая металлическая лестница. Стас указал вверх: забирайся.

Так вот она, комната Синей Бороды! Вот почему я не могла найти ее. Там, сверху, был не чердак, как казалось со стороны, а полноценный третий этаж. Его весь занимала библиотека с огромной

телевизионной панелью на стене, мягкими креслами, узкой тахтой у стены, стеклянным журнальным столиком и мягким восточным ковром посередине комнаты. Мне сразу захотелось встать на него босыми ногами. Я сделала шаг, другой... и почему-то замерла. Я не хотела останавливаться. Но тело внезапно перестало меня слушаться.

Оно повернуло в другую сторону, прошагало к стене и опустило меня на тахту. Руки чинно легли на колени. Подбородок поднялся, как будто за него потянули.

Стас подошел ко мне и криво улыбнулся, глядя сверху вниз.

Вытащил из кармана свою карту и показательно помахал ею в воздухе.

А потом взял со столика ручку и быстро написал что-то на листе бумаги.

Поднес его к моему лицу.

«А ведь я предупреждал!»

12.2

Время всегда тянется невыносимо медленно, когда чего-то ждешь и не можешь ни на что повлиять.

Если при этом ты ничего не слышишь, то полная тишина и длинные минуты играют на одной стороне.

А уж если ты не можешь и пальцем пошевелить, то вынужденная неподвижность и вовсе превращает ожидание в пытку.

Я сидела на тахте и смотрела на Стаса, который устроился с ноутбуком за журнальным столиком. Экран я не видела, на лице у демона не отражалось никаких эмоций, только пальцы бегали по клавиатуре. Чем он был занят? Раздавал указания охране? Гуглил идеальную звукоизоляцию? Производил какие-то расчеты? Извинялся перед «важными людьми», что пришлось так быстро уехать из усадьбы? Можно гадать бесконечно. Меня-то он точно не собирался ставить в известность по поводу своих планов.

Хотя... В какой-то момент Стас поднял на меня глаза. Затылок заломило от холода, я поднялась и медленно подошла к нему. Присела рядом со столиком. Не глядя, положила на него руку, нащупала колоду

и пододвинула ее к демону. Стас усмехнулся и положил сверху свою карту.

Взял еще один листочек и ручку.

«Тобой я займусь завтра. Разберусь за ночь с проблемой, а утром расскажу, как ты отныне будешь жить. Так что пока расслабься».

Легко сказать «расслабься»! Внутри у меня все кипело. Хотелось спорить, биться в истерике, рыдать, пытаться сбежать, делать хоть что-то, заставить тело снова послушаться меня хоть немножечко, хоть ненадолго... Но Стас не ослаблял хватку. Удостоверившись, что я прочитала написанное, он заставил меня покорно кивнуть, встать и вернуться на прежнее место.

Но теперь стало еще хуже. Тело улеглось на тахту, и голова повернулась вбок, взглядом в стену. Если раньше я могла хотя бы следить за демоном, то теперь и это у меня отняли. Потом веки сами собой опустились, и я осталась в тишине, в темноте, в панцире оцепенения. Я даже провалиться в забытие не могла. Оказалось, что очень сложно отключиться, не имея возможности ни переменить позу, ни почесать нос, ни поправить волосы, которые щекотали щеку.

Я пыталась вспомнить какой-нибудь метод медитации, но ни один из них не работал на паникующем сознании, когда мысли мечутся по кругу и от них невозможно отрешиться. Пыталась подумать о чем-то конструктивном, но мне было слишком страшно и безысходно. Внутренний голос заходился в истерических воплях.

«Не так! Ты все сделала не так! – надрывался он. – Не просчитала, не подумала наперед, не нашла нужного решения! Теперь получай! Дура, дура, господи, какая же ты дура!»

«Уж какая есть. – Через несколько часов (или минут?) в темной тишине голос меня окончательно утомил. – Заткнись!»

«И что мы будем делать?»

«Петь песни, блин!» – Это был способ из детства. Если тебе страшно, то пой героическую песню про подвиги. Если холодно, то «Чунга-Чангу». Если грустно, то про улыбку. И так далее. Беззвучно. Мысленно.

И я запела. Ту самую песню, которую Алик обещал написать на основе моих стихов, но так и не написал.

*...Если небо расколось
И посыпалось на землю,
Людям головы срубая,
И осколки звездные в лужах
Искрошатся под ногами,
Как ненужные проблемы,
Ведь собирающий осколки
Никогда никому не нужен...*

А потом я не заметила, как все-таки заснула.

Снилась мне странная мелодия. Перестук барабанов, низкие дрожащие басы и вибрации. Они проникали прямо во внутреннее ухо по костям черепа, минуя беруши. Мелодия разливалась не в воздухе, она вползала в тело, потряхивая его и касаясь будто невидимыми пальцами. Костная проводимость... так, по-моему, назывался этот эффект в учебнике.

Сначала мелодия клубилась в темноте. Потом мне приснилось, что я открыла глаза, потянулась и села на кровати. Как будто снова могла владеть своим телом, как будто никакой демон не держал меня. Я даже растерянно потрогала затылок, провела пальцем по виску... Во сне это ощущение ледяного внимания исчезло, растаяло. Осталась только музыка, которая звала и шептала: «Ну же! Вставай! Иди!»

Я поднялась на ноги и пошла босиком по ковру. Во сне он казался холодным и скользким, как будто я шла по дну озера и водоросли щекотали между пальцами и оплетали щиколотки.

Рядом с журнальным столиком сидел Стас и спал, уронив голову на плечо. Руки его лежали на клавиатуре ноутбука. Я заглянула в экран: там транслировалась картинка с камер наблюдения из всех комнат в доме и служебных помещений. Некоторые были пусты. В некоторых были охранники... они тоже спали, уронив головы на скрещенные руки или откинувшись на спинки стульев.

Мелодия ворочалась внутри меня и толкала под руку.

Ну же, смелее!

Я потянулась к столику, взяла с него карты, развернулась и пошла к единственному высокому узкому окну, которое выходило на лес. За стеклом уже была ночь и плыла полная луна, багровая, будто облитая

кровью. Я потянулась к раме... Окно распахнулось беззвучно. Я придвинула стул, взобралась на него и выглянула наружу. Внизу чернели кусты.

В реальности я бы никогда не решилась прыгнуть.

Но ведь это был сон.

Может, мне уже никогда не придется прыгать и бегать. И совершать безумства.

Может, Стас расскажет мне завтра, что его девушка должна ходить только медленно, чинно и на каблуках.

И никаких глупостей.

Я сунула карты в карман, ухватила за подоконник, протиснулась сквозь узкое окно, начала сползать вниз по стене... И разжала пальцы.

12.3

Сон оказался потрясающе реалистичным. Раньше, когда мне снился прыжок с высоты, я либо просыпалась, либо упруго отталкивалась от земли и взмывала обратно, как шарик от пинг-понга. Теперь же я угодила в кусты, поцарапала лицо и руки, подвернула ногу и стукнулась ладонями и коленками, когда не удержала равновесие. Нет, это был точно не супергеройский сон.

Я прикусила губу и чувствовала соленый привкус во рту.

Саднили ладони и щека. Я осторожно потрогала ее. Мокро.

Кое-как вытерла грязные руки о джинсы и попыталась встать.

У меня это даже получилось. Сделала шаг, другой. Больно. Как будто в одну щиколотку вонзился нож и с каждым шагом проворачивался в ране и проникал все глубже.

Брр.

Будь это не сон, я бы точно испугалась боли, просто села на землю, ощупала ногу и позвала на помощь. Или позвонила бы в «Скорую».

Но сейчас меня звала музыка. Она звучала все призывнее, манила в чашу. Прочь, прочь от дома, пока демон спит.

Поэтому я заковыляла в темноту, морщась и кусая губы с каждым шагом. Даже через несколько метров принаоровилась ставить ногу так, чтобы боль была потише.

Вокруг разливалась туманная чернота. Моросил легкий дождь, луны за кронами деревьев было почти не видно. Я брела наугад, каким-то чудом не врезаясь в стволы, обходя кусты и кучи валежника. Музыка подбадривала и тянула вперед. Еще, Лара, еще... Совсем немного осталось.

Тут впереди показалось пятно света.

Я подошла поближе и увидела тусклый фонарь над забором. И здесь же на металлическую сетку с колючей проволокой поверху упало два дерева. Одно с этой стороны забора, другое – с внешней. Сложились буквой «л», сцепившись кронами. Остро и терпко пахло влажной древесиной. Как будто деревья повалились только что, минуту или две назад...

Я подошла поближе и погладила шершавую кору.

Туда, наверх. Мне надо наверх. Мелодия твердила именно об этом.

Сердце стучало все чаще, то и дело сбиваясь с ритма, спешило вслед музыке.

Тук-тук-тук. Чего же ты ждешь?

Нога уже почти не слушалась, но ведь по стволу можно ползти и на четвереньках? Это даже лучше, чем идти по нему. Не так страшно...

Я взобралась на дерево и поползла вверх. Медленно и опасливо, до боли сжимая пальцы, долго собираясь с духом перед сложными участками, трясясь как осиновый лист. Нет, у меня и мысли не было о том, чтобы повернуть назад. Просто хотелось... остаться собой? Остаться целой? Внутренний голос пытался вынырнуть из мутной реки сновидения и что-то мне сказать. Кажется: «Если упадешь, можешь и не проснуться».

Я трянула головой и упорно поползла дальше.

Ага, вот я уже над забором. Теперь самое сложное: перебраться с одной кроны дерева на другую. Тут хватало достаточно толстых веток, чтобы безопасно за них ухватиться, но с одной здоровой ногой было сложно найти точку опоры. В этом сне мне бы не помешала лишняя пара конечностей. Или две пары.

«Не-е-е-ет, – уверенно протянул внутренний голос. – Ты и так красивая. Куда тебе лишняя пара рук, а что, если они будут из жо...»

Вот тут я наконец выдохнула. Поняла, что опасность позади. Точнее, всего в двадцати сантиметрах... Но тем не менее. Колючая

провода больше мне не угрожала. Я перелезла забор. Можно выдохнуть и спускаться. Медленно, как улитка, я поползла по стволу вниз.

Нащупала под ногами землю.

Обернулась.

И увидела, как в туманный круг света входит гигантский волк с одним глазом.

12.4

Я протянула руку и потрогала волка за нос. Тот был сухой и горячий. А я уже успела продрогнуть и промокнуть насквозь. Тем более музыка шептала, что это друг, что он пришел за мной, согреть и спасти.

Поэтому я шагнула ближе, запустила пальцы в шерсть, обняла волка за шею и прижалась к нему щекой. Мне тут же стало тепло. Запахло костром и горячим металлом, как будто совсем рядом кто-то ковал железо или плавил свинец. Кажется, это уже было в одном из прошлых снов. Кто-то горячо и крепко обнимал меня, и...

Но музыка не дала мне забыться, пригревшись. Она снова теребила, толкала под руку, требовала что-то сделать.

Что?

– Не понимаю, – прошептала я.

Кончики пальцев покалывало, по ладоням пробежали маленькие молнии. Бедро словно обожгло огнем. Карты! Я сунула руку в карман и вытащила оттуда ледяную картонку. Она была покрыта инеем, казалась просто ломким осколком льда.

Тем временем дождь усилился. С неба падали прозрачные льдинки и звездочки, ныряли в лужи, разбивались у нас под ногами.

«Порви ее, – прозвучало в голове. – Чтобы окончательно сбежать, надо порвать карту».

Я нехотя выпустила шею волка и взялась за карту обеими руками. Пальцы вмиг заледенели, перестали гнуться, стали непослушными, будто чужими. И запястья заныли, их повело в разные стороны, как будто кто-то держал меня за руки, не давал порвать маленький кусочек

картона, не хотел этого. В спину ударил порыв холодного ветра. Лужи вмиг покрылись тонкой корочкой льда.

– Не могу, – прошептала я.

Волк фыркнул и клацнул зубами. Тяжело и часто задышал.

Музыкальный ритм в голове забился, заметался. Виски заломило, я на мгновение перестала понимать, где нахожусь. Я сплю? Или это наяву? Мне холодно? Или жарко? Это мои мысли? Или чужие? Мне надо бежать прочь?.. Или нет, мне же надо вернуться, срочно вернуться...

Волк лег передо мной и мотнул головой.

«Забирайся. Я отвезу тебя домой».

Домой!

Даже если это был просто сон...

Я сунула карту обратно в карман и полезла на волчью спину. Под мягкой шерстью бугрились и перекачивались мышцы.

«Держись крепче».

Я приникла к шее зверя всем телом и обхватила его. Прижалась щекой. Снова запахло костром, перед глазами будто затанцевали лепестки пламени. А волк медленно и осторожно поднялся на ноги, бросил взгляд за забор, а потом развернулся и огромными прыжками помчался прочь, через лес.

Я задохнулась от скорости. Ветви деревьев хлестали меня по спине, голова кружилась, но сквозь ладони и щеку внутрь тела заползало тепло. И музыка. Теперь она была совсем рядом. Стучала в такт с нашими сердцами.

Тук-тук-тук.

Сказочный серый волк уносил меня в ночь. От скорости перехватывало дыхание. Наперегонки с нами по небу бежали луна и облака, звезды подмигивали, гасли и сыпались вниз алмазными росчерками по черному бархату. Под ногами у волка звенели осколки льда, в лицо мне били капли дождя.

Тук-тук-тук.

Впереди блеснули фонари, и тут же послышался шум мотора.

Тук-тук-тук.

Волк вылетел из леса и одним гигантским прыжком перемахнул через шоссе. И тут же раздался выстрел. Волк метнулся в сторону и снова прыгнул в спасительную темноту – под защиту деревьев, но я

успела оглянуться и увидеть огромный черный джип, который юзом шел по мокрому асфальту. Стреляли оттуда.

«Не бойся».

В ответ я закинула голову и засмеялась. Страху не было. В этом сне совсем не было страха. Были ночь, и холод, и огонь, были страшная сказка, и погоня, и азарт... Но ужаса не были. Я даже на секунду пожалела, что когда-нибудь сон закончится. Мне бы понравилось жить вот так, ничего не боясь.

Волк будто почувствовал мое настроение, рыкнул и помчался еще быстрее.

12.5

Чуть позже мы пересекли еще одну дорогу. В этот раз джип только мелькнул где-то сбоку, на границе зрения, но выстрелить в нас не успели.

Волчи бока ходили ходуном, дыхание все больше походило на хрип. Он бежал на пределе сил, а я... А я просто обнимала его, молчала и подставляла лицо ночному ветру. Казалось, что эта гонка будет длиться вечно.

Потом волк выскочил на МКАД. Восемь полос, слишком много света, всего два прыжка, снова тень черного джипа – и как только он сумел нас догнать? Как водитель сумел понять, где мы? Должно быть, в снах машинам не нужны дороги... Должно быть, здесь они тоже умеют петлять по лесным тропинкам...

Теперь волк бежал по аллее парка. Над головой почти пропали звезды, их совсем было не разглядеть за городским сиренево-оранжевым заревом. Тьма отступала, сон постепенно становился разноцветным. Туманная взвесь превращала фонари в гигантских неподвижных светлячков.

Кажется, я закрыла глаза всего на секунду, а когда открыла их, мы уже неслись по дворам мимо девятиэтажек, гаражей и трансформаторных будок, мимо заборов и школ... Зверь выбирал самые узкие проходы, самые глухие подворотни, подальше от освещенных улиц с гладким асфальтом. Подальше от тех мест, где легко проехать на автомобиле.

Теперь мы были уже совсем близко к моему дому.

Несколько ударов сердца, и волк подлетел прямо к подъезду.

Я машинально потянулась к карману, хотя ключи остались где-то совсем далеко, в реальности. В том доме, где я сейчас спала. Но волка это не волновало. Он прилег на мгновение...

«Спускайся! Живо!»

И как только я слезла со спины, подскочил и всем телом врезался в дверь. Снес ее с петель, как будто она была не из металла, а из соломы, как в сказке про трех поросят.

– Надо было просто подуть... – пробормотала я.

«Что?»

– Это мой внутренний голос, – смутилась я и осторожно шагнула через развороченный порог. – Он так шутит.

Волк молча покачал головой, закинул меня к себе на спину и рванул вверх по лестнице. Ох. Десяток пролетов, одно на двоих дыхание, вдох-выдох, и мы уже напротив двери в квартиру.

Во сне вокруг нее светились желто-зеленым светом какие-то знаки. Они оплетали всю притолоку и будто стекали вниз по косякам. Волк оскалился и зарычал.

«Коснись двери ладонью».

– Зачем?

«Скажи, что я вместе с тобой. Чтобы я смог пройти».

Я пожала плечами, но раз уж такие во сне правила...

– Он со мной.

Знаки мигнули, потускнели, и в то же мгновение волк высадил дверь.

В спину нам ударил ледяной вихрь.

«Быстрее!»

Зверь мягко ухватил меня зубами за плечо и, протащив по коридору, буквально зашвырнул в мою комнату.

«Где слова твоей песни?»

– Что?

«Это твоя песня. Твой сон. Чтобы получилось порвать карту, надо дописать...»

Из коридора слышалось шипение. И шелест.

«Давай! Ты только так можешь победить его!»

Тут волк оскалился, глядя на дверь. Подтолкнул меня лапой к столу. Музыка хлестнула аккордом прямо по обнаженным нервам. Давай, Лара! Что ты стоишь?

И одновременно кто-то прошептал мне: «С-с-с-стой!»

12.6

Где слова моей песни?..

Я сделала шаг к столу. Еще один. Остановилась, тяжело дыша. Кто-то будто схватил меня сзади за шею ледяной рукой и пытался удержать.

И тут я внезапно поняла.

Песня.

Это ее я напевала перед тем, как заснуть. А потом она пришла ко мне во сне. Ведь все это я видела раньше. Представляла себе. Придумывала. И осколки неба, хрустящие в лужах. И падающие звезды. И мелодия... Это музыка, которую Алик все-таки написал к моим стихам, вела меня и подталкивала. А значит...

Значит, я сейчас всемогуща. Что мне какой-то демон, который хочет меня остановить. Не получится!

Я мотнула головой и ринулась к столу. Упала на колени и выдвинула самый нижний ящик, где лежали мои старые дневники, письма, открытки... И старый блокнот со стихами.

Тут сзади раздался грохот. Я оглянулась и увидела, как гигантский змей хлещет волка хвостом. А тот отлетает к стене, бьется об нее, падает... и встает. Встает один раз, другой... Из пасти волка падали хлопья кровавой пены, лапы его дрожали. Змей явно был сильнее.

Я выхватила блокнот, пролистнула его до последней страницы, ухватилась за карандаш, привязанный тонкой сиреневой ленточкой к переплетным кольцам, и написала три слова: «Музыка убьет змея!»

А потом встала, развернулась, вытащила из кармана ледяную карту. И порвала ее, глядя прямо в немигающие стальные змеиные глаза. Которые были уже совсем близко, один бросок, и...

Змей исчез с тихим хлопком.

Тут же раздался стон.

Возле стены, прислонившись к ней спиной, сидел Алик. У него не было одного глаза – длинный серый шрам начинался на лбу, рассекал веко и щеку и уходил вниз, по шее на грудь. Футболка на плечах была разодрана. Из свежих царапин сочилась кровь, лицо – один сплошной кровоподтек. Костяшки пальцев разбиты и острый осколок льда в боку.

Я шагнула к нему и сама вскрикнула. Нога! Я же подвернула ногу... Щиколотка снова напомнила о себе. И от этой резкой вспышки боли меня повело, как будто кто-то резко крутанул колесико калейдоскопа и реальность вмиг разобралась и собралась заново.

Вернулся страх.

Мне стало холодно.

Все тело заныло. Руки дрожали, и ужасно тряслись пальцы. В горле саднило.

Я стояла посреди собственной комнаты. Разгромленной комнаты. Среди ночи.

И это был точно не сон.

Исчез флер нереальности. Все вокруг стало настолько материальным и точным в мелочах, что это просто не могло быть сновидением. Как будто в фотоаппарате подкрутили резкость. Как будто с меня сдернули мутные очки. Песня закончилась, прозвучали последние слова и аккорды, и наваждение спало.

Получается...

Это на самом деле.

Я сама привела демона к себе домой.

Пусть слабого, израненного, пусть он спас меня от Стаса, но...

Я быстро сунула руку в карман, нащупала колоду.

– У нас с тобой, – с трудом проговорил Алик, – осталось одно дело. Эта тварь нас прервала тогда как раз на самом интересном месте.

– Нет!

– Да! – Он подобрал под себя ноги и начал вставать, держась за стену. – Разве тебе не понравилось творить страшные сказки? Твои слова, моя музыка...

– Нет! – Я отшатнулась и уперлась в край стола.

Дежавю. Только сейчас я испугалась не столько Алика, сколько себя. На секунду возникшей мысли. Может, и вправду согласиться? Что мне стоит сказать «да»? В обмен на возможность преобразовать

мир. Творить настоящую магию. Только какова будет ее цена? Ведь этот демон просто уничтожит мою волю и мое тело!

– Тогда... Ты же ударил меня...

– Да, ты плохо себя вела. – Алик усмехнулся. Он все-таки сумел подняться и теперь стоял, покачиваясь. Избитый, усталый, но по-прежнему смертельно опасный. – Но взамен я предлагаю гораздо больше.

Нет.

Я молча замотала головой.

Алик вздохнул.

– Раз не хочешь по-хорошему...

И тихонько засвистел. И снова мелодия пробралась мне в ухо, миг одурманила, стала нашептывать новую ночную сказку...

– Мяу!

В воздухе мелькнула серая молния, и Алик вскрикнул.

Меня тут же отпустил дурман.

Мышка! Это же Мышка!

Она тихонько пробралась в комнату, а теперь прыгнула на демона и вцепилась когтями ему в лицо. Конечно, Алик был сильнее. Он оторвал кошку от себя, схватил за шкурку и...

– Хочу тебя видеть!

Мышка подарила мне всего секунду. Но этой секунды хватило, чтобы выкрикнуть одну фразу.

– МЯУ!

От этого нового «мяу», казалось, содрогнулся весь дом.

От окна на Алика бросилась черная тень, задев меня длинным огненным хвостом. Я упала, и последним, что соизволило обработать мое затухающее сознание, был торжествующий Мышкин вопль.

«Интересно, – не к месту встрял внутренний голос. – Мы уже всех соседей перебудили?»

Потом я отключилась.

Глава 13

Ян

13.1

Проснулась я в своей кровати. Сладко потянулась, повернула голову и смотрела, как в солнечном луче танцуют пылинки. На карнизе рядом с открытой форточкой позванивала музыка ветра. В комнате пахло апельсиновой цедрой и цветами.

Я сладко зевнула и села. Улыбнулась новому дню и даже тихонько рассмеялась вслух. На мгновение показалось, что на дворе первое июня и все события последних месяцев были просто досадным сном. А потом увидела, что левая щиколотка перетянута эластичным бинтом. Сердце тут же забило быстро и испуганно, пытаюсь выскочить из груди.

Что с Мышкой?

Кто перенес меня на кровать?

Кто... кто тут все убрал?

Я оглянулась по сторонам. Ни малейших следов борьбы. На полу и стенах не осталось пятен крови, ящики стола аккуратно задвинуты, и главное – никаких признаков демонов. Я помотала головой. Приложила ладони к вискам. Так я успела вчера? Или нет? Последние минуты безумной ночи вспоминались плохо, как будто я пыталась разглядеть их сквозь мутную темную воду. Образы и детали ускользали, путались, уплывали...

Так. Без кофе не разберешься.

Я выглянула в коридор.

Дверь в кухню была открыта, и оттуда слышались голоса.

Странно. Женечка, конечно, иногда приводила гостей... Но обычно с пивом и чипсами ближе к ночи в свою комнату, а не утром на кухню!

Но в любом случае, в футболке и трусах теперь туда не заявишься. Так что я вернулась в комнату, натянула домашние шорты с розовыми

единорогами, собрала волосы в хвостик и надела на лицо дежурную улыбку.

И пошла на запах свежесваренного кофе.

– ...Сначала смешиваешь лаймовый сок с клубничным пюре, добавляешь сироп из тростникового сахара, только потом ме-е-е-едленно заливаешь ром. Темный!

– А мне чёт казалось, что светлый...

– Со светлым получится обычный дайкири. А с коричневым сиропом и темным ромом – выдержанный. Он не для лета, скорее для осени. Более теплый, тягучий, мягкий...

– Лара! – Тут Женечка заметила меня и радостно отсалютовала кружкой. – Проснулась! Будешь кофе? Ян сказал, что на всех сварит...

– Уфф, от сердца отлегло, – хмыкнула я. – Судя по разговору, мне показалось, что вы тут коктейлями с утра балуетесь.

– Мы их обсуждаем, – ко мне повернулся незнакомый парень. Плотно сбитый, даже, пожалуй, полный. С длинными черными волосами, забранными в аккуратный хвост, и узкими хитрющими глазами. Эдакий микс Брюса Ли и Кунг-Фу Панды. – Пока не готовим. Привет.

Голос у него был мягкий и удивительно приятный.

– Привет.

И вот тут у меня действительно отлегло от сердца. На коленях у этого самого Яна лежала Мышка и громко урчала, как маленький портативный кошачий трактор. Глаза прищурены, усы и уши топорщатся, квинтэссенция удовольствия во всей позе. Еще бы, когда тебя одновременно чешут за ухом и щекают пузико!

Парень поймал мой взгляд и улыбнулся.

– Возьмешь пока Мышку? Я действительно обещал Жене, что сварю вам кофе. Ты долго спала, поэтому мы уже дважды выпили все сами, но это ж не повод отказываться от обещаний?

– Не повод. – Я опустила на стул, и кошка ловко перебралась ко мне на колени. Принялась топтаться и крутиться на месте, обеспокоенно заглядывая в глаза.

– Она скучала, – сообщила Женечка. – Каждый день рвалась к тебе в комнату проводить инспекцию. Думала, что я тебя прячу. Но ты и вправду могла сказать, когда вернешься.

– Я...

– Что, Алик сильно бесился?

– Что?! – Я вздрогнула. Так, что Мышка чуть не свалилась на пол и возмущенно зафыркала.

– Ты сказала, что уехала за город. Я думала, что с Аликом. А потом мне их барабанщик позвонил. Сказал, что Алик сначала забил на репетиции, а тут концерт через полчаса, его пытались найти, а он всех на хрен послал.

– И при чем тут я?

– Они ж, блин, дипломаты. Когда поняли, что Алик их кинул, брякнули, что теперь Лара в нем разочаруется. А он сказал, что она и так разочаровалась уже... И свалила. Но он это уладит.

– Ага. – Вот тут было важно сохранить безразличие на лице. Или хотя бы сохранить лицо. Уладит, как же. – И?

– И просили повлиять на тебя. Чтобы ты к нему типа вернулась и спасла концерт. Если не этот, хотя бы следующий.

– А ты?

– А я послала их в жопу.

– Спасибо! – вот тут моя благодарность была абсолютно искренней. Если бы я узнала, что Женя «подыгрывала» Алику...

– Вот и я так думаю. Нет, Алик был, конечно, красивее, но Ян такой милаха!

– Что-о-о? Да я его...

Первую часть фразы я успела сказать, а вот «первый раз в жизни вижу» никто уже не услышал. Потому что именно в этот момент Мышка прыгнула и ловко смахнула со стола две тарелки и чашку. Раздался громкий «дзынь» и «шмяк».

Женечка ахнула, а Ян хитро подмигнул мне из-за ее спины и приложил палец к губам. И как ни в чем не бывало объявил:

– Милая, кофе готов!

13.2

Наверное, именно кофе был виноват в том, что я решила не устраивать разборки прямо на кухне. Хотя на лету придумала отличную фразу: «Кто ты и почему выдаешь себя за моего парня?» Тот Женечка удивилась бы. Или нет. Может, у ее шепотных

безбашенных друзей это считается нормальным. Все эти шутки в духе реалити-шоу, когда что ни шаг, то розыгрыш или съемка скрытой камерой.

Но я успела отпить глоток кофе... и решила пока молчать.

Потому что кофе был идеальным.

Ровно таким, как я сварила бы себе сама. И главное, в нем было ровно столько сахара, сколько нужно, ни больше и ни меньше. Знаете это ощущение, когда кто-то спрашивает: «Положить тебе сахар?» И обязательно либо скромно сыплет одну ложечку – и получается едва сладенькая жижа, либо вываливает в чашку половины сахарницы – и кофе превращается в идеальный сироп для ловли мух, ос и прочих летающих сладкоежек. А тут... Я зажмурилась от удовольствия и пила мелкими глоточками. И наслаждалась моментом.

Не в плену у змея.

Не на званом приеме, где мне не место.

Не на кухне у Алика.

А в своей родненькой съемной квартире, солнечным теплым утром, когда не надо никуда бежать и ничего решать... пока.

Тем временем Ян как-то очень быстро и ловко убрал осколки тарелок с пола, шутливо погрозил Мышке пальцем, а потом, когда Женечка отвернулась, соорудил умилительно-благодарное выражение лица и чмокнул кошку в полосатый лоб. И затем жестом фокусника достал из духовки противень с печеньем.

– Вау! – сказали мы с Женей хором.

Потом она добавила:

– А когда ты успел?

– Кто рано встает, тот находит на кухне бесхозную муку, – улыбнулся Ян. – А потом дело принципа.

– Какого принципа?

– Следуй логике пирамиды.

– Это какая-то эзотерика? – Женечка потянулась к печенью, выбрала самое кругленькое и сунула его в рот целиком. – Ммм, курабье!

– Нет, это пирамида Маслоу. – Ян взял себе блюдце и нагреб горку печенья. Окинул ее критическим взглядом и добавил еще парочку. – Сначала надо вкусно накормить тело, потом порадовать душу, а уже потом заниматься судьбами мира и прочими скучными делами.

Я тоже откусила кусочек печенья. Он просто таял во рту. Причем это была не идеальная еда, как на завтрак в модном кафе. Снизу курабье чуть подгорело, сверху было не совсем ровным, но зато оно было... настоящим, что ли. Душевым. Поэтому выигрывало битву у любого сдобного кусочка теста, приготовленного даже самым профессиональным кондитером в сверкающем цехе. Потому что кондитер взвешивает ингредиенты на точнейших весах и строго следует рецепту. А не вкладывает в блюдо всю душу – просто чтоб порадовать.

Так.

Я с подозрением уставилась на Яна. Тот жевал как ни в чем не бывало и прихлебывал кофе из оранжевой гостевой кружки. И непохоже было, чтобы в этот момент он творил какую-то особую демонскую магию. Но почему я тогда с такой теплотой думаю об этом дурацком кусочке печенья? Как будто его готовила бабушка...

Бабушка!

Наконец я могу ей позвонить!

Или не могу? Телефон... Черт! Мой телефон остался в доме у Стаса! А если демон исчез и все куклы стали свободны, то там небось теперь все вверх дном, вызвали силовиков, и... У меня тут же заболела голова. Я хмуро отставила чашку в сторону. Блин. Вот что теперь делать? Ждать, пока за мной придут и арестуют? И что я им буду рассказывать? Что я ни при чем? Если уж на то пошло, нас со Стасом «важные» люди видели... Ой-ой-ой.

Тут Ян подошел и осторожно тронул меня за плечо.

– Что? – Наверное, получилось резко... и он точно не заслужил того, чтобы я сбрасывала его ладонь и огрызалась. Но слишком сильно я расстроилась. Слишком быстро беззаботное утро превратилось в утро, полное проблем.

– Пошли в комнату.

– Зачем?

Ян пожал плечами.

– Кое-что покажу. Я тебя напоил-накормил, теперь надо обрадовать.

Закрыв за собой дверь комнаты, я повернулась к Яну и будничным тоном спросила:

– Ты же демон?

Надо же. Кто бы сказал мне пару месяцев назад, что я буду задавать такие вопросы незнакомым людям. Ну, почти незнакомым. Как минимум у меня было представление о его имени и кулинарных навыках.

Причем спрашивать спокойно, не заламывая рук и не пытаюсь забиться в ужасе в угол.

Ну демон. Что уж тут поделаешь.

Таковы правила игры.

Которую начала не я.

– А ты как думаешь? – прищурился он. Подошел к шкафу и потянул за край левой дверцы. – Ладно, я и вправду не люблю все эти лишние упражнения для ума. Намеки, умолчания, «притворись, что не понимаю, о чем ты» и так далее. Демон.

– Ага, – ответила я.

– Угу, – передразнил Ян. – Смотри сюда.

Он достал из шкафа и протянул мне... мой сотовый! А на другой раскрытой ладони – серебристую булавку с головкой в виде крошечного надкушенного яблочка.

– Это маячок, – кивнул он на булавку. – Вытащил из шва на твоих джинсах. Сигнал с него шел на телефон, там стояло специальное приложение-ловец. Отслеживало тебя с точностью до пары метров.

Я сглотнула. Наверное, стоит сказать спасибо Стасу за такой вот прощальный «подарочек»?

– М... мило.

Ян поморщился.

– Мило для любителей тотального учета и контроля. Твой сотовый был в машине.

– У Стаса?

– Пф-ф-ф, – фыркнул Ян. – Еще б я знал всю нашу компанию по именам. Но раз ты говоришь «у Стаса», значит, так и есть. То есть было. Теперь джип отдыхает в одном из Свибловских прудов. Я подумал, что нечего ему в твоём дворе делать.

– Спасибо!

– Да не за что, – засмеялся он. – Все-таки вы, люди, иногда очень забавные. Ты сейчас меня благодаришь за то, что я спрятал под воду кучу металлолома. А то, что я спас тебя и прекрасную котейку от голодного волка – это так, проходной эпизод.

– Слушай, я...

– А потом еще прибрал в комнате, спел колыбельную соседям и слопал все твои ночные кошмары. Но это так, чтобы было чем заняться до наступления утра.

– То есть это... – Я попыталась подобрать точные слова, но кроме дурацкого определения «черное что-то с горящим хвостом, а может и не хвостом, я толком не разглядела» ничего не придумалось. – То есть это был ты?

– То есть это был я. – Ян не стал спасать меня от мук неведения по поводу своей демонской ипостаси. – И я рад, что успел. Хотя я терпеть не могу силовые методы.

Интересно, он и вправду такой мирный и милый или пытается втереться в доверие?

– Почему?

– Наш мир и так довольно дрянное место. Войны, эпидемии, катастрофы... Спрашивается, зачем множить зло?

– То есть все-таки ты философ? А говорил, что не любишь все эти умозрительные построения.

Ян сделал нарочито серьезное лицо. В его исполнении это выглядело так, как будто веселый китайский старичок пытается казаться унылым мыслителем с картин ван Эйка. Ужасно нелепо.

– А ты, я гляжу, любишь поймать кого-нибудь на слове. Слушай, ну если тебе это нравится, то я готов поболтать о добре и зле. Но только на полный желудок и в хорошем расположении духа. Хотя как по мне, то ленивая бездумная сиеста с бокалом апероля гораздо лучше.

– А если голодный и без бокала?

– А если голодный, то я злой и вредный. – Ян шагнул в сторону от шкафа и показал мне на полку. – Вот сюда я сложил твою одежду и все, что валялось на полу. Просто не знал куда, решил лучше тебя спросить.

Я подошла поближе и коснулась кончиками пальцев блокнота. Там, внутри, была ночная песня. А снаружи, на обложке, теперь расплывались кровавые пятна. Аккуратно сложенный свитер тоже весь

в темно-красных крапинках. Я оглянулась. Еще раз обвела комнату взглядом.

– Скажи... было очень кроваво?

– Что именно?

– Ну... Вы дрались с Аликом? Или...

– Если ты боишься, что он просто убежал, то нет. Не сумел. – Ян широко улыбнулся. – Я не люблю драться, но тут вопрос стоял просто. Или он меня, или я его. Я оказался сильнее.

– Это такие правила игры? Демоны обязаны сразу драться, как только видят друг друга?

– Не совсем. – Ян зевнул и уселся на пол, сложив ноги по-турецки. – Обязан нападать тот, кого призвали первым. Алик был очень зол и не расположен к переговорам. Так что у меня не было свободы маневра. И еще...

Вот тут я в первый раз почувствовала, что передо мной сидит не человек. Казалось бы, он просто медленно выдохнул, а потом втянул воздух сквозь зубы. И просто зашипел. Но мне вдруг стало по-настоящему страшно. На какое-то мгновение.

– ...Еще он хотел ударить Мышку. Не стоило.

13.4

– Подожди, пожалуйста, на кухне, – попросила я демона. Он кивнул, поднялся с ковра и вышел из комнаты.

А я медленно, как можно медленнее начала перекладывать вещи: блокнот – снова в самый дальний ящик, и для надежности еще прикрыть сверху книгами, одежду – в корзину для стирки... нет-нет, лучше просто вынести на помойку, чтобы не вспоминать про битву змея и волка. Булавку – в коробочку с украшениями, которые я никогда не собиралась носить. Сотовый – тщательно проверить все приложения, списки входящих звонков и сообщений, не обнаружить ничего подозрительного, позвонить родителям и бабушке. Выслушать порцию нотаций и приглашение на блины в ближайший выходной... «Ну или когда сама решишь приехать, как тебе удобнее».

Зайти в календарь, просмотреть заметки... Черт! Вот ведь черт! Я пропустила два дня подработки. Не бог весть какая важная у меня

должность была, просто бумажки оформлять для дегустаций в маркетинговом агентстве, но я же никого не предупредила!

В плену у демона как-то забываешь о таких приземленных вещах, как деньги. Особенно если тебя кормят и поят.

Тем больнее возвращение в банальную реальность.

Дрожащими пальцами я набрала номер начальницы.

– Спасибо, Лара, что хотя бы сейчас объявились, – ядовито сказала она. – Нет. В ваших услугах мы больше не нуждаемся.

Вот так.

Я шмыгнула носом.

Почему-то именно потерянная подработка меня добила.

До этого момента я еще как-то ухитрилась сохранять лицо. Меня пытались одурманить, меня увозили неизвестно куда, меня делали безвольной куклой, моей жизнью командовали, ради меня совершали преступления и подвиги... Но все же в последнюю неделю нервы героически держались. Как натянутые струны. Без срывов в истерику. А теперь будто прорвало плотину.

Я уселась прямо на пол и зарыдала.

Ну почему? Почему-почему-почему они так со мной? Почему все это вообще со мной? Я всхлипывала, давилась слезами и терла глаза. Раскачивалась взад-вперед и дрожала. Хотелось лечь на ковер и биться об него головой, но остатки нервов – самые крепкие, должно быть! – утверждали, что это будет уже слишком.

Потом меня погладили по голове.

Обняли за плечи.

Поставили рядом кружку с какао. В ней плавали маленькие островки розовых и белых маршмеллоу.

Выдали половину печеньки.

– Все остальное я уже съел, прости, – голос Яна звучал очень виновато. – Но я обязательно испеку еще.

– Я тебя не звала... – всхлипнула я.

– Я услышал, как ты плачешь, и пришел. Но если хочешь, я уйду.

– Ты такой же, как они, да? – Я резко повернулась к демону. – Будешь сейчас за мной ухаживать? Compliments делать, шмотки дарить, обнимания-поцелуи, на свидания приглашать, соблазнять при первой удобной возможности? Всяко притворяться хорошим, да?

– Хм... – Ян выглядел смущенным. – А мы можем как-нибудь пропустить вот этот этап с ухаживаниями?

– Что-о-о? – Я так удивилась, что аж на секунду забыла о собственных слезах. Вот так, только решишь, что выучила алгоритмы действий демонов, а тут такая неожиданность. Пропустить этап ухаживаний, вот как.

– Ну смотри. Подвиг ради тебя я уже совершил. Мы его можем зачислить на мой счет как одно большое ухаживание? Я просто не любитель всей этой мишуры. Или – как это обозвать-то по-умному? – социально одобренных норм межгендерного взаимодействия.

– От тебя это почему-то звучит как ругательство. Как будто букет цветов – это что-то плохое.

– Сам по себе букет – не плохое. Но усилия и деньги, потраченные на его покупку и доставку, можно пустить на гораздо более приятные вещи. Или постой... – Он внимательно посмотрел на меня. – Если тебе нравятся именно цветы, ну, кинк такой или фетиш, то ты только скажи. Я тогда придумаю что-нибудь.

– Не надо ничего придумывать, – устало сказала я. У меня внезапно кончились силы на разговоры и попытки разобраться в демонской сущности. – Просто испарись. Пожалуйста.

И Ян снова послушно испарился на кухню.

А я осталась размышлять. Без работы, зато с какао.

13.5

С размышлениями не особо сложилось.

Зато я рассортировала носки в шкафу, залезла в интернет с ноутбука, почистила почтовые аккаунты от спама, почитала с нормального экрана, что происходит в мире, и снова так и эдак поразглядывала проклятую колоду.

Даже немного странно было, что теперь никто ее у меня не пытался отнять. Вот ведь демоны. Приучили к плохому. Я покрутила в пальцах пустую карту Яна. Имя то появлялось на ней, то исчезало, как будто было написано невидимыми чернилами или наведено иллюзией. В нем было всего два иероглифа, но я потратила минут сорок, чтобы срисовать их: 仙狸.

Потом убила полчаса, пытаюсь разобраться, как их забить в поисковик. Это оказалось внезапно нерешаемым ребусом. Вот они, иероглифы, на листочке бумаги, но как их перевести в режим шрифта в текстовом редакторе, если ты до конца не уверен в правильности написания линий и не знаешь даже, на каком это языке?

В итоге, очень недовольная собой, я сдалась. Решила показать имя школьной знакомой, которая поступила в институт иностранных языков – пусть хотя бы скажет, в какую сторону копать. Я сфоткала иероглифы и послала ей в мессенджер: «Привет. Мне тут нужна твоя лингвистическая помощь:) Не подскажешь, это японский или китайский?»

Но это только в киношных детективах герой находит решение проблемы, и оно сразу срабатывает, потому что нельзя тратить экранное время на пустые ожидания. А в моей реальности Ленка не прочитала сообщение – ни сразу, ни через пять минут, ни через десять. Может, она вообще на даче сейчас. Выходит в онлайн раз в день. Или у нее электронный детокс.

Я закусила губу и несколько минут просто тупила в экран.

Потом вздохнула, захлопнула крышку ноута и пошла на кухню.

Там снова обнаружилась утренняя идиллия, только теперь она плавно перетекла в дневную. Женечка с Яном чесали языками на тему того, как приготовить шоколадный трайфл и почему макарены так сложно правильно испечь в духовке газовой печи. Вот уж от кого не ожидала. Женечка – и кулинарные изыски? Женечка, которая иногда ленилась даже хлеб себе намазать и ела батон вприкуску с брикетом сливочного масла? Может, ее подменили за время моего отсутствия? Может, это у демона такая суперсила – зачаровывать выкладками из книги о вкусной и здоровой пище?

Последняя мысль так меня развеселила, что я не выдержала и в голос рассмеялась. Разбудила сладко дремавшую под столом Мышку и привела Женечку в состояние боевой готовности «ворчливая бабка mode on». Видимо, та сразу почувствовала, над кем именно я ржу.

– И что тут такого забавного? – Она уперла руки в бедра, перекинув через плечо рукавичку-прихватку, и этим воинственным видом рассмешила меня еще больше.

– Ничего, – невинно пропела я и уселась за стол. – Ровно ничего. Просто хочу послушать, как ты расскажешь Яну о своих практических

победах над демонами газовых плит. Ну, когда вы закончите с умозрительными пирожными.

– Пирожные, предположим, у нас уже вполне зрительные. – Ян откинул дверь духовки и продемонстрировал ряд корзиночек с белым кремом. – Обед, кстати, тоже готов.

Он поднял полотенце, накрывающее центр кухонного стола, и там обнаружилась гигантская пицца. С толстыми румяными краешками, с ветчиной и помидорами, с каким-то белым расплавившимся сыром и зеленью. Пахло от нее так вкусно, что у меня начисто отбило весь сарказм. У Женечки, кстати, тоже.

Она протянула мне тарелку, сама нарезала пиццу, завладела огромным куском и ойкнула, затрясла обожженными пальцами.

– Горячо! – Подруга посмотрела на меня и обезоруживающе улыбнулась. Режим ворчливой бабки mode off. – У меня ж мама кондитер. Знаешь, как было круто сбежать сюда и завести в холодильнике всего один вид сгущенного молока?

– А их что, несколько?

– С разным процентом жирности, сгущенные сливки, концентрированное молоко, вареная сгущенка, сгущенка с добавками, чаще всего с кофе! – отгарабанила Женечка. – Представляешь, какая у нас тут свобода, да?

– Ага-а-а. – Я притащила к себе на тарелку примерно четверть пиццы и замерла в предвкушении, как сейчас буду делать «кусь». – А теперь у тебя стокгольмский синдром?

– Нет. Просто соскучилась по разговорам. Ну как в семье врачей все говорят про больных, в семье писателей про книги, а в моей всегда трепались про рецепты. Я сначала отдыхала от этого... Но иногда не хватает.

Она повернулась к Яну и безапелляционно заявила:

– Слушай, а давай ты будешь у нас жить?

– Женя! – Я аж чуть пиццей не подавилась. – Это что, твой парень?

– Нет! Но если он будет готовить нам завтрак, обед и ужин...

– Второй завтрак и полдник! – радостно добавил Ян. – И перекусы!

– Да вы что, сговорились? – Я возмущенно уставилась на них. – Я вообще тут тоже живу. И мое право голоса...

– Мр-р-ряу! – запела Мышка и показательно потерлась о ноги демона. Довольно зажмурилась и закивала. Мол, право голоса? Какое такое право голоса? Я уже его одобрила!

– В Москве у меня сейчас жилья нет, – медленно проговорил Ян. – Но это неважно. Решение в любом случае за Ларой.

– Я не готова пока съезжаться, – пробормотала я.

И даже не добавила: «Учитывая, что знаем мы друг друга меньше суток».

13.6

После обеда он ушел.

Не взял у меня номер телефона, не договорился о следующей встрече – просто сказал: «Ну, пока!», быстро обулся и ждал, пока я закрою за ним дверь. Все это время Мышка сидела в прихожей, возмущенно фырчала и драла когтями коврик. Выражала крайнюю степень недовольства.

Потом проводила меня до комнаты с независимым видом и там показательно уселась на подушку. Спиной ко мне.

– Ну да, – сказала я Мышке. – Ты спасла меня, он спас тебя, вот такой круговорот героических спасений. А тут мы его из квартиры гоним. Как-то не по-людски.

Понятное дело, кошка ничего не ответила, только нервно чихнула.

– Но ты меня пойми. – Я села за стол и снова раскрыла ноутбук. – Просто я пока не готова. Очень хочется перестать плыть по течению. Взять судьбу в свои руки.

– Мр-ряу!

– К тому же он ведь не навсегда ушел. Вернется.

«Ой ли! – тут же вмешался внутренний голос. – А если не вернется? Будет такой демон-кулинар шарахаться где-то на свободе, и...»

«И пусть себе шарахается, – отрезала я. – Это был бы идеальный финал истории. Он сам по себе, я сама по себе. И не надо искать, кому отдать карты».

«Я бы на это не надеялся. – Нет, все-таки у меня самый вредный на свете внутренний голос. Особенно эти его ехидные интонации... И

где только нахватался? – Ты до сих пор не знаешь всех правил игры».

«И как раз сейчас хочу узнать о них еще немножечко. Так что не мешай!»

Я быстро открыла гуглдок со списком заметок о демонской колоде и вписала еще одно правило: «Атаковать должен тот демон, которого вызвали сначала». Подумала и добавила: «Еще про ухаживания: они необязательны». Мало ли, может, это важный факт!

Проверила телефон. Ленка до сих пор не ответила.

Тогда я сфотографировала перерисованные иероглифы и попыталась запустить поиск похожих изображений. Не сработало. Видимо, высоты в мастерстве каллиграфии мне не светят. Тогда я попробовала сфоткать саму карту, подловив момент, когда надпись на ней становится видимой, но тут дело пошло еще хуже. Камера телефона вообще отказывалась фиксировать знаки и демонстрировала на снимках чисто-белый картон. А в половине случаев и вовсе размытое нечто, в котором не только надпись не прочитаешь, но даже просто карту опознать сложно.

Однако я не сдавалась. О'кей, будем действовать проще.

Я просто забила в поисковик «демон с двумя огненными хвостами». Потом подумала секунду и чуть поправила запрос «демонкот с двумя огненными хвостами». И тут наконец получила хоть что-то.

Через каких-то пять минут я выяснила, что бакэнэко (японские демоны-коты) – вполне себе распространенное и повседневное явление. Для того чтобы им стать, обычной кошке надо либо отрастить длиннющий хвост, либо дожить до тринадцати лет, либо много есть и растолстеть до определенного веса и размера.

– Мышунь, – поинтересовалась я. – Ты тоже хочешь стать демоном?

– Мр-р-р.

– Пыталась выяснить у Яна, сколько именно килограммов надо набрать для этого?

– Пфф.

– Ладно...

Я продолжила читать.

Интернет утверждал, что Ян (если он и вправду бакэнэко) умеет следующее:

1. Создавать файерболлы (призрачные, что бы это ни значило).
2. Ходить на задних лапах (с этим у него явно все в порядке).
3. Съесть своего хозяина...

Господи, как хорошо, что я не его хозяйка! Или вызвавший демона считается его хозяином? Блин. Вот это надо срочно уточнить!

...и после съедения хозяина принять его облик (нет, все-таки предыдущий пункт сильно меня взволновал).

4. Оживить свежий труп, перепрыгнув через него.

Полезное умение, что уж тут. Хорошо, что не прыгнул через труп Стаса – за неимением оного.

Так. Теперь просто необходимо погуглить, каковы формальные отношения между демоном и тем, кто его вызвал.

Тут на меня свалилось такое количество эзотерической хрени, выдержек с форумов сатанистов по жизни и на полном серьезе написанных статей о том, как сделать своего демона-искусителя ангелом-хранителем, что я просто схватилась за голову. Правда, через полчаса все же сделала вывод, что вызвавший демоническую сущность автоматически ее хозяином не становится, устала смеяться и то и дело принимать позу рука-лицо, а еще из полезного нашла список с именами «всех существующих демонов» и их краткими характеристиками. Потом поисковый контекст привел меня к змею-искусителю, от него к Дэвиду Теннанту и Кроули из «Благих знамений», так что завершился день очень приятно.

Люблю хорошие сериалы, особенно когда конец света наступает где-то там, по ту сторону экрана, а не в моей собственной жизни.

13.7

Следующие два дня прошли спокойно и размеренно. Я просыпалась поздно и лениво выползала на кухню. Там долго сидела и пила две-три чашки кофе, тыкая в экран сотового – игры три-в-ряд, как оказалось, отлично убивали время и очищали голову от тяжелых мыслей. Потом или читала, или искала новую подработку до конца лета – пока безуспешно, или просто лазила в интернете. Папка знаний о демонах не пополнялась, колоду отобрать никто не пытался, Ян как в воду канул.

На улице жарило солнце, днем температура поднималась до плюс тридцати пяти, выйти в это пекло было решительно невозможно, поэтому я только вечером высовывала нос из дому. Шла в магазин, а по дороге обратно пила банку ледяной колы. Ее хватало как раз до подъезда, если идти медленным шагом.

Кошка Мышка перестала приходить ко мне по ночам, должно быть, обиделась. Мол, сама справляйся со своими кошмарами. Только вот было бы с чем справляться. Сны ко мне не заглядывали, никакие.

Время тянулось медленно-медленно, как будто резиновое.

Казалось бы, как раз можно отдохнуть, привести мысли в порядок, подумать, что же делать дальше. Составить тот самый многоходовый план, как я люблю. Порефлексировать на досуге. Но почему-то полезные дела в мой день просто не помещались, а бесполезные очень быстро надоели. Мозг будто работал на холостых оборотах и при малейшей попытке выдавить из него хоть какую-то эффективность сообщал: «Ой, все». Или, как сказала бы бабушка, вешал табличку «переучет».

Поэтому я даже обрадовалась, когда на третий день по дороге из магазина вдруг заметила Яна. Он сидел на газоне в тени деревьев, жевал длинную травинку и что-то бормотал. Подойдя поближе, я поняла, что по его ладони ползает божья коровка и демон поет ей детскую песенку:

*Божья коровка,
Полети на небко,
Там твои детки
Кушают конфетки.
Сами жуют,
А тебе не дают!*

На последнем слове божья коровка вдохновилась услышанным, раскинула крылышки и взмыла в воздух. Ян помахал ей вслед, потом перевел взгляд на меня и сказал:

– Привет.

– Привет. – Я переминалась с ноги на ногу, не зная, что сказать дальше. Типа: ну что, я пошла, чао? Или: ты притворяешься

мимимишным демоном или они и вправду такими бывают? Или: не соскучился ли ты по мне еще? Или: что подделываешь? Где ночуешь? Уже втерся кому-нибудь еще в доверие?

– Иди сюда, – Ян похлопал по траве рядом с собой. – Тут классно.

И жестом фокусника достал из-за спины две запотевшие бутылки с лимонадом.

Я хотела было помотать головой... Но зачем-то кивнула, подошла к демону и уселась рядом.

Газировка защекотала горло и шибанула в нос. Я фыркнула, как довольный тюлень, сделала еще один глоток и вытянула ноги поудобнее. Тут было и вправду классно, Ян не соврал. Мы сидели и молча пили лимонад, мимо ползли изнывающие от вечерней духоты люди, шуршали шинами машины, где-то вдали стрекотала газонокосилка, и мне было удивительно мирно и хорошо.

Еще я поймала за хвостик мысль о том, что соскучилась по Яну. Действительно. Или, возможно, это все неудовлетворенный интерес? К личности демона и его целям... И желанию разобраться, в чем же подвох, о котором призывал не забывать внутренний голос.

Поэтому минут через десять я предложила:

– Зайдешь на ужин?

– А что у нас на ужин? – тут же оживился Ян. Куда только делся его сонный и расслабленный вид. Вот уж воистину обжора! По-моему, в список свойств бакэнэко стоит вписать нулевым пунктом «очень любит поесть!»

– Не знаю... – протянула я. – Думала сварить макароны и...

– А у вас есть черный перец и яйца? – Ян уже вскочил на ноги и протягивал мне руку. – Можно сделать настоящую карбонару. Не как вот это дурацкое нечто со сливками, а такую, исконно итальянскую. Только надо еще зайти за беконом – я во-он за тем домом нашел маленькую мясную лавку, там вкуснее, чем в супермаркете... Погнали!

И мы погнали за беконом, а потом слушали восторженные рулады Мышки, когда она приветствовала Яна и терлась о его ноги, а потом он колдовал над плитой, а я сидела на подоконнике и грызла фисташки. На Москву опускались сумерки, над горизонтом клубились абсолютно волшебные сиренево-розовые облака, и пахло свежестью.

– Будет дождь, – заметил Ян, раскладывая карбонару по тарелкам. И кусочек сырого бекона – в Мышкину миску.

– Наконец-то! – обрадовалась я.

– Значит, ночью я промокну, – констатировал демон.

– Ты что, ночуешь на улице?

– Нет. На крыше. Оттуда обалденный вид по утрам.

– Романтик, что ли?

– Нет, эстет, – усмехнулся он. – Предпочитаю употреблять материальную пищу одновременно с духовной. Приятно, когда их можно совместить за завтраком.

Мышка тем временем влезла на краешек стола и оттуда сверлила меня суровым взглядом. Мол, ты что же, совсем бессердечная? Сожрешь макароны и выгонишь беднягу-повара под дождь? Ай-яй-яй. Или как там должны говорить кошки? Мыф-мыф-мыф.

Между тем карбонара была офигенной. Вымазав кусочком хлеба последние капли соуса, я пробормотала, глядя в тарелку:

– Если хочешь, то можешь остаться ночевать. – Потом подняла глаза. – На кухне. Я тебе дам надувной гостевой матрас.

– Спасибо, – улыбнулся Ян. – А хоть сниться тебе можно?

– Разве что только сниться! – твердо ответила я. – В приличном виде. Без всяких этих.

И через несколько часов круто пожалела о своих словах.

Глава 14

Время десерта

14.1

В эту ночь мне наконец приснился сон. О том... как я сплю. Этакая матрешка из нескольких уровней, когда ты вроде как вынырнула в реальность, а потом – оп! – и понимаешь: мир вокруг – лишь иллюзия. И так раз за разом.

В какой-то момент мне надоело пытаться управлять осознанным сновидением, силиться проснуться и так далее, и я просто лежала, сладко потягиваясь. На роскошной двуспальной кровати. Постельное белье на ней было прохладное и гладкое, из нежного кремового шелка. Ничего общего с моими хлопчатобумажными простынями и наволочками из «Икеи»: один комплект в полосочку, второй – с английским алфавитом. Где-то в темноте, за невидимым окном, шумел летний дождь, пахло озоном и цветами. Мне было одновременно уютно, тепло и свежо – микс из ощущений, недоступный в реальности. В настоящей постели мне вечно бывало то жарко, то холодно.

Я взбила подушку поудобнее и чуть не замурлыкала от ощущения неги, которое разлилось по всему телу, до кончиков пальцев. И, повернув голову, заметила, что контуры комнаты начали проявляться из небытия, квадрат окна посветлел, а на подоконнике виден чей-то силуэт.

– Эй, – прошептала я. – Это мой сон!

– А я и не собираюсь его у тебя отнимать, – тихонько засмеялся незнакомец, спрыгнул с подоконника и подошел ближе, превратившись в Яна. – Просто зашел проведать, как ты тут.

На вид он ничуть не отличался от себя настоящего: такие же пухлые щеки и хитрые прищуренные глаза. Те же плавные кошачьи движения и мягкий голос. Только вместо обычной футболки и джинсов на демоне было длинное шелковое кимоно с широким поясом. Ткань переливалась перламутровыми волнами, как озерная гладь под ласками ветра.

– У меня все отлично, – ответила я и снова потянулась, закинув руки за голову.

Ян расплылся в улыбке.

– Рад. Люблю хорошие сны.

– Может, сходишь тогда сам поспишь? – предложила я. – А то я тебя... хм... стесняюсь.

Не говорить же прямо: «Не хочу делить ни с кем такой классный сон! Дай спокойно отдохнуть, а?»

В ответ демон прижал руки к груди и шутливо поклонился мне:

– Спасибо. Я ценю, когда заботятся о моих чувствах и не хотят обидеть.

– Ты что, читаешь мысли?

– Нет, – он помотал головой. – Сейчас уйду, не волнуйся. Лишь минуту посижу у тебя в ногах. Можно?

– Можно...

Ян опустил на краешек кровати и осторожно взял в ладони мою ступню. Я тут же собралась возмутиться, потому что «посижу в ногах» и «подержу за ногу» – это ж разные вещи, да? Но касание теплых пальцев было таким приятным, что я решила сначала выдержать паузу. А потом еще одну паузу. А потом еще одну...

Он гладил мои пальцы и пяточки, осторожно касался нежного места на своде стопы, где кожа самая тонкая и чувствительная. Нажимал на какие-то хитрые точки, и вся усталость, накопленная не только за предыдущий день, но и, пожалуй, за целый год, уходила прочь. Причем в его движениях – нежных, уверенных, медленных – не было ни намека на секс. Ни намека на продолжение, заигрывание, соблазнение... Это была мягкая дружеская нежность. Теплая, но не горячая. Уютная, но не обжигающая.

Его руки творили настоящую магию... Как будто до этого момента я все время была русалочкой, которая ходила как по острым ножам, но скрывала это – в первую очередь от самой себя. А тут пришел лекарь, и все раны вмиг исцелились, и во всем теле возникла легкость, и захотелось петь, кружиться и танцевать.

Тут Ян отпустил мои ноги.

– Что такое? – Я вздрогнула, возвращаясь в реальность. То есть реальность сна. То есть...

– Минута прошла, – пожал он плечами, вставая.

– Ты... специалист по массажу?
– И по массажу тоже, – улыбнулся Ян. Подошел к изголовью кровати, нагнулся и целомудренно чмокнул меня в щечку.
– А можно мне... еще?
– Нет, – шепотом выдохнул он мне в ухо. – Ты же четко просила «без всяких этих».

И растаял в воздухе.

– Черт! – выругалась я и стукнула кулаком по простыне. Тело капризничало и просило: «Лара, Лара, верни демона обратно! Не надо было его отсылать прочь!» А я пыталась возражать, что это было разумно. Надо же добавить в жизнь разумных решений... Прагматики там, чувства самосохранения, сдержанности. Но телу было наплевать на мои доводы.

В итоге утром я проснулась злая и порядком утомившаяся от конфронтации с самой собой. Вышла на кухню и обнаружила там Яна, свежего и выспавшегося, как майское утро, колдующего над гигантской сковородкой с омлетом.

– Ты! – гневно провозгласила я с порога.
– Я? – показательно удивился Ян хитрющим голосом.
– Ты поймал меня на слове!
– И? Ты первая начала эту игру, помнишь?
– Ты злой.
– Я добрый.
– Ты со мной споришь.
– Ты со мной тоже.
– Как вы мило ссоритесь, как голубки! – возопила Женечка с порога. – Что, Ян, Лара тебя выгнала спать на кухню? Как так?
– Не твое дело! – хором ответили мы, переглянулись и заржали.

14.2

Одним из самых ценных свойств Яна оказалась легкость. С ним было удивительно легко. Спонтанно, незамороченно, не надо искать подтексты в своих и чужих словах, считывать намеки...

Влад был идеальным, и я все время волновалась, дотягиваю ли до его планки. Не слишком ли я проста для него, не слишком ли он хорош

для меня. Алик вынуждал постоянно держать оборону. Он вел себя как захватчик в средневековой крепости. Сначала сломить сопротивление, потом удовлетворить свои желания, почти не заботясь о моих. При Стасе расслабиться тем более не получалось. От него так и фонило угрозой, нервным напряжением, обещанием грядущих бед... А вот с Яном получалось просто смеяться над пустяками.

Еще с ним было хорошо молчать, препираться в шутку, пить коктейли, готовить попкорн, играть в настольные игры, смотреть сериалы и есть мороженое ложкой из огромной миски. А главное, его присутствие было не в тягость. Он не казался в нашей квартире гостем: пусть и приятным, но все равно чужим. Он не виделся мне воинственным демоном, от которого надо прятать колоду, только и думая, как бы поменять его на следующего. Он был словно настоящий кот, только очень большой. Когда хочется, можно с ним поиграть. А если не хочется, он будет тихонько сидеть где-нибудь в уголке, мурлыкать и болтать с Мышкой о тайных кошачьих делах.

Через несколько дней мне казалось, что я знаю его уже целую вечность.

Поэтому, набравшись смелости, я как-то спросила демона за ужином:

– Слушай, а можешь мне еще немного рассказать про правила игры?

– Какой?

– Той, в которую мы с тобой играем. Я, ты и колода карт.

– А-а-а, вот ты про что. – Ян отставил в сторону блюдце с оранжевыми ломтиками манго и откинулся на спинку стула. – Спрашивай.

Я смешалась на мгновение. Наверное, надеялась на то, что он без уточняющих вопросов выложит мне всю информацию на тарелочке с голубой каемочкой.

– Ты... влюблен в меня? Или привязан ко мне магией? Или... Мне говорили, что я просто ворота в этот мир для демонов, именно поэтому они за меня держатся.

– Не знаю, как там с другими демонами... – чуть раздраженно ответил Ян. – Я про их мотивы не знаю. Зато знаю про себя. Ты милая, тебя приятно радовать.

– И все?

– Напоминаю, ты сама сказала, чтобы я не замахивался на большее.

– А если я никогда не подпущу тебя ближе?

– Значит, не подпустишь.

– А если попрошу тебя уйти?

– Значит, уйду. – Он сделал паузу и добавил чуть тише: – Буду ждать, вдруг ты передумаешь?

– И долго способен ждать демон?

– Сколько потребуется.

– У тебя что, нет собственных желаний? – Разговор сворачивал куда-то совсем не туда, но это все чувство противоречия. Оно требовало, чтобы демон перестал быть таким милым. Таким идеальным. Вроде как. Пыталось отыскать подвох. – Нет никаких чувств?

– Конечно есть. – Ян усмехнулся. – Но я умею держать себя в руках. Самоконтроль – обратная сторона чувственности.

– Звучит... заманчиво.

– Лара. – Он наклонился над столом и взял меня за руку. – Ты же помнишь, что мы оба играем в эту игру? Не только я? В паре всегда танцуют двое. Ты тоже можешь делать... шаги. От меня. Или ко мне.

– Я... боюсь подойти слишком близко.

– Как знаешь. Всегда можно сделать шаг назад. Если не понравится, то я не буду тебя удерживать.

– Обещаешь?

– Обещаю.

«В самом деле. Что ты теряешь? – Вот только внутреннего голоса с его ценным мнением в этой романтической сцене и не хватало! – А вдруг у него член больше, чем у Алика?»

Тут я поперхнулась, густо покраснела и чуть не разлила чай.

– Не в то горло попало? – заботливо поинтересовался Ян.

«О! – еще больше оживился внутренний голос, хотя, казалось бы, куда еще-то! – К вопросу о горле...»

Я молча поднялась, резко отодвинула стул и вышла в коридор. Прислонилась лбом к стене и попыталась успокоиться. Мне было одновременно стыдно, смешно и волнительно. И быстро, чтобы не передумать, вернулась на порог кухни.

– Если будешь мне сегодня сниться...

– Да-да? – Яну прекрасно удавался невинный взгляд. Пожалуй, он мог бы соперничать в нем с Мышкой, сожравшей накануне всю сметану.

– Можно попробовать зайти дальше, чем невинные поцелуи в щеку.

– Насколько дальше?

Ах ты ж вредный демон!

– Посмотрим, – вернула я подачу и ушла готовиться ко сну.

14.3

Я долго ворочалась и не могла заснуть. Не знала, чего ожидать. Он придет ко мне в комнату? Или снова приснится? Или вспомнит какое-нибудь из высказанных опасений, поймает на слове и подразнит, а потом переведет все в шутку? С него станется...

Потом в коридоре погас свет, затих шум машин, и на город опустилась ночь. А я продолжала лежать, крепко держась за край простыни и ужасно волнуясь. Ну чего он тянет время, а?..

И не заметила, как оказалась в том же самом сне на большой кровати с шелковым постельным бельем, только в этот раз оно было персиково-оранжевым. В комнате пахло лилиями, а на полу были расставлены толстые свечи. Их свет наполнял пространство теплым дрожащим светом. Я медленно выдохнула и поняла, что волнение отпускает. И в ту же секунду рядом появился Ян.

Только что его не было, а потом – раз! – и он уже сидит у меня в ногах. В распахнутом на груди кимоно, так, что видна темная блестящая кожа. С шелковой лентой в руках. С неизменно хитрой улыбкой и пляшущими в глазах чертенятами.

– Привет, – прошептала я.

– Привет. – Ян протянул руку и провел кончиком пальца по моей ноге, от щиколотки до большого пальца. – Помнится, тебе нравился массаж?

– Да...

– Тогда начнем с него.

Ян поднялся и скользнул вокруг кровати. Протянул мне ленту.

– Завяжи глаза.

– Зачем?

– Чтобы ничего не отвлекало... от ощущений.

Он взмахнул рукой, словно фокусник, и показал мне плоскую баночку на ладони.

– У меня есть масло с запахом апельсина. Хочу, чтобы ты вдыхала его запах и наполнялась светом и теплом. Если при этом будешь глядеть внутрь себя, а не наружу... Если будешь предугадывать мои движения, а не видеть их... Если будешь предвкушать, а не знать наверняка... Тогда вкус близости будет острее.

– Ты говоришь как гурман.

– Я и есть гурман, – прошептал Ян и вернулся к моим ногам. – Я жду.

Поколебавшись секунду, я медленно завязала глаза. Прикосновение ленты было очень приятным. Она холодила и ласкала кожу. И главное, я не чувствовала себя в опасности... Ведь я боялась, что завязанные глаза – это потеря контроля. А оказалось, что это обещание неизведанного. Обещание волшебных сладостей... на десерт.

Дрожь.

Предвкушение.

То ли дело во сне, который изменил мое восприятие, то ли в демонской магии, но отключение зрения сделало остальные чувства гораздо сильнее. Теперь я слышала ночную музыку шорохов и шепотов, запахи лилий, апельсина и пряностей сплетались в чудесный букет, казалось, что я чувствую кисло-сладкий оранжевый вкус на языке, а пальцы Яна...

О-о-о, что творили его пальцы...

Он снова начал с массажа ног. Потянул пальчики, один за другим, провел вокруг щиколоток, размял своды стоп – в тот миг мне показалось, будто кости под кожей готовы расплавиться... А потом отправился выше. Нежные пальцы поднялись по голени до коленей, и тут к пальцам присоединились губы. Он целовал кожу бедер, чуть покусывая, дул и тихонько смеялся, прижимаясь к ним щекой. А руки порхали, то взлетали и легонько щекотали меня, как крылья бабочек, то скользили по коже, не пропуская ни сантиметра, ни миллиметра плоти, горячие ладони, которые, казалось, еще чуть-чуть – и проникнут внутрь меня.

Ведь это же сон... Я застонала и выгнулась навстречу Яну. Во сне действуют другие законы. Пусть трогает меня, пусть нырнет в меня, пусть этот масляный жар окажется внутри...

– Не так быстро, – прошептал он. – Не спеши. Это все еще просто массаж.

И скользнул обеими ладонями по моим бедрам вверх, миновал трусики, распахнул полы халата, развязал пояс и принялся гладить живот.

От солнечного сплетения вниз, к пупку, задержать на нем пальцы, пощекотать, замереть на мгновение... Дождаться дрожи, которая зарождалась внутри меня в ответ на это движение, отправиться вниз и замереть, остановиться за миллиметр до края трусиков. А потом повторить. Еще и еще.

– М-м-м... – застонала я. – Ты...

И тут он поцеловал меня. Горячо и очень мягко, и при этом невообразимо жадно, будто пил из источника в пустыне, будто пытался вобрать меня в себя, опустошить до дна. Мой язык мигом оказался втянут внутрь его рта, и там... Там было остро, горячо, кисло, солоно, сладко, меня накрыло взрывом вкуса, прошило молнией, рецепторы возопили: «Еще! Господи, еще!» Этот демон на вкус был как самая любимая шоколадка, как миндальный торт, как бутерброд с черной икрой из детства, как сочный бифштекс, как самые вредные и самые обалденные чипсы, как... Нет в человеческом языке такого сравнения. Он был одновременно всем. И брал меня всю, втягивал в себя, даря взамен удивительный вкус или иллюзию вкуса.

Я обхватила его за затылок, прижала к себе и таяла. Таяла от его жара и от фейерверка новых ощущений. Не знаю, сколько продолжался наш поцелуй, минуту или несколько часов, но вдруг Ян оторвался от моих губ и скользнул вниз.

Кончиком языка через подбородок на шею. Замер на мгновение в ямке между ключиц и пополз ниже. Между напряженных сосков, над солнечным сплетением... и вот он уже погрузился в ямку пупка и легонько трогает его... Пробует на вкус.

А потом Ян стянул с меня трусики, мучительно медленно развел бедра, подложил под попу мягкую подушку, и язык его отправился ниже.

Сначала Ян меня дразнил. Кончик языка выписывал круги, скользил совсем рядом, потом отдалялся. Щекотал внутреннюю сторону бедра, то самое место, где кожа самая нежная и от прикосновения будто бьет током, потом возвращался на холмик над клитором. Приближался к нему, жарко дышал... и снова уходил в сторону.

Я задыхалась, облизывала губы, выгибалась, потом не выдержала и попыталась схватить Яна за волосы, остановить движение языка, заставить его прийти в конечную точку...

Демон в ответ тихонько рассмеялся, перехватил мои руки и мягко сжал запястья:

– Не спеши. Чувствуй. Раскрывайся. Предвкушай. – Потом добавил: – Я же не единственное пирожное для толпы гостей. Я никуда не денусь. Все достанется тебе. Одной тебе. Только... тебе.

И, окружив клитор губами, стал изучать его кончиком языка. Сначала горячо и нежно, наполняя мое тело теплом и негой, а потом движения стали более резкими, жадными, быстрыми. Вмиг стало слишком остро, слишком ярко, как будто язык слизал с меня кожу и обнажил нервы, и их закоротило. Меня просто подкинуло на кровати, раз, другой, третий, а язык не останавливался, дрожал и порхал надо мной, а губы и руки не давали никуда убежать, а на веках закрытых глаз распускались огненные оранжевые цветы.

Напряжение нарастало, но не находило выхода. Пружина в животе сжалась, и время начало обратный отсчет, но секунды растягивались в вечность, все отдаляя и отдаляя момент разрядки. Я вскрикнула и замотала головой из стороны в сторону, пытаюсь то ли вырваться, то ли сдаться на волю демона, но он смеялся и продолжал сладкую пытку. Тербил, трогал, кусал, целовал, гладил.

Потом вдруг скользнул ниже. Клитор накрыла мягкая ладонь, не давая погаснуть огоньку наслаждения, а язык проник внутрь меня и принялся вылизывать, ласкать, пробегать по всем складочкам. Ох-х-х, какой у него был длинный язык...

– Ты такая вкусная, – прошептал демон. – Самая вкусная на свете!

И через мгновение вдруг мягко ухватил меня за бедра и перевернул... Или это весь мир перевернулся вокруг нас? У меня

закружилась голова, и я перестала понимать, где верх, где низ, лежу ли я на кровати или парю в безвременье. Лишь тепло плескалось внутри меня, и нервы искрились, закручивая часовой механизм, приближая момент неизбежного взрыва. А Ян медленно и нежно вошел в меня... Нет, не вошел. Наполнил. Стал со мной единым целым. И стал неспешно, будто бы лениво, осторожно двигаться, не убирая ладонь с клитора.

Теплые руки ласкали и направляли, прижимали и отдаляли, скользили и гладили. Я вдруг перестала задыхаться, поймала ритм и стала медленно дышать животом, вбирая в себя апельсиновый воздух и наполняясь легкостью, как воздушный шарик. Я будто вышла из тела и парила над собой, в голове взрывались пузырьки шампанского, а наслаждение накатывало медленно, но неумолимо. Я словно видела его приближение, чувствовала покалыванием на коже, подушечками пальцев на прохладном шелке, скольжением плоти внутри меня. А когда оно пришло и наконец распустило в животе тугую пружину, когда жар затопил с ног до головы и весь мир вокруг пропал... Во мне осталось только удовольствие. Ничего, кроме него. Ни одной посторонней мысли, ни звука, ни запаха, ни прикосновения извне. Только я и то, что внутри.

– А-а-ах! – Я застонала и потянулась, и мир вернулся.

Стянула с глаз шелковую ленту и зажмурилась. Слишком ярко... Слишком яркий полумрак царил вокруг.

Ян погладил меня длинным движением, от шеи вдоль позвоночника до крестца, легонько шлепнул по попе и засмеялся.

– Жарко... – прошептала я, и в тот же момент повеяло прохладой. Демон взмахнул рукой, и через миг на моей коже уже не было ни массажного масла, ни пота.

– Вот за это я люблю сны, – улыбнулся он, прилег рядом и легонько поцеловал меня в нос. – Хорошо тебе?

– Да-а-а-а...

– Мне тоже. – Он нежно погладил мои волосы и встал. Теперь я наконец смогла разглядеть его. Гладкая темная кожа, которую срочно хотелось трогать и гладить, широкие плечи и бедра и темный, красновато-коричневый член. Очень, очень твердо стоящий, толстый, покрытый бархатистой кожицей...

– Эй, куда? – потянулась я к нему.

– Я бы с радостью продолжил. – Демон сделал шаг назад и показал мне язык. – Но не получится.

– Почему?

– Уже утро. При свете дня ночная магия спит. – Он задрожал и истаял дымкой. Остался только запах апельсинов, догорающие на полу свечи и шепот: – Просыпайся, Лара. Доброе утро...

Проснулась я неприлично счастливая и отдохнувшая, хотя мышцы сладко ныли, намекая на... на всякие ночные занятия. Долго лежала, закинув руки за голову, и бездумно улыбалась в потолок. Вставать не хотелось. Дневные дела, грядущие волнения – все отступило на второй план. Остались только я и мое удовольствие.

Потом я все же встала, сходила в душ и пришла на кухню.

Ян сидел по-турецки на полу напротив дверцы духовки и внимательно следил за тем, что творится внутри. Так внимательно, как будто плита транслировала ему захватывающий восточный боевик с драками и перестрелками, не меньше.

– Привет! – махнул он мне рукой, не отрывая взгляда от духовки. – Я слежу за пирогом.

– Что же делает пирог?

– Он еще не определился. Пытается то ли опасть, то ли подгореть.

Я рассмеялась, подошла и поцеловала Яна в макушку.

– Ты классный.

– Особенно когда сытый и довольный! – Он стянул со стола перчатки-прихватки. – Подожди секунду, сейчас я совершу бросок, обезврежу пирог, и мы пойдем.

– Куда?

– В парк на пикник! Я решил сделать себе сюрприз и уже почти все приготовил...

И когда только успел? Наверное, это все демонская магия. Утренняя. Которая не спит при свете дня.

Я широко зевнула и рассмеялась. Пожалуй, демонская магия начинала мне нравиться.

Мы пошли в парк, уселись на берегу речки и смотрели на плотину. Кроме пирога с малиной Ян взял с собой в термосе ледяной апельсиновый лимонад с мятой, раздобыл где-то мелкие золотые райские яблочки, абсолютно медовые на вкус, и сделал бутерброды с

сыром и колбасой. Хлеб был мягкий-мягкий, еще теплый, сыр таял во рту, а колбаса была моя любимая.

Я шурилась на солнце, слушала пение птиц и шепот воды, мне было вкусно, тепло и лениво. Чувствовала себя настоящей кошкой, вот! Хотелось лежать весь день, свернувшись клубочком, и мурлыкать в свое удовольствие.

– Мяу! – сказала я Яну.

– Мур! – ответил он и чмокнул меня в нос.

Впереди у нас был солнечный золотистый август, и до осени казалось еще далеко-далеко...

14.5

Дни катились один за другим, и каждый следующий был лучше предыдущего. В мире нашлось столько интересных вещей, о которых я раньше и не подозревала! Ян научил меня есть жизнь полной ложкой и не задумываться о завтра.

Ценить момент.

Дышать полной грудью.

Наслаждаться именно этой секундой, а не какой-то другой.

Оказалось, что дурные воспоминания и ошибки прошлого здорово мешают. И стоило бы раньше научиться сметать их в самый дальний угол сознания и никогда больше оттуда не доставать.

Оказалось, что слишком много думать и прикидывать – это и вправду утомительно. Раньше я с отстраненным любопытством смотрела на людей, которые совершают спонтанные поступки, не контролируют каждый шаг и не держат руку на пульсе ситуации. А теперь попробовала сама быть таким человеком... и удивительно, мне даже понравилось!

Еще Ян очень круто разбирался в кино и книгах. Он мог часами рассказывать о разных актерах и режиссерах, а еще подобрать фильм или сериал под любое настроение. Что же касается книг... Скептически поглядев на две сиротливо висящие над столом полки, забитые любимыми бумажными томиками, на следующий день он вручил мне новенькую электронную читалку.

– Я закачал туда десять тысяч книг, – небрежно заметил демон. – На первое время должно хватить.

Ничего себе, на первое время! Он не только скачал мне тексты, но и потрясающе их систематизировал по тегам и жанрам. Чтобы, опять же, подобрать роман, который будет нужен мне здесь и сейчас. Пугающий и драматичный. Или легкий, летний, веселый... Или бессмертную классику про воспитание души. Или средневековую нестрашную страшилку.

В какой-то момент меня накрыло осознанием, что книг, фильмов, спектаклей, стендапов, визуальных новелл и игр хватит на всю жизнь. И еще столько же останется. Раньше я почему-то боялась, что о чем-то не успею узнать, с чем-то – познакомиться, что-то – критически оценить. А теперь, наоборот, радовалась, что они не закончатся. И если что-то не увлекло, то необязательно есть кактус и насиловать себя. Можно спокойно отложить надкушенное кислое яблоко и выбрать другое, получше. И также можно отложить скучный сериал и взяться за другой, повеселее.

Никогда не думала, что демон – номинально опасный демон, пришедший по велению загадочной колоды карт! – привнесет в мой дом уют.

Он повесил на окна новые шторы и заменил матрас на кровати – новый был потрясающе удобный. Притащил в комнату мягкое кресло, в которое оказалось так здорово забираться с ногами и читать под теплым светом торшера... Да, торшером Ян тоже озаботился. Еще завел в квартире робот-пылесос, приклеил на него смешные мультяшные глаза и поколдовал над программой уборки так, чтобы она проходила незаметно и быстро. Мышка полюбила кататься на пылесосе и периодически ездила туда-сюда по коридору, гордо восседая на нем. На кухне завелся планетарный миксер с кучей насадок, шейкер для коктейлей, маленькая красная вафельница и милейшие стеклянные баночки для приправ.

Дома стало так уютно, что мне абсолютно не хотелось выбираться на улицу. Тем более что там царила пыльная жара, а внутри квартиры было прохладно и хорошо. Ян позаботился о системе климат-контроля. Мы целыми днями смотрели сериалы, читали книги, ели вкусняшки, сладко бездельничали или болтали о пустяках. Я даже ухитрилась найти работу: вести в фейсбуке группу какого-то доморощенного

психолога, который хотел козырнуть умными цитатами из умных книжек, но сам ленился их находить. Конечно, это был не реальный способ заработка, а способ успокоить совесть. Все равно за квартиру платили родители. А за еду... Еду теперь добывал демон.

Но самыми лучшими были сны. О, как я полюбила спать! Уже с середины дня я начинала поглядывать на часы и как будто торопила время: быстрее, быстрее, уходи и забирай с собой солнце! Приноси темноту и покой. И тогда...

Когда я засыпала, Ян приходил в мои сны, и мы с ним делали все.

Можно было не заботиться о контрацепции.

Не опасаться, что вдруг мне станет больно или неприятно.

Не бояться попробовать что-то, чего я хотела по-настоящему, но никогда бы себе в этом не призналась...

– Давай поиграем, – улыбался Ян и садился на край кровати. – Давай сегодня я буду юным невинным демоном, а ты – повидавшей жизнь хозяйкой волшебной колоды. Я очень хочу тебя, но не знаю, как люди занимаются любовью. Научишь?..

– Давай поиграем, – хитро щурился демон и выкладывал передо мной на кровать игрушки из золота, хрустала и нефрита. Грел их в ладонях, гладил и перекатывал между пальцами. – Погляди, вот бусы. Первая бусинка – с горошинку, а каждая следующая чуть больше предыдущей. Как ты думаешь, если я свяжу тебе руки, переверну на живот и медленно, очень медленно буду погружать их в...

– Давай поиграем, – Ян крутил в руках китайские шарики, позванивающие при каждом движении. – Если поместить их в твое лоно, то при каждом движении они будут сталкиваться друг с другом и дарить тебе странные, но приятные... Очень приятные ощущения.

Надо сказать, что с этими шариками внутри я впервые кончила без ласк... Демон просто мягко придерживал меня за бедра и покачивал, туда-обратно. Никогда не думала, что такое возможно. Никогда...

Каждую ночь я знала, что у нас будет что-то новое. Или то, что я попрошу, – из уже испробованного. И жадный рот Яна, и вкусные поцелуи, и длинный язык, и гладкое ловкое тело, и удивительное совпадение в темпе и темпераменте.

Кажется, наконец мне выпала счастливая карта.

А потом как-то утром за завтраком Женечка сказала:

– Пойдем завтра вместе?
– Куда? – Я не поняла сначала, что она имеет в виду.
– На собрание перед вторым курсом. За списком учебников, и узнавать расписание, и...
И я поняла, что очень давно не заглядывала в телефон и почту.
Не до того было. Да и незачем.
– Не хочу. Давай ты просто мне расскажешь, что там было? – предложила я, но потом в голову пришла мысль, которая показалась очень правильной. Да. Именно так я и сделаю. – Или нет. Пойдем, конечно.

14.6

Утро тридцать первого августа откровенно не задалось. Во-первых... Или нет, не во-первых, а в-главных! Внезапно. И без объявления войны. Я не влезла в свои любимые джинсы.

Даже выдохнув. Втянув живот. Лежа.

А потом еще Женечка добавила жару. Заглянула ко мне в комнату, чтобы поторопить, обнаружила поле боя с джинсами и вынесла вердикт:

– Пипец, как ты потолстела!

– Слушай! – Я и так была уже на взводе, а теперь жертва сама подлила масла в огонь. – Завидуй-ка моему аппетиту молча! Дура!

– Сама такая! Не, ну а чо ты думала: можно безнаказанно жрать пончики, пиццы и пирожные?

– Ты тоже их...

– Не столько! И не семь раз в день, как вы.

– Что как мы? – из кухни на звуки перепалки пришел Ян. Быстро оценил ситуацию и выдал: – У Лары офигенная задница, если в эти джинсы она не помещается – это проблема джинсов. Сегодня же куплю новые.

Женечка закатила глаза и отступила:

– Жду тебя пять минут. А то опоздаем. – Потом опять сунула голову в комнату. – Ау, Лар, это ж была твоя реплика!

– Я что, и вправду растолстела? – спросила я у Яна, чуть не плача.

– Конечно, нет! – Он подошел и поцеловал меня в нос. – Твоя фигура просто... ммм. Может, останешься? Вздремнем... на часок?

Я помотала головой.

– Нет. Надо разобраться с одним делом.

– Ладно. Только быстрее возвращайся.

– Договорились!

В итоге другие джинсы тоже подвели меня, льняные штаны куда-то запропастились, юбка слишком передавливала живот... Сплошное расстройство! В конце концов пришлось натянуть нелюбимое платье, купленное в прошлом году мамой в качестве «строгого рабочего варианта». Я его раньше просто терпеть не могла: сложно любить предмет одежды, который сидит на тебе примерно как мешок из-под картошки. И по цвету такое же бурое и унылое. Но теперь мне было откровенно все равно. В конце концов, поход в универ – не такое великое событие, чтобы ради него наряжаться, так ведь?

Нет, в шкафу все еще оставались нарядные вещи, подаренные Владом, но я не хотела их даже касаться лишней раз. Надо просто вынести их на помойку вечером. Чтобы навсегда вычеркнуть прошлое из жизни. Давно пора было это сделать. Поставить точку.

Потом мы с Женечкой ехали в метро и дулись друг на друга, поэтому не разговаривали. Мне было неудобно и мерзко среди людей. Их разговоры, гул и шум поезда мешали мне слушать аудиокнигу, постоянно отвлекали, «царапали» восприятие. Блин, надо было купить наушники с шумоподавлением – как я вообще раньше могла слушать плеер в таких условиях?

Потом мы шли к универу, обливаясь потом, мне было лень, жарко, и я тысячу раз успела пожалеть о том, что не осталась дома. Все-таки первая мысль была самая верная. Ну ладно. Пострадаю немного. В конце концов, у меня есть цель...

– Ла-ар, ну что ты такая кислая? – не выдержала Женечка, нарушив молчание в тот момент, когда мы уже почти дошли до нужной аудитории. – Если тебя реально все бесит... Могла не ходить. Я бы все тебе рассказала.

– Мне в деканат надо, – пробормотала я.

– Зачем?

– Узнать, как перевестись на заочку.

– Ла-а-ар, ты чего? – Кажется, Женечку и вправду удивил мой ответ. – Ты же сама всегда говорила, что на заочке можно учиться только из-за большой занятости или от безысходности? Ты ж их сама вечно неудачниками называла? Унылыми неудачниками и бездельниками?

Я пожала плечами.

– Просто пересмотрела ценности.

Не буду же я объяснять ей, что если перейти на заочное, то я спокойно смогу днями не выходить из квартиры и проводить с Яном и любимыми книгами и фильмами столько времени, сколько захочется. Это ж и так очевидно. Наоборот, странно, что раньше мне нравилось каждый день ездить на занятия. Это же так утомительно.

В аудитории я уселась за самую заднюю парту, положила на колени читалку и следующие полчаса пыталась отвлечься от голоса куратора, который трындел о каких-то скучных вещах. «Надо переждать, просто надо переждать, – успокаивала я себя. – Сейчас он закончит, ты узнаешь у него, кому и как нести заявление на перевод... Сама виновата, что опоздала, могла поймать его до собрания, тогда не понадобилось бы тут куковать».

Одногруппницы то и дело оглядывались на меня, и в их глазах почему-то читалось сочувствие. Или жалость? Я помотала головой. Какое мне дело до других людей и их мнения? Оно совсем не важно. Я их не трогаю, вот и пусть они меня не трогают.

После собрания я немного замешкалась, и меня поймали две девчонки, с которыми мы в прошлом году вместе занимались на кружке по философии.

– Лар, – осторожно начала одна из них. – У тебя случилось что-то?

– У меня все отлично, – улыбнулась я. – Прости, нет времени болтать, мне поймать куратора надо.

– Слушай, если тебе нужна помощь... – подхватила другая. – Ты только скажи!

– С чего бы? – удивилась я.

– Просто... ты выглядишь так...

– Как я выгляжу? – Да что, блин, сегодня все привязались к моей внешности?

– Необычно. Необычно для себя.

– Слушайте, если вам некого пообсуждать, то обсуждайте друг друга, – огрызнулась я. – Мне пора.

Протиснулась между ними и поспешила следом за куратором.

Он тоже удивился вопросу про заочку. Сначала попытался отговорить. Но я твердо стояла на своем, просто повторяла как заведенная, что мне очень нужен перевод. Наконец он сдался.

– Но если, Лара, вам это действительно нужно по семейным обстоятельствам...

– Да-да, именно по семейным! – хорошая фраза, можно использовать ее как универсальную причину.

– Тогда вам надо написать заявление и сдать Марии Викторовне, она занимается заочниками. Но она выйдет из отпуска в этом году чуть позже. Подходите шестого сентября, хорошо?

– Спасибо! – Я кивнула ему и, немного раздосадованная тем, что придется снова сюда тащиться, пошла к выходу из универа. Женечка уже куда-то подевалась... Ну и хорошо. Не надо будет подстраиваться под ее слишком быстрый шаг, выдерживать обиженное молчание или, наоборот, делать вид, что мне интересна ее болтовня.

Я медленно брела по улице и мечтала, как усядусь под кондиционер с книжкой, попрошу у Яна приготовить холодный чай с мятой, и тогда... Тогда этот день еще можно исправить.

Мазнула взглядом по витрине кафе «Рафинад»: там стояли корзины с яблоками, а смешные крылатые эльфы с волшебными палочками парили над ними на золотистых ниточках. А еще... Еще за столиком у окна сидела Ольга и смотрела прямо на меня.

14.7

Я остановилась.

Сердце заколотилось часто-часто.

Время как будто повернуло вспять, и мы снова встретились в этом проклятом кафе, и теперь... Я даже нервно хихикнула от неуместности мысли, которая мне пришла в голову. Может, теперь стоит вернуть ей колоду? При мысли об этом я сразу нащупала карты в кармане платья и сжала пальцы так сильно, что их свело болью. Нет. Никаких «вернуть». Никому не отдам. Ни за что.

А потом медленно подошла к двери «Рафинада», колокольчик над головой звякнул, администратор улыбнулся мне, а я сказала:

– Меня ждут.

И двинулась к столику.

Зачем я это сделала? Наверное, мне захотелось расставить точки над «і». Показать свое превосходство. Похвастаться – в отместку за то, что Ольга наградила меня проклятием без спроса.

«Смотри, – хотелось мне сказать. – Я вытащила карту, которая мне идеально подошла. Мне хорошо. И будет хорошо всю жизнь. Ты же ради этого отдавала мне колоду, да? Или, постой, ты просто пыталась избавиться от собственной головной боли, не заботясь о моих чувствах? Ай-ай... Ну и кто в итоге в выигрыше?»

Но я молча подошла, отодвинула стул и села.

Ольга тут же подозвала официанта и заказала фирменный десерт и чайник с «осенним чаем»: «Этот ваш прекрасный, с клюквой, миндалем и яблоком».

Потом посмотрела мне в лицо.

Я ждала от нее вопроса. «Ну как ты?» или «Как дела?»

Но Ольга медленно отпила из высокого бокала с разноцветным коктейлем и тихо сказала:

– Тогда ты ушла слишком быстро. И я не успела рассказать тебе все, что нужно. Теперь... – Она замялась, посмотрела в окно на улицу, будто пыталась найти там ответ. – Теперь ты наверняка сама многое знаешь и понимаешь. Но я не люблю незаконченные разговоры.

– И что же именно я теперь понимаю? – Мне хотелось, чтобы это прозвучало ехидно, но получилось почему-то... устало. – Как неприятно, когда тебя крадут? Или одурманивают? Или просто обманывают? Тоже мне, понимание от Капитана Очевидность.

– Нет, – Ольга покачала головой. – Ты ведь не демона выбираешь, когда тянешь новую карту.

Она сделала паузу. Наверное, ожидала вопроса: «А кого же?», но я промолчала. Назло. Просто взяла с тарелочки с десертом белоснежный кубик, сунула его в рот и зажмурилась от удовольствия. Уж сегодня я точно не уйду, пока не съем всю порцию.

А Ольга нервно сглотнула и продолжила:

– Ты выбираешь саму себя.

Я только фыркнула в ответ. По-моему, кого-то снова повело в эзотерические бредни.

– На тот момент, когда мы с тобой встретились, я уже жила... с ним... два года. И все было отлично. За одним маленьким исключением. Очень утомительно каждый день все сильнее... сходить с ума. Сначала мне казалось, что капелька безумства – это то, что мне необходимо. Полезно для творчества, нестандартный взгляд на мир, все дела. А потом... – Она уставилась на скатерть перед собой, и я вспомнила, какой Ольга была первого июня. Тогда от нее фонило сумасшествием. А сейчас уже... нет. – А потом я поняла, что еще немного, и перестану это контролировать.

– Что же ты просто не порвала карту?

– Потому что я любила его. И ту себя... я тоже любила. Но у меня просто не осталось сил.

– И зачем ты мне все это говоришь?

– Чтобы ты подумала. Не про то, кто там хорош в постели или красив неземной красотой. А про то... Сегодняшняя ты – это предел твоих мечтаний? Это действительно то, чего ты всегда хотела в жизни?

Да какое она право имеет лезть в мою жизнь?!

Я уже открыла было рот, чтобы сказать об этом, но тут внезапно проснулся внутренний голос, который молчал почти весь август.

«А ведь она права, – протянул он. – С Владом ты стала бы обласканной эгоисткой, у которой все отлично, а весь мир пусть летит в тартарары. С Аликом – творческой личностью, которая позволит о себя ноги вытирать, лишь бы звучала песня. Со Стасом – безвольной красивой куколкой на вершине пищевой цепочки. А с Яном...»

– Заткнись, – прошептала я.

– Ты действительно себе нравишься? – продолжила Ольга. – Неухоженная, одутловатая, с кругами под глазами, кое-как причесанная, с отросшими корнями волос, уставшая...

– Заткнись! – заорала я и швырнула тарелку с пирожными об пол. – Кто бы говорил! Ты бы себя тогда видела!

Я вскочила из-за стола, но не успела убежать. Ольга схватила меня за руку:

– Ты опять не дослушала! Сила хозяйки колоды не в том, чтобы выбрать! Сила в том, чтобы отказаться...

– Хватит! – Я вырвала руку из ее цепких пальцев, шагнула назад и зажала уши ладонями. – Хватит! У меня! Все! Хорошо! Слышишь?

Развернулась и побежала прочь.

Не обращая внимания на официантов, которые что-то кричали мне вслед, потом на прохожих на узком тротуаре, которых я толкала и слышала за спиной ругань... Влетела в метро, долго не могла найти проездной, пальцы дрожали, сердце колотилось, а в голове все крутилось: «Заткнись! Заткнитесь вы... обе!»

Потому что у меня и вправду было все хорошо. Так ведь?..

Глава 15

Ветер с дождем

15.1

Подходя к дому, я уже почти успокоилась. Ясно как день: Ольга просто мне завидует. Поэтому пыталась уязвить как можно больнее. Надо было просто пройти мимо. Не пришлось бы зря волноваться.

Наверное, из-за этого волнения я ужасно устала и запыхалась. Еще эта августовская жара... Ну ничего. Остался последний день лета. А потом станет прохладнее, и можно будет снова выбираться в парк... Разок в неделю. Или не выбираться... Надо спросить у Яна, есть ли у него мысли по поводу осенних пикников.

Переступив порог квартиры, я почувствовала себя крестonosцем, вернувшимся из похода. Home sweet home. Несмотря на то, что я жила здесь больше полугода, только сейчас поняла, как дорого мне это гнездышко. Крепость. Приют усталого путника.

– Привет! – Ян высунулся из кухни и помахал прихваткой. – Будешь обедать? Я намутил плов!

С легким сожалением вспомнив про рассыпавшиеся по полу пироженки, я крикнула:

– Да-а-а! То есть приве-е-ет!

Все же не судьба мне, видимо, насладиться этим самым фирменным «рафинадом». Хотя, может, Ян сумеет его сделать? Наверное, он сможет приготовить любое блюдо на свете...

Мы пообедали, потом посмотрели сериал, потом я сказала, что хочу побыть одна, и слушала книжку про морские путешествия, потом, уже ближе к вечеру, вернулась Женечка... А я все не могла понять, что не так... В атмосфере квартиры что-то неуловимо изменилось. Чего-то не хватало, такого привычного, такого...

– Ла-а-ар, – Женечка заглянула ко мне в комнату. – Ты не знаешь, что с Мышкой?

Точно! С момента моего прихода кошка не показывалась на глаза. Хотя раньше всегда встречала и мурлыкала, когда бы я ни вернулась

домой – днем или ночью.

– А что с ней?

– Забилась за диван и отказывается выходить. Дрожит. – Женька чуть не плакала. – Это что, к ветеринару надо ее? Срочно? Или подождать?

– Может, Ян знает? – Я отложила наушники. – Он вроде в кошках неплохо разбирается.

Мы с Женечкой направились на кухню, где нам досталось по засахаренной сливе, но никакой полезной информации о том, что случилось с Мышкой и что теперь делать.

– Может, она испугалась чего-то? – Ян пожал плечами. – Я тут уборку без вас затеял. Шумел сильно. Уронил пару тарелок... Давайте до утра подождем? Жень, попробуй ее напоить хотя бы, не есть они долго могут... И давайте поужинаем, что ли.

Вроде ничего серьезного не случилось. Но я почувствовала, как опять начинают дрожать руки и наворачиваются слезы на глаза. Надо рассказать все Яну. Или нет. Не сейчас. Легче во сне. Поплакать у него на плече и попросить успокоительной ласки. Уж он придумает. Он что-нибудь придумает.

Но, как назло, у меня долго не получалось заснуть. Я вертелась, пытаюсь удобно устроиться, мысли все время возвращались к словам Ольги, я волновалась о Мышке, потом задумалась... Интересно, а Ян так и спит на кухне? Или ночью он приходит сюда? А если закрыть глаза и только сделать вид, что я сплю... Он не найдет меня во сне, и что тогда?.. «Вот и попробуй, поставь эксперимент», – внутренний голос тоже был отвратительно бодр. «Вот и поставлю!» – отозвалась я, свернула из простыни и подушки гнездышко и стала ждать.

Прошло полчаса или час... Я уже начала проваливаться в дрему, как тихо скрипнула дверь. Сон как рукой сняло.

Тут на кровать кто-то запрыгнул. Мышка! Я облегченно выдохнула. Значит, с ней все в порядке. Потянулась, будто в полусне, чтобы обнять кошку, но тут дверь снова скрипнула. В луче света из коридора показался черный силуэт. И прошипел:

– Отойди от нее.

– Мр-р-р-р?

– Ты не имеешь права защищать ее. Она не твоя хозяйка.

– Мр-р-р-р!

– Да, я стер твои знаки на двери. Но в обмен подарил тебе еще одну жизнь. Это честный обмен.

– Mr-p-ряу!

– Всего год или два. В контексте человеческой жизни – почти ничто.

– Mr-p-p-p-r!

Я почувствовала, как сквозь простыню в мое плечо впиваются коготки, и чуть не закричала. Еле сдержалась.

– Последнее предупреждение. Ты хочешь драться? Правда? Со мной?

– Mr-p-p...

– Убирайся к своей хозяйке. Это моя территория по праву сильного. Брысь!

Он тихонько хлопнул в ладоши, и Мышку как ветром сдуло.

Потом подошел, сел на кровать и положил на меня тяжелую теплую руку... И я провалилась в сон.

Обняла Яна, уткнулась в плечо и заплакала.

– Дурацкий день! Дурацкий универ! Дурацкие все! – Я по-детски всхлипывала, и слезы текли рекой, прочерчивая дорожки по гладкой горячей коже демона, а он обнимал меня и будто укачивал.

– Тихо-тихо-тихо... Тихо...

Немного успокоившись, я хотела узнать у него, что он не поделил с Мышкой, вытерла глаза... Но вместо этого почему-то спросила:

– Ты любишь меня? Правда?

– Больше всех на свете, – ответил Ян.

– А мы можем... пожениться? Или у тебя нет человеческих документов?

– Конечно, можем, – засмеялся он и поцеловал меня в нос. – Ты из-за этого расстраиваешься? Прости, что сам не догадался предложить раньше.

Он коснулся моих губ, и печали и горести растаяли без следа. Ночная магия вступила в силу.

На следующий день, когда я снова натянула дурацкое платье и медленно причесывалась перед зеркалом, Ян заглянул в комнату:

– Тебе опять в университет?

– Нет. – Я запнулась на секунду. – Мне нужно съездить к родителям. Рассказать о свадьбе. Знаешь, отцовское благословение и все дела...

– Знаю, – серьезно кивнул демон. – Мне поехать с тобой? Чтобы продемонстрировать силу заботы и любви? Могу срочно испечь торт, чтобы улучшить впечатление!

– Нет. – Я задумчиво покачала головой и пошла к шкафу искать заколки. Волосы за месяц и вправду отросли, и креативная стрижка превратилась в микс стилей «гнездо на голове» и «крысиные хвостики висят сосульками». – Сначала надо их... подготовить.

– Ладно, – согласился Ян. – Хорошей поездки!

– Спасибо! – крикнула я ему в спину.

Ну чем не идеальный мужчина? Такой милый. Тем более неприятно было его обманывать.

На самом деле мнение родителей меня интересовало меньше всего. За последний год наши дороги разошлись, и как-то очень наглядно стало ясно, что раньше нас вместе держали только привычка и необходимость жить в одной квартире. Теперь же их заботили только мои оценки и финансовые обстоятельства, номинальные признаки благополучия и отсутствие проблем. Созванивались мы пару раз в неделю, общались сухо, скучали... наверное, скучали, но не особо это демонстрировали.

Так что ехала я не к ним, а к бабушке. И ведь не сказать, что мне очень нужно было ее одобрение или неодобрение... Просто интуиция в голос вопила: поговори с ней! Просто поговори. Бабушка всегда поможет. И демону об этом знать необязательно. Каким бы любимым он ни был!

Дорога показалась мне ужасно длинной. Как будто пришлось не два часа на метро ехать, а идти двое суток по бездорожью. Люди ужасно бесили, шум не давал сосредоточиться на книге, было душно, ноги натурально не держали... И, как нарочно, народу битком, не сядешь! Еще в честь первого сентября отовсюду торчали букеты, школьники и их родители. В прошлые годы они меня почему-то совсем не волновали, а в этом – будили внутри глухое раздражение.

Так что, подходя к бабушкиному дому, я была злая и уставшая. А подъем на третий этаж и вовсе доконал: пришлось отдыхать после каждого пролета.

Три звонка, и дверь распахнулась. Я внутренне напряглась и уже приготовилась ошетиниться иглами, как ежик, в ответ на замечание о моем внешнем виде или на вопрос, почему так долго не заезжала... Но бабушка просто улыбнулась мне. Обняла и прошептала:

– Привет!

– Привет! – Я уткнулась носом ей в шею и засопела от полноты чувств.

– Какао? – спросила она меня, не переставая обнимать.

– Какао!

Мы пришли на солнечную кухню, сели за стол, и Матвей сразу по-хозяйски запрыгнул ко мне на колени. Деловито обнюхал, потряс головой, фыркнул, чихнул и покрутился на месте. Потом свернулся калачиком и подставил пузо: гладь! Я запустила пальцы в медовую шерсть, закрыла глаза и улыбнулась.

– Как дела? – Бабушка придвинула ко мне темно-синюю кружку с какао.

– Я же не могу одновременно пить и рассказывать...

– Тогда реши, что важнее, и делай по порядку.

– О'кей. – Я отхлебнула большой глоток и закашлялась. – Я...

Мы... Слушай. Я тут влюбилась.

– Тебе с ним хорошо?

Вот оно, главное отличие бабушки от родителей. Они бы первым делом спросили, кто он. Чем занимается, где работает или учится. Кто его родители. Как мы познакомились. Все как положено. А бабушку волновало не то, что положено, а самое главное.

– Очень.

– Но есть какое-то «но»?

– Да. Мне почему-то страшно. Понимаешь, он мне идеально подходит, он очень классный, и я до вчерашнего дня думала, что... Короче, мы решили пожениться.

– Вы решили, но ты хочешь услышать мое мнение?

– Да.

– Гугл не помог? – бабушка в своем репертуаре, блин.

– Нет. – Я пожала плечами. – Не смогла запрос написать нормально.

– Если тебе действительно важно, что я скажу... – Бабушка медленно и очень сосредоточенно взяла щипчиками кусок сахара и опустила его к себе в чашку. – То я бы не советовала тебе выходить замуж. Пока.

– Почему?

– Потому что у тебя глаза потухшие. Помнишь, я говорила тебе про карты и часть души? С любовью то же самое. Когда сильно влюбляешься, отдаешь часть себя другому. А дальше как пойдет.

– В смысле?

– В смысле, можно отдать часть души, а потом получить взамен гораздо больше. Целый мир и еще немного в придачу. Или вырастить взамен отданной части сердца новую. Еще сильнее и горячее. Но может случиться так, что ничего не отрастет. Завянет. И тебя затянет болотной ряской. И будешь рядом с человеком не потому, что он дарит крылья за спиной, а потому, что привыкла. Или потому, что жаль расставаться.

– Я же с ним не...

– Тсс, – бабушка покачала головой. – Вот поэтому я и прошу тебя подождать. Пройдет время, и ты поймешь окончательную сумму сделки.

– Звучит как-то очень... расчетливо.

– Это потому что я очень домовитая и жадная. – Бабушка подошла и погладила меня по голове. Как в детстве. И время как будто повернуло вспять. – Мне нравится внучка с огнем в глазах. Веселая. Сильная. Готовая горы сворачивать. И мне эти внучкины свойства разбазаривать не хотелось бы.

– А если...

– А если что, то приеду с ним знакомиться. И погрожу поварешкой!

Я тут же представила кулинарный поединок бабушки и Яна на кухонной утвари и рассмеялась так сильно, что даже Матвей свалился на пол и возмущенно возопил.

Потом мы продолжили пить какао, гладили Матвея в четыре руки, уютно молчали, и мне до смерти не хотелось уезжать. И одновременно

хотелось. Меня тянуло домой. Всего несколько часов прошло, а я уже скучала по Яну.

Когда я наконец вышла из бабушкиной пятиэтажки и зашагала к метро, на небе начали собираться тучи, а туман в голове, наоборот, чуть рассеялся. Что-то я и вправду слишком расслабилась. Надо прояснить вопрос с Мышкой, спросить, что там за стертые знаки, а еще запросить биографию Яна... Ну, чисто для порядка. В конце концов, молодожены должны знать друг о друге больше, чем «кот-демон». И все будет хорошо. Непременно.

Тут звякнул телефон в кармане.

Я достала его и прочитала сообщение: «Привет! Прости, я в лесу была, там связь плохая, потом забыла про твой вопрос. А сейчас делаю бэкап чатов и нашла неотвеченное. Еще актуально?»

Я даже не сразу поняла, кто это. О! Ленка и мой вопрос про имя Яна!

«Да, привет! Очень актуально:))»

«Если на китайском, то 仙狸 читается как сэнри, а на японском – сяньли».

«Спасибо!»

Я зашла в метро, дождалась поезда – он был почти пустой, вот удача! – уселась в торце вагона и успела забить «кот сэнри» в поисковую строку, пока связь не пропала на перегоне. Телефон подумал немного и через минуту выдал ответ:

«Божественные леопардовые кошки с духовной силой небожителей. Принимают облик красивых мужчин и женщин, чтобы красть у людей силу. Находят жертву, соблазняют и выпивают из нее жизнь».

15.3

Я вышла из поезда на станции «Деловой центр» и вместо того, чтобы пересесть на другую ветку метро, поднялась наверх и начала бездумно бродить по «Афимоллу». Магазины, витрины, покупатели, продавцы, запах косметики, скидки, атриум с высоким потолком и будто парящими в воздухе люстрами, лифты и эскалаторы, стекло и бетон, кафе и запах кофе... У меня устали ноги, хотелось хоть на

секунду остановиться и отдохнуть, но едва я останавливалась, как меня догоняли мысли. А я пыталась от них убежать! Я всего лишь пыталась от них убежать! Иногда, забывшись, лезла в сумку, касалась телефона и тут же отдергивала пальцы, как будто он мог меня укусить. Мне отчаянно, по-детски, безоглядно хотелось отменить события последнего часа.

Почему я не могла ответить на вопрос Ленки: «Нет, неактуально»?

Почему она вообще мне написала? Зачем она затеяла этот чертов бэкап чата?

Почему мне именно эта строчка попала на глаза, а не другой перевод иероглифов – «енот-оборотень», который шел третьим или четвертым на странице выдачи?

Почему, почему, почему?..

Главное, почему он так поступал со мной?

Я бессильно сжимала кулаки и пыталась не плакать. Но получалось плохо.

В итоге я забрела на верхний этаж торгового центра и буквально свалилась на диванчик в холле кинотеатра. Сидела там, всхлипывая и вытирая слезы.

Многие знания – многие печали.

О, как наглядно я познала истинный смысл этой поговорки. Раньше-то я считала по-другому. Мол, как это информация может быть во вред? Больше знаний – больше преимуществ! А теперь...

Здравый смысл робко пытался утешить меня. Хорошо, что ты, Лара, узнала об этом сейчас, а не через пару лет. Правда?

Но сердце не желало слушать. Я влюбилась. Изо всех сил. Действительно как будто отдала часть себя. Проросла в Яна всей своей сущностью. Привыкла считать его своим. Успела распланировать жизнь вперед на много лет. Как-то утвердилась в мысли о том, что это моя судьба. Моя настоящая судьба.

Странно. Ужасно странно, что я не задумывалась об этом, по сути. Но уже, оказывается, решила внутри себя. Как будто что-то щелкнуло. Как будто пазл сошелся. И теперь...

Теперь что, придется вырывать его из сердца? С мясом и кровью?

На этой мысли меня начинало трясти, и слезы снова лились и лились.

Не-хо-чу. Не-мо-гу.

«Но надо!» – гнул свою линию внутренний голос. Надо же. В кои-то веки выступал на стороне разума.

Надо. Но как?

Сказать демону: «Мне надо немного подумать перед свадьбой, давай сделаем паузу?» Или: «Ты обещал мне, что отступишься, если я попрошу?»

Ага. И где гарантия, что он согласится?

Где гарантия, что он послушается меня?

И вот тут на сцену выходила другая мысль. Сладко-ядовитая. Может, оставить все, как есть? Если он сказал Мышке правду... То чего стоит пара лет жизни в сравнении с настоящей любовью? Не очень-то большая плата. Не очень.

«А если он врал? Если он соврал кошке так же, как соврал тебе? – не унимался внутренний голос. – Если он выпьет у тебя не год и не два? А три, четыре, пять? Если он натурально сожрет тебя... А ты и рада, да?»

Нет, не рада. Ничему не рада.

Какой выбор ни сделай, он окажется болезненным.

Когда не можешь ни уйти, ни остаться. И ничего не выбирать тоже нельзя. Ведь не может монета вечно вращаться на ребре. Орел или решка. Да или нет.

В конце концов слезы кончились. Не потому, что мне стало легче. Я просто устала плакать. Навалилась какая-то безысходность.

«Ладно, – решила я. – Подумаю об этом вечером. Сейчас надо успокоиться и ехать домой. И уже там выбирать... Плюс-минус мгновение ничего не решает. В контексте нескольких лет жизни. Так?»

У меня даже получилось нацепить на лицо маску «все нормально», когда я зашла в квартиру. Хотя она все равно не сработала. Ян тут же спросил:

– Что-то случилось?

– Да, – выдавила я. – Отец был... не очень рад. Все эти скоропалительные свадьбы, бу-бу-бу, а ты точно не залетела? А он точно нормальный?

– И что ты ответила?

– Нет, не залетела. Да, нормальный. – Я обняла демона, потом протиснулась мимо него в коридор. Спросила безразличным голосом: – Как там Мышка? Все еще скрывается?

– Не знаю, – ответил Ян. Я оглянулась и посмотрела в его абсолютно честные глаза. – Наверное, опять в комнате у Женечки сидит.

– Наверное... – пробормотала я.

Днем я так и не решилась заговорить с ним.

Вечером тоже.

Решила, что утро вечера мудренее...

Через три дня смелости у меня так и не прибавилось.

15.4

Каждый вечер я твердо убеждала себя в том, что грядущая ночь – последняя. И как только наступит утро, я найду в себе силы поговорить с демоном. Просто поговорить. Вдруг поможет и не понадобится никаких крайних мер? Расстанемся, как обычные люди. Ведь расставание – это вовсе не трагедия... Главное – не психовать, а конструктивно общаться. Кажется, так говорят психологи, да?

Но все слова из умных статей и книжек, советы «как пережить расставание»... Ничего не работало. Заранее не работало. Мне было чуть ли не физически больно думать об этом.

Мои ночи были пронизаны щемящей нежностью и чувством утраты. Наши ночи. Когда думаешь, что больше никогда не сможешь прикоснуться, поцеловать, обнять, соединиться с ним... Чувства обостряются во сто крат. Стирается грань между болью и удовольствием. Я не могла надышаться его дыханием, насладиться его вкусом, согреться его теплом. Обнимала крепко, насколько хватало сил. Прижималась к горячей влажной коже, двигалась так, будто мы одно целое, забывалась у него в руках...

А потом наступало утро, и решительность покидала меня. Совсем.

Сначала я говорила себе, что не стоит портить завтрак печальными разговорами, потом время катилось к обеду, и мы слишком уютно молчали, чтобы это молчание разбивать на осколки. Ну, за обедом точно не стоило портить настроение – ни себе, ни Яну... Потом я забывала о своем решении. Вспоминала только за ужином, но там и до ночи недалеко, и я откладывала объяснение на утро.

На четвертый день к вечеру я все же сделала попытку вырваться из этого круга умолчаний.

– Послушай... – Говорить мне было тяжело, как будто слова превратились в огромные камни. И чтобы произнести каждое, надо было затащить его на вершину горы. – Я тут подумала...

– Что? – улыбнулся Ян.

– Говорят... для остроты ощущений...

– М-м-м. Кого-то потянуло на горяченькое? И что же ты придумала?

– Перерыв. Я бы хотела сделать перерыв... – И тут я не смогла, просто не смогла сказать «в наших отношениях». Язык не повернулся. – В сексе. На одну ночь. Хочу по тебе... соскучиться посильнее.

Ян, кажется, немного удивился:

– Хорошо. Если ты думаешь, что это тебе понравится...

Я кивнула и молча вышла из кухни.

Это оказалось ужасно. Гораздо хуже, чем я ожидала. Настоящая ломка. Я не могла заснуть. Меня буквально колотило, трясло крупной дрожью, зубы стучали. То накатывал прилив жара и пот лился рекой, то мне становилось ужасно холодно и я лезла в шкаф за зимним одеялом. В районе солнечного сплетения ныло, как будто меня кто-то ударил. С каждым часом все сильнее и сильнее. Потом пришла паника. Мне стало страшно, ужасно страшно! Казалось, что не хватает воздуха! Я задыхалась. Хотелось вскочить и бежать на кухню, проверить, там ли Ян. А вдруг он ушел, а вдруг...

Если бы я в теории не знала, как выглядит паническая атака, то сдалась бы сразу. А так героически продержалась почти всю ночь. Но когда небо за окном посветлело, меня начала мучить жажда. Такая, как будто я сутки шла по пустыне без запаса воды и если срочно не попью, то умру. Слюна стала липкой и не проглатывалась.

Я зажмурилась, прижала пальцы к вискам и медленно, размеренно считала этих треклятых овец... три тысячи девятнадцатая, три тысячи двадцатая, три тысячи двадцать первая... Все. Я больше не могла лежать.

Встала и босиком, на цыпочках, отправилась на кухню. Там на подоконнике сидел Ян с чашкой кофе в руках и смотрел на светлеющее

небо. Я подошла к нему, обняла и прижалась щекой к его спине. И вмиг почувствовала, как мне становится лучше.

Как будто припала к источнику с драгоценной водой.

Как будто вернулась домой. Обрела себя.

Холод и жар отступили.

Я вновь ощутила спокойствие и радость. И уверенность в том, что все будет хорошо. Как же мне этого не хватало ночью!

«Он как наркотик, – грустно констатировал внутренний голос. – Ты на него подседа. Но надо сле...»

«Заткнись!» – мысленно всхлипнула я, понимая, что теперь решиться будет еще тяжелее.

На пятый день Ян с утра ушел на рынок за какими-то хитрыми травами, чтобы приготовить «божественное ризотто с тыквой, вы пальчики оближете!» А я слонялась по квартире туда-сюда с его картой. Потом взяла счастливую монетку, привезенную из Египта несколько лет назад, уселась на пол посреди коридора и подбрасывала ее. Если орел, то надо порвать карту. Если решка, то оставить все как есть. Выпал орел, и я ничего не сделала. Выпала решка, и я нервно засмеялась. Продолжила бросать снова и снова... Как будто монета способна совершить чудо.

Потом заглянула в комнату Женечки. Она была на занятиях, на которые мне стало теперь наплевать. Тихо позвала:

– Кс-кс-кс! Мышка!

Та осторожно выглянула из-за дивана. Медленно пошла в мою сторону. Уселась, не доходя метра полтора. Посмотрела в глаза.

– Тебе демон запретил ко мне подходить?

– Мяу.

– Ты сначала думала, что он хороший, да?

– Мя-а-ау.

– А потом поняла, что...

– Мр-р-р-р-р-р. Р-р-р-р.

– Вот так мы вдвоем в нем ошиблись. И ты, и я.

Мышка легла и спрятала голову под лапками. Грустно засопела.

– Те защитные знаки на двери, которые я видела... Это ты их нарисовала?

– Мяу!

– Чтобы защитить нас?

– Мя.

– А он их стер. Но он же говорил, что немного жизни заберет у меня. Может, ничего страшного?

Тут Мышка вскочила, выгнула спину и зашипела. Я даже вздрогнула и обернулась, не стоит ли демон у меня за спиной.

– Ты думаешь, он врет?

– Мя-а-а-а-ау!

– Но я не могу. Просто не могу.

Я закрыла лицо руками и стояла, покачиваясь с пяток на носки и обратно, пока не услышала, как в двери поворачивается ключ. Успела выскочить из комнаты, прикрыть дверь и сделать вид, что шла в прихожую встречать Яна.

– Почему мы никуда не выходим? – спросила я его после обеда.

– Лень, – просто ответил он. – Да и что там хорошего? Вон дождь собирается.

– Может... сходим в кино?

– Как хочешь. – Он пожал плечами. – Попкорн там купим или мне заранее приготовить?

Через полчаса мы вышли из дома и, держась за руки, побрели в сторону кинотеатра. Уже через пять минут я запыхалась.

«Что-то ты быстро уставать стала, – прошептал внутренний голос. – Ты думала, что это все жара, да? Что-то мне кажется, не в жаре дело...»

Я задрала голову и выглянула из-под зонтика, посмотрела на серое, унылое небо и получила крупной каплей по носу. А ведь раньше я любила гулять. И любила дождь. Теперь же это казалось какой-то далекой, прошлой жизнью. Интересно, через сколько месяцев я так обессилю, что не захочу... не смогу выходить из дому? Или не месяцев, а недель? А на другой чаше весов вопрос: «Сколько ночей ломки я выдержу, не сойдя с ума? Одну? Две?»

– Что-то ты грустная, – заботливо сказал Ян. Взял меня за подбородок, повернул к себе. – И мыслями далеко витаешь. Как будто не рада или не хочешь меня видеть.

Я внимательно посмотрела ему в глаза. Подумала: «Да пошли вы все к черту!» И медленно, отчетливо произнесла:

– Что ты. Я очень... Хочу тебя видеть.

Ян даже в лице не изменился. Все так же продолжал нежно улыбаться, глядя меня по щеке. По куполу зонта уютно барабанил дождь. Как будто ничего не случилось. Я даже на мгновение подумала, что не сработало. Что магия колоды предала меня так же, как и любимый демон.

Потом я перевела взгляд чуть в сторону и увидела...

Он стоял на другой стороне дороги, которую мы как раз собирались переходить. Движущиеся машины и автобусы то и дело заслоняли его от меня, за пеленой дождя сложно было толком разглядеть лицо, но у меня не было ни капли сомнений.

Это демон, который пришел на зов.

Я сразу его узнала. В отличие от остальных.

Память сохранила отпечаток его образа на внутренней стороне век. Навсегда.

Ошибки не было.

Именно из-за его портрета я и взяла тогда у Ольги эту проклятую колоду! Именно он подтолкнул меня к роковому решению. Именно он...

Я закрыла глаза на мгновение и вспомнила, как это было. Я, кажется, даже задохнулась. Показалось на миг, что это я превратилась в мужчину и посмотрела на себя в карманное зеркальце. Или это мой брат-близнец из параллельного мира? Знакомый с первого взгляда и до последней детали. Тот, кто всегда поймет, прочитает мысли и никогда, никогда не поранит сердце досадным несовпадением, неловкостью или подлостью. Который будет любить и беречь так, как я сама никогда не...

«Представляешь, – прошептал внутренний голос, – если бы ты решила остановиться на Яне, так и не призвав следующего... Ты бы так его и не увидела вживую, понимаешь?»

Я открыла глаза.

– Нам зеленый, – сказал Ян и потянул меня за руку. – Ты чего застыла?

– Я... ничего.

И мы пошли. Все ближе и ближе к тому демону. Он стоял без зонта, сунув руки в карманы джинсов, промокший насквозь, с

прилипшей ко лбу челкой, и смотрел на нас, не мигая. Что будет? Сердце у меня колотилось все быстрее. Что сейчас будет?

Потом мы поравнялись.

Демон шагнул вперед, заступая Яну дорогу. А тот... засмеялся. И протянул ему ладонь:

– Давай знакомиться. Ян.

Демон усмехнулся, не вынимая руки из карманов.

Ян пожал плечами:

– Ты загадочный? Или просто невоспитанный? Мы тут в кино собрались. Хочешь с нами? Дневной сеанс, не слишком популярный, думаю, рядом свободное место найдется...

Я слушала и не понимала, что происходит. Они же должны драться? Так это работает? А Ян улыбался и продолжал паясничать. По интонациям было ясно, что разговор его крайне забавляет.

– Или ты не любитель киноискусства? Можешь тогда подождать пару часов. Позовем на чай. Лар, мы же позовем этого молчаливого демона на чай, да? Или на кофе. Или знаешь что... Если с манерами у тебя совсем беда, то приходи сразу ночью. Если Лара будет не против, развлечемся втроем. Ты как предпочитаешь? По очереди или...

– Эй! – Я дернула Яна за рукав. – Какое втроем? Ты совсем обалдел?

– Нет, – показательно обиделся он. – Я просто играю роль радушного хозяина. Искренне радуюсь появлению коллеги. Прилагаю все усилия, чтобы ему сразу стало уютно и весело. Да?

И медленно повернулся к демону. Губы растянулись в стороны, обнажая огромные нечеловеческие клыки. На миг показалось, что из-под человеческой маски показалась морда хищного леопарда. А потом наваждение исчезло, и рядом со мной снова стоял Ян с мягкой, доброй и приветливой улыбкой.

– Я не собираюсь драться, – промурлыкал он почти нежно. – Не надейся. Хочешь увести у меня девушку? Придется действовать приличными методами.

Отдал мне зонт, поднял руки на уровень лица и громко хлопнул в ладоши:

– Брысь!

Я моргнула от неожиданности.

Демона перед нами уже не было. Исчез.

– Ишь, – умилился Ян. – Сработало. Какая, однако, у него тонкая душевная организация. Так быстро оскорбился.

Потом повернулся ко мне.

– Надеюсь, ты не обиделась? Насчет ночи я бы обязательно спросил твое мнение... Но вообще я думал, что если у нас возникнут проблемы в постели, ты сначала поговоришь со мной один на один, прежде чем звать третьего лишнего.

– У нас не в постели проблемы!

– А где? – Ян забрал у меня зонтик и взял за руку. Как ни в чем не бывало. Как будто мы вот реально сейчас возьмем и продолжим путь в кино, и купим попкорн, и все будет в порядке!

– Ты мне врал!

– Никогда.

– Ты не говорил, что берешь мою жизнь!

– Ты не спрашивала. К тому же я беру совсем чуть-чуть... Мне же надо как-то существовать в этом мире. И делаю тебе много хорошего в ответ. И люблю. Справедливый обмен!

– А...

– Ты меня, кстати, тоже любишь. Или нет? Мне уйти?

– Нет! – Я не успела подумать, ответила на автомате, первое, что прыгнуло на язык, и тут же поняла, что боюсь... ужасно боюсь, что он действительно уйдет. Господи, что я натворила!

– Но если ты просто хотела поглядеть на драку, то ее не будет. Я уже говорил, что не люблю насилие.

– А если не драка, то...

– А это уже тебе решать. Я тебя люблю, и если тебе хочется, то я готов терпеть этого... – Он сделал паузу, подбирая слово. – Этого кандидата сколько угодно. Встречайся с ним, общайся с ним, приводи на званый ужин, приноси ему кофе в постель.

– Ты как-то очень спокойно это говоришь.

– А я не ревнивый. И уверен в себе. – Ян серьезно посмотрел на меня. В кои-то веки в глазах у него не было ни хитринки, ни смешинки. – Демоны, знаешь ли, довольно зловредный народ. Кто-то получше, но все же в большинстве случаев похуже. Хотя кому я рассказываю, да? Рано или поздно он сделает ошибку. Сделает тебе больно. Начнет угрожать, или давить, или испугает... И кто же тебя будет утешать в таком случае?

– Неужели ты?

– Именно. Только береги карты, чтобы не отобрал. Если что, я защищу тебя, но его убивать не буду. Сама проблему создала, сама с ней и разбирайся.

– Ты так просто об этом говоришь.

– А что тут сложного? – Ян вздохнул. – Слушай, мы вроде шли в кино. Но если будем стоять тут и разговаривать, то опоздаем. Идем? Или ты передумала?

И мы пошли.

Как будто все в порядке.

И взяли попкорн с клубничным вкусом.

Только вот фильм я совсем не помню.

Даже название.

Потому что в голове всю дорогу рефреном звучало: «Что я натворила? Что. Я. Натворила?»

15.6

Когда мы вернулись домой, мне уже казалось, что этой встречи не было. Просто еще один эпизод... фильма. Не про меня. Не про нас. Ян вел себя как обычно, в его словах и жестах не сквозила обида или уязвленное самолюбие. Готовил ужин, обнимал меня, шутил... А я дрожала как осиновый лист на ветру. Боялась, что вот-вот он скажет: «Давай продолжим серьезный разговор...» Или не придет ко мне ночью. Или просто... уйдет. Нет, об этом было просто невозможно думать без боли!

Но когда я заснула, попала в его объятия – как обычно. Такие же крепкие, нежные, надежные... как я вообще могла задуматься о том, чтобы променять его на кого-то еще? Он снова делал мне массаж, медленно скользил ладонями вдоль позвоночника, разминал закаменевшие мышцы, прогонял беды и печали. Под его пальцами таяли боль и неловкость, страхи и темные мысли... оставались только запах массажного масла – сегодня мандарин с ванилью – и приятное тепло. Потом мы целовались, медленно и нежно, сплелись языками – не расцепить! Его кожа пахла тропическими фруктами, и мне было

сладко до головокружения и кисло так, что по всему телу от вкусовых рецепторов будто пробегали разряды тока.

В этом сне простыни были из белоснежного шелка, и легчайший балдахин – как облако над кроватью на берегу бирюзового моря. Волны шептались и шелестели, чуть слышно накатываясь на берег, а воздух был неподвижен – ни ветерка. Я чувствовала, как меня укачивают на огромных ладонях лень и роскошь: глянцевые фотографии отелей на Мальдивах или в Тае и близко не передавали той неги, что была сейчас разлита в моем сне...

Тут резко закричала какая-то птица. Я вздрогнула.

Снова тот же крик.

Я ахнула и подскочила на постели в своей комнате.

Будильник! Меня разбудил будильник. За последний месяц я так редко его ставила, что уже успела забыть, как это – просыпаться не по желанию, а насильно.

На экране смартфона мигала заметка: «Шестое сентября. Заявление в деканат. Мария Викторовна». Черт. Как я могла забыть?

На секунду я даже малодушно подумала, что можно никуда не идти. Ни сегодня, ни завтра. В конце концов меня просто отчислят... без лишних проблем. «Угу, – согласился внутренний голос. – И вы с Яном пойдете жить на крышу, когда родители перестанут платить за аренду комнаты? И сразу поймут, как благотворно будущий муж влияет на твою учебу!»

Представив эту картину, я фыркнула и встала с кровати. Лара. Всего один раз сходить в универ – это что, подвиг? Решила – значит, иди. И хватит ныть. Даже мысленно. Следуй за белым кроликом, то есть за Женечкой. Пусть она послужит тебе моральным и физическим ориентиром. Блин, кто бы сказал мне подобное всего полгода назад, я бы очень долго смеялась!

Правда, это усилие воли стоило мне всего запаса энергии, отмеренного на шестое сентября. К моменту выхода из метро я зевала во весь рот и ужасно хотела спать. Даже заскочила... то есть заползла в кафе и взяла двойной эспрессо с горькой шоколадкой, чтобы наверняка взбодриться. Это помогло минут на десять. Ну хоть до универа дошла.

– ...Пойдем? – Женя тянула меня за рукав.

– Куда?

– Ты опять не слушаешь! – Она картинно закатила глаза. – Давай на лекцию вместе сходим, потом я с тобой в деканат... Все равно они пока толком не работают и тебя не примут. Пока чай погоняют, пока бумажки разгребут...

Ну вот. И зачем я просыпалась так рано, спрашивается?

– Пойдем.

Лекцию читали для всего потока, в огромной аудитории-стекляшке. Я забралась на самый верх, уселась за парту и достала из рюкзака блокнот с прошлогодними заметками и рисунками. Начала его листать, чтобы убить время... Батарейка в телефоне, как и внутри меня, садилась, и я опасалась, что если включить аудиокнигу, то на всю лекцию и на обратный путь домой ее не хватит. Пробегала взглядом по страницам... Казалось, что блокнот принадлежит какому-то другому человеку. Я не могла вспомнить ни ситуации, ни свои мысли в тот момент, когда писала в нем. Слишком много произошло за лето. Как будто несколько жизней уместилось в какие-то три месяца.

Аудитория постепенно заполнялась голосами, одногруппники говорили мне «Привет!», я машинально кивала в ответ, не поднимая глаз. Потом пришел лектор, гомон улегся, пару раз хлопнула дверь, впуская опоздавших, и полилась монотонная речь – что-то по возрастной психологии. Идеально снотворная речь. Ох, спасибо, Женечка!

– Тут свободно? Ты не подвинешься? – прошептал кто-то сбоку. – Привет!

– Привет, – почти беззвучно и без энтузиазма ответила я, не поднимая головы. Пересела на соседний стул.

– Мы, кажется, не знакомы, – не унимался шепот. – Я Даня.

Я повернула голову... и обнаружила вчерашнего демона в полуметре от себя. Немного лохматого, невыспавшегося и с двумя стаканчиками кофе.

И лекция сразу перестала быть томной.

Глава 16

Даня

16.1

– Ты что, теперь с нами учиться будешь? – прошептала я первое, что пришло в голову.

– Типа того, – ответил демон, протягивая мне стаканчик. Я машинально взяла и отхлебнула кофе. И в тот же момент почувствовала, как действительность вокруг светлеет и обретает краски. Как будто я вынырнула из болота.

Изнутри этого болота внешний мир казался сереньким, а в груди у меня сидел будто голодный червячок, который требовал постоянно его кормить. Новыми вкусами, новыми книгами, новыми фильмами. Они почему-то казались более яркими, чем реальность. А теперь...

Я тряхнула головой. Что вообще происходит?

– Ты чего-то наколдовал?

– Наоборот, расколдовал. Чшш...

Я подняла глаза и посмотрела на лектора, который теперь расхаживал туда-сюда по проходу и очень неодобрительно поглядывал на нас.

Тем временем демон вытащил из своей сумки блокнот, вырвал оттуда листок бумаги и принялся сосредоточенно что-то строчить. Аж кончик языка от усердия высунул. Совсем как я, когда приходит умная мысль и нужно очень срочно и очень быстро ее записать.

Он действительно был очень похож на меня внешне. Тут же вспомнилось ощущение, которое возникло при первом взгляде в зеркало после «эльфийской» стрижки и укладки. Вроде образ знакомый, но показательно «не такой». Волшебный. Серые волосы с длинной челкой, тонкие черты лица, длинные нервные пальцы... А еще он немного походил на Никиту. Не настоящего, а такого, какого я представляла в мечтах.

Я поискала его взглядом. Никита сидел у противоположной стены, отгородившись от препода и всего мира сумкой-планшетом. Скорее

всего, слушал плеер, как обычно на лекциях. Интересно, они все еще встречаются с Женечкой? Как-то я совсем перестала интересоваться ее жизнью... И вообще, когда мы в последний раз толком разговаривали?

Тут демон тронул меня за локоть и показал взглядом на вчетверо сложенный кусок бумаги. Боже мой, записка!

– Мы будем общаться записками, как в школе? – Почему-то меня это ужасно развеселило.

– А у тебя какие-то предубеждения к печатному, то есть рукописному слову?

– А ты зануда?

– А мы так и будем разговаривать вопросами?

– А у тебя там написаны вопросы?

– Как ты догадалась?

Я беззвучно – чтобы не нервировать лектора (незнакомого, кстати! как я вообще заявила на предмет, не зная имени препода? позор какой!) – развернула записку и прочла:

«Можно позвать тебя на свидание? Сегодня, после занятий, локация «Воробьевы горы». Твой город классный, мне понравился (не с первого взгляда). Пойдешь?»

Внизу на бумажке еще было свободное место.

Поэтому я приписала.

«А что мы будем делать?»

Демон фыркнул, нагнулся к листку и написал:

«Целоваться?»

Потом посмотрел мне в глаза, покачал головой, преувеличенно тщательно взял последний вопрос в скобки и добавил: «Разговаривать?»

Места на бумажке осталось совсем мало. На одно короткое слово: «да» или «нет». Я нарочито медленно почесала карандашом за ухом, закусил губу, как будто задумавшись, а потом вывела НЕТ... и тут же перевернула лист и быстро дописала:

«Почему бы и...» и нарисовала стрелочку, ведущую к «нет».

После третьей пары я вспомнила, что так и не отнесла заявление в деканат. Сначала мы быстро сбежали из стекляшки, и я повела Даню на первый этаж, чтобы показать буфет и рассказать, какие пирожки нельзя брать ни под каким видом даже демону. Стоило представить себе, что это просто новый одногруппник – приятный в общении,

такой же зануда и заучка, да и в целом симпатяга, и я почти перестала волноваться и временно запретила себе ожидать подвоха. Хотя бы на ближайшую пару часов.

Потом пошли на ужасно интересное занятие по когнитивным тестам. Блин, я и забыла, как это круто – учиться, особенно когда предмет классный! Потом был факультатив, а я ж еще не решила, какой выбрать, решила сходить по половинке на два, отправила демона еще на третий, чтобы ничего не упустить...

Короче, когда Женечка выловила меня в коридоре и сообщила: «Наконец-то! Идем?», я сначала ее не очень поняла... а потом прояснилось что-то про то, что нужного человека сегодня нет и я, пожалуй, попытаю счастья завтра.

Идея о заочном обучении почему-то не выглядела такой привлекательной, как неделю назад. Это что же, сидеть дома и пропускать всю движуху? Чем я вообще думала, когда решила так поступить? Не-е-ет, требовалось еще раз взвесить все «за» и «против».

Когда мы вышли на улицу, я чуть было на автомате не пошла домой. Там ведь ждет Ян. И обед. И... Даня тронул меня за руку:

– Ау?

– Что?

– У тебя такой вид, как будто ты утонула в себе. Во, а теперь всплыла!

«Не в себе», – мысленно пробормотала я, а вслух сказала:

– Поехали.

В метро на нас наорала какая-то тетка, которая хотела протиснуться мимо с огромными сумками и думала, что мы телепатически постигнем ее намерения и посторонимся без просьбы. Потом эскалатор зажевал шнурок на кроссовке у Дани, и я успела испугаться, что мы сейчас рухнем с верхней ступеньки, словно костяшки домино. А на выходе из метро меня окатил грязной водой из лужи лихой водитель. Короче, полный набор хороших предзнаменований.

Но нет. До обзорной площадки мы все-таки дошли.

В честь буднего дня там не было свадеб и толп туристов.

Даня первым подошел к парапету, оперся на него и задумчиво проговорил, как будто для себя, но так, чтобы и я слышала:

– Наверное, мне вчера стоило исчезнуть раньше. Сразу, как только вас заметил... Притворился бы сегодня человеком. Попытался бы за тобой ухаживать без всей этой дурацкой предыстории.

– Ты и так исчез... довольно быстро.

– А что мне было там делать? – Даня хрустнул пальцами. – Я не могу ничего сделать твоему спутнику. Ни силой, ни магией, ни словом.

– Почему?

– Таковы правила. Ты вызвала его первым. Первый ход – его. Пока... если он его решит не делать, если он не применит силу, то я могу только пытаться увести тебя у него.

– Увести? – я покатила слово на языке. Как-то оно звучало... неприятно. Не для меня. Не про меня. – На веревочке? Будешь очаровывать меня? Затягивать в омут страстей?

– Вытягивать из омута, скорее. – Даня тряхнул челкой, потом закусил губу и сложил руки на груди. – Ты там довольно глубоко, кстати, почти на дне была.

– Да уж. – Я отвернулась. Ну и свидание. Идеальное. Я не понимала, что мы делаем. Пытаемся найти общее решение? Пытаемся поймать друг друга на слове? Пытаемся переиграть друг друга? И ведь не проверишь. И не поверишь. Кажется, я больше никогда не смогу никому поверить. А уж демону и подавно.

16.2

Я смотрела, как над Москвой чернеют тучи, и ежилась от налетающего ветра. Вдруг отчаянно захотелось вернуться в свою теплую уютную норку. Не высовываться оттуда и не дергаться. Плыть по течению. И ведь совсем недавно все казалось таким правильным и понятным. Известным наперед. Еще неделю назад я была уверена, что люблю Яна. А сейчас?

Я прислушалась к себе. Кажется, привязанность к нему была не просто наваждением. Даже вынырнув из «болотного омута», я продолжала любить сэри. За то, что подарил мне столько нежности, тепла, новых ощущений и спокойствия, как никто до него. И вопреки тому, что за свою любовь он брал слишком высокую цену.

А этот... Я ж его совсем не знаю. Что скрывается внутри Дани? Какой именно подвох? И как скоро он станет настолько явным, что не замечать его будет невозможно?

– Ну, и что в тебе плохого? – спросила я, повернувшись к демону. Он смотрел вдаль, прищурившись, и постукивал кончиками пальцев по парапету.

– Разве на свидании не принято спрашивать, наоборот, о хорошем?

– Разве у нас эталонное свидание?

– И вправду, как я мог забыть? Мы же не целуемся, а разговариваем, – усмехнулся Даня. – Тебе интересно все? Или только то, чего нет в тебе?

– При чем тут я?

– Вопросы-вопросы, опять одни вопросы, – издевательски пропел демон. – Твоя интуиция совсем молчит? Или ты просто хочешь, чтобы я это сказал вслух?

– Хочу! – И главное, не добавила, что еще хочу стукнуть его, чтобы не бесил. Какая же я нервная стала, ужас.

– У меня нет постоянного тела и характера в этом мире, я твое отражение здесь-и-сейчас. Все твои слабости, минусы, несовершенства... Я ужасно занудный, люблю копаться в себе, выедаю собеседнику мозг чайной ложечкой, очень принципиальный в некоторых моментах. Ботаник-заучка. Когда злюсь, то закрываюсь в себе вместо того, чтобы кидаться на врага. Подсаживаюсь на вкусы, запахи и воспоминания, прокручиваю их в голове бесконечно. Предпочитаю думать, а не делать. Сомневаюсь во всем. Продолжать?

– Даже как-то мягко прозвучало. Мама меня и похлеще прикладывала.

– Как хорошо, что у меня нет мамы. – Даня возвел глаза к небу. – Некому прикладывать.

– Ты одинок и свободен?

– Как ветер. Хотя почему «как». – Он махнул рукой, и по кронам деревьев внизу побежали волны, как будто кто-то бросил гигантский камень. – Восточный.

– Ого!

– Ага.

– И ты умеешь летать?

Даня расхохотался, а потом перемахнул через ограждение. Я даже пискнуть не успела. Бросилась к парапету, чтобы посмотреть, как он будет взлетать... взлетать же?.. И увидела тело на дорожке внизу. И ведь падать было совсем невысоко. Но он не шевелился.

Пока я неслась вниз, успела подумать только о двух вещах. Почему я так испугалась за него? И разве демон может умереть?..

Когда я добежала, вокруг уже толпились люди. Кто-то звонил в «Скорую», кто-то присел рядом и пытался заглянуть Дане в лицо. Но стоило мне подойти, как тот перевернулся на спину, прикоснулся к разбитому носу и с интересом уставился на пальцы, измазанные кровью. Потом растянул губы в улыбке:

– Это просто трюк. Спасибо за внимание.

Кто-то покрутил у виска, кто-то крикнул: «Достали пранкеры!», кто-то просто ушел... Господи. Как хорошо, что вокруг было мало людей и не вышло скандала, и... Демон поманил меня к себе пальцем и громко прошептал:

– Круто, да?

– Отвратительно!

– Вот этого в тебе как раз нет.

– Чего «этого»? Самоубийственных выходок на публику? – Я с трудом сдерживала крик. Почему я вообще с ним разговариваю? Почему я еще не развернулась и не ушла? Сумасшедший идиот!

– Мне нравится страх. Риск. Когда случайная смерть проходит рядом. Когда я приглашаю ее на танец. Американские горки с ограниченным сроком годности. Хочешь, прогуляемся по крышам ночью?

Глаза у Дани остекленели. Скулы заострились. И смотрел он сейчас совсем не на меня. Куда-то за пределы. И видел то, о чем я и знать не хотела. Потому что я ненавидела страх. Потому что где-то в глубине души мечтала только об одном: больше никогда не бояться. Как в том сне...

– Видишь, я тебе все карты раскрыл.

– Вижу. Но, боюсь, у нас с тобой ничего не получится.

– Может, и получится.

Он обхватил меня за шею, стекло в зрачках демона разбилось на тысячу осколков, и один попал мне прямо в глаз, а второй в сердце, и он пообещал мне весь мир и коньки в обмен на любовь и сказал:

– Ты просто не бойся.

И поцеловал.

Солеными холодными губами, неловко, как будто не по-настоящему, и думаешь, как это будет потом, на самом деле, и касаешься зеркала, зажмурившись... И не поймешь до последнего, то ли это твой двойник, то ли полная противоположность, потому что тебе не нравится, когда кусают за язык, и царапают щетиной, и вообще, мы же хотели говорить, а не...

Я отшатнулась от него и помотала головой.

– Нет! Тебе для верности в письменном виде изложить? НЕТ!

– Посмотрим! – крикнул он мне в спину. Но удерживать не стал.

Потом, уже в поезде метро, чем ближе я подъезжала к дому, тем сильнее чувствовала, как меня снова... затягивает. Мысли становились медленнее и ленивее. Жизнь становилась проще. Чувства – глуше. Ну прыгнул и прыгнул. Ну страх и страх. Ну разочарование и разочарование. Что мы, Лара, разочарований в жизни не видели? Сейчас надо заесть расстройство сладеньким, и все станет о'кей. «Омут, – вспомнила я слова Дани. – Я что же, добровольно еду в омут?» Но сил всерьез об этом размышлять вдруг не осталось.

Ну и ладно.

Подумаю об этом завтра. Скарлетт О'Хара одобряет.

16.3

На следующее утро я снова проснулась от звонка будильника.

Дежавю. Мне надо в университет, чтобы подписать заявление на заочное обучение. Или, может, лучше вообще в академ уйти? А что, идея... Я зевнула и с сожалением выбралась из постели. Почему я вчера не дошла до деканата? Ах, да, это же Даня помешал. Тут меня передернуло при воспоминании о его выходке на обзорной площадке. Ненормальный. Нет, демоны, конечно, все с сюрпризами, но этот...

– В этот раз не пойду с тобой на лекцию, – сказала я Женечке, еще когда мы только выходили из дома. – И так вчера полдня потеряла.

– Потеряла? А мне показалось, ты вообще передумала уходить с очного. Такая довольная была!

– Глупости какие! – зевнула я. Опять не выспалась, да что ж такое.

А потом, по мере приближения к универу, с интересом наблюдала за собой: как отступает сонливость, прибавляются силы, а заочное обучение снова начинает казаться дурацкой затеей. Как будто идет перепрошивка мозга: раз! – и часть эмоций и мыслей заменяются на другие. При этом я продолжала оставаться все той же Ларой. И в том, и в другом состоянии я ощущала себя собой. Никакой деперсонализации. Никакого ощущения чужого влияния.

М-м-м, интересно, а если в момент начала изменений выйти из метро и пойти пешком, у меня получится отследить процесс подробнее? Он же тогда, наверное, будет идти гораздо медленнее... Тут во мне проснулся исследователь. Вроде Форсмана, который сам на себе проверял, можно ли ввести в сердце катетер и не умереть при этом, или Бомбара, который без еды и воды поплыл через Атлантику, чтобы изучить влияние страха на потерпевших кораблекрушение. Чертов страх! Вот уж что ни на йоту не изменилось, так это раздражение по поводу вчерашней демонской выходки.

– Жень. – Я влезла в телефон, чтобы выставить дополнительный будильник. Мало ли, решу в помутнении рассудка отключить основной перед сном. – Если я завтра к завтраку не выползу, разбудишь меня?

– О'кей! – Женечка хлопнула меня по плечу. – Тебя укусила переменчивая муха?

– Какая-какая муха?

– Переменчивая. Вот паук цапнул Майлза Моралеса, и тот стал супергероем с паутиной из рук. А тебя цапнула осенняя муха, и у тебя теперь суперсила: менять решения по десять раз в день. Но если решишь вернуть прежнюю Лару...

– Вряд ли, – засмеялась я. Сложно будет вернуть прежнюю Лару. Почти невозможно.

Хотя Даня, например, пытался.

И сегодня.

И завтра.

И через неделю...

Моя жизнь в сентябре четко поделилась на две половины.

Домашняя, уже устаканившаяся, предсказуемая и лениво-приятная. Причем Ян ни разу не спросил, вижусь ли я с другим демоном, что я делаю в универе, какое у меня расписание и дальнейшие планы. Он неизменно радовался мне, баловал, укутывал в

плед, чесал за ушком и... кхм... грел по ночам. И мне было неизменно хорошо с ним.

Другая половина – на учебе, когда сонно-розовые очки пропадали и мир снова становился непредсказуемым, любопытным и жутко интересным. А еще в этом мире существовал Даня, который очень по-человечески, то неловко и по-дурацки, то непостижимо мило пытался за мной ухаживать. Хотя почти каждый день получал от ворот поворот.

То у меня в рюкзаке появлялась смешная бумажная лягушка – совсем как та, из прошлого, в паре с которой мы победили в забеге... то есть запрыге на продленке в пятом классе. То записка: «В тайном месте тебя ждет булочка с корицей и кофе! Вот карта и дорога к ним!» То демон держался пару дней и совсем будто не смотрел в мою сторону, а потом раз – и на краешке парты букет подснежников. Настоящих.

– Даня, – не выдержала я. – Откуда подснежники?

– Братец Апрель подогнал. – Демон даже показательно зевнул, мол, скучное это занятие – добывать цветы из сказок.

– А звезду с неба подгонит?

– Спрашиваешь!

И повел меня в планетарий смотреть на метеориты!

Я все время ждала от него подвоха и не могла расслабиться, не брала под руку и отказывалась, когда он предлагал проводить хотя бы до метро. Все боялась ужасных случайностей и гримас-той-стороны.

А Даня звал меня в кино, «на последний ряд, но не целоваться!», и предлагал сбежать с последней пары. Или в лес: «Там начали желтеть деревья, я проверял, красиво жутко, а еще живет лисичка!» Он был одновременно киношный и настоящий. Все время царапал краешек моего сердца. Рядом с ним я чувствовала себя... живой. Остро и до боли живой. Мне хотелось собирать листья клена с асфальта, смеяться под дождем, искать в мокрой траве грибы, фотографировать красивые дома, прыгать через лужи, бродить по тротуарам без цели и смысла... Я немного похудела, покрасила волосы и купила смешной полосатый шарф.

И как-то – не знаю, как это получилось! – сказала ему:

– Мне так жаль...

– Чего?

– Что у твоей карты есть обратная сторона, Эвр.

Он поморщился:

– Не зови меня старым именем. Не люблю. То есть ты хочешь сказать, если бы я не любил страх...

Я молча кивнула.

Мы сидели на ступенях Ленинки, золотистое осеннее солнце осыпалось на плечи оранжевыми конфетти, и даже в центре города неуловимо пахло костром и рябиной. Лето кончилось. Совсем.

Даня осторожно прикоснулся к моей щеке, провел дрожащими пальцами по шее, обхватил за плечи, притянул к себе и поцеловал. Быстро, порывисто, нетерпеливо. Мир вокруг стал будто прозрачным, все чувства обострились. Я услышала, как бьется его сердце под курткой, и как шелестят чужие шаги по тротуару, и как дышит город. А внутри меня нарастал и бился восторг. Смесь из наивной радости, удивления, а еще головокружение и капелька сумасшествия.

– Ты как шампанское, – прошептала я.

Даня рассмеялся и дунул мне в лицо. Вокруг поднялся ветер, которого секунду назад не было.

«Интересно, – подумала я. – Интересно, можно ли оставить обе карты открытыми... Навсегда».

Отличный выход, казалось бы. Ничего не решать. Не мучиться. Одного любишь, а с другим интересно. Домашняя рутина и нескучные свидания. Идеальный расклад. Наверное, кто-то ни на секунду не сомневался бы... Но мне стало так гадко, так противно от одной этой мысли, что я отшатнулась от Дани. Нет. Если Ольга права и карты действительно позволяют выбирать не других, а себя, то такая Лара, которая обманывает и предает, пусть даже демона, мне не нужна.

Даня посмотрел на мое изменившееся лицо и ничего не сказал. Просто встал и ушел.

А вечером, после ужина, кто-то позвонил в дверь квартиры.

16.4

Женечка собиралась куда-то идти («Мы с девчонками тут рядом нашли отличный бар, надо его проверить!»), поэтому я подумала, что пришли за ней. Услышала голоса в прихожей, потом хлопнула дверь.

Мы с Яном сидели на кухне, пили чай – «с осенними ягодами, пора переходить на горячие напитки!» – и выбирали сериал для просмотра перед сном. Было тепло, пахло специями и травами... Почти как у бабушки дома.

Тут скрипнула дверь в коридор. Я обернулась... и замерла. На пороге кухни стоял Даня и, прищурившись, смотрел на нас. У него был очень злой, как будто стальной, взгляд. Руки он держал сложенными на груди, но все равно было видно, как подрагивают пальцы.

– О, явился-таки, – мило улыбнулся ему Ян, встал и потянулся к шкафу за еще одной кружкой. – Чай будешь?

– Пожалуй... нет.

– Еще есть вино, или можно глинтвейн сделать.

– Спасибо. – Даня прислонился к дверному косяку. – Но мне не хочется ничего пить... с тобой.

– А зачем тогда пришел? – Ян сел обратно за стол, взял из вазочки печенье и отхлебнул из своей чашки.

Даня опустил взгляд и стал очень внимательно рассматривать свои кулаки:

– Поговорить.

– Ну так говори.

– Давай выйдем из квартиры.

– А этого уже я не хочу, – улыбнулся Ян. – Вон, Ларе, наверное, тоже любопытно, о чем ты собрался со мной беседовать.

Я молча сглотнула и отвернулась к стенке. Как будто рисунок на обоях внезапно стал очень интересным.

– Тебя что, не напрягает, что я с ней общаюсь? – голос у Дани был спокойный-спокойный. Как затишье перед бурей. – Что я ухаживаю за ней, зову на свиданья, дарю цветы? Нет?

– Нет, – покачал головой Ян. – Меня все устраивает. И сама Лара вроде довольна... Или тебе, демон, неважно ее мнение?

– Важно! – рявкнул Даня. – Очень важно! Особенно если считать, что мнение тут есть только у нее! Она может решать или не решать, выбирать или не выбирать, а нам с тобой никто этой возможности не дал!

Он говорил так яростно и зло, что мне показалось, еще чуть-чуть – и он меня ударит. Или просто разнесет тут все на кусочки. А еще я

просто задохнулась от несправедливости. Мнение только у меня? Так почему тогда вы оба говорите обо мне в третьем лице?!

– Совсем не... – Я начала вставать, но Ян поймал мою ладонь и сжал горячими пальцами. Потянул обратно.

– Лара, он тебя специально злит. Как и меня.

– Зачем?

– Хочет драться. – Ян пожал плечами. – Я ж говорил тебе, большинство демонов только и ждет, чтобы...

– Боишься пообщаться со мной как демон и прикрываешься правилами игры? – прошипел Даня. – Тогда давай разберемся как человек с человеком. Как мужчина с женщиной.

– Очень, очень экспрессивное выступление. Нет.

– Ты ее не любишь, ты ею пользуешься!

– Как и ты. – Ян невозмутимо подкинул печеньку и поймал ртом. Быстро прожевал и облизнулся. – Украл ее отражение и пытаешься выдать сходство за истинные чувства.

Тут Даня сжал кулаки и шагнул вперед.

За окном завыл ветер, и задрезало стекло. Я оглянулась. С крыши дома напротив сорвало гигантский кусок рубероида и швырнуло вниз. Завизжали сигнализации у припаркованных машин. За стеклом закручивался настоящий смерч, вверх летели ветви деревьев, грязные пакеты, газеты, пыль...

Рядом раздались шипение и треск, будто помехи, будто кто-то не мог поймать радиоволну. Я повернулась и посмотрела на Даню. Он сделал еще шаг. И еще один. Демон шел словно против ветра. Словно он сам был не порождением стихии, а ее врагом. А его тело... По лицу бежали маленькие черные трещины, а вся фигура вздрагивала и мигала. Как будто пыталась исчезнуть из этого мира.

От ветра распахнулась форточка, громко хлопнула, и разбилось стекло. В кухню ворвался ветер с дождем, замигала лампочка на потолке, а по стенам побежали крошечные молнии. Даня сделал еще шаг.

Я не понимала, что происходит. Что мне делать? Бежать? Отталкивать его? Кричать «прекратите»? Сжала перед собой ладони и нащупала колоду. Она была горячая, как огонь, и пальцы тут же закололо.

Посреди творящегося хаоса сидел Ян и размеренно мешал ложечкой в чашке с чаем. Еще он улыбался.

Когда же Даня сделал следующий шаг и коснулся Яна, раздался громкий хлопок, а сквозь мои ладони будто прошла невидимая волна. Даню отшвырнуло в коридор, смяв, как бумажную фигурку, снова хлопнула ощерившаяся битым стеклом рама, и за окном стало тихо.

– И на что он надеялся? – пробормотал Ян, морщась и разглядывая разбитую форточку. – Что дурацкая страсть сможет сломать вечные правила игры? Идиот.

Я отвернулась и положила на колени колоду. Дрожащими пальцами развернула бумагу. Две верхние карты, лицом вверх, все еще были на месте. Только одна немного обуглилась по краям. Я встала и медленно – ноги дрожали – вышла в коридор. Там было пусто.

На следующий день в универе Дани тоже не было.

И через неделю.

И через две.

Но я почему-то продолжала просыпаться каждое утро от писка будильника, с трудом поднималась с кровати и ехала на учебу, зевая и чувствуя себя как недоделанный зомби. Не знаю, на что я надеялась. Но мысль о том, что я больше никогда не увижу этого дурацкого, человеческого, злого, очень похожего на меня демона, казалась мне слишком плохой, чтобы так просто сдаться и разрешить ей поселиться в голове.

16.5

В начале третьей недели демон наконец объявился. Он пришел на занятия и демонстративно уселся в другом углу аудитории, не глядя в мою сторону. А я испытала такое облегчение, будто гора с плеч свалилась. Но чтобы сразу подойти к нему... на это смелости не хватило.

Весь день мне казалось, что он на меня смотрит. Я чувствовала взгляд, но как только поднимала голову, Даня делал вид, что по уши занят другими делами. Перед последней парой я все же решилась с ним заговорить и ждала в коридоре, но его все не было. Потом прозвенел звонок. Прошла минута, две, три... Я на мгновение

задумалась и решилась. Залетела в аудиторию, схватила рюкзачок с парты и, скомканно извинившись перед преподавом, сбежала с занятия.

С любимого факультатива по детской психологии, между прочим!

Я точно знала, куда надо ехать. Обзорная площадка. Если он там, значит, случай на нашей стороне и получится расставить точки над «і». А если нет... Значит, попытаюсь в другой раз. Я снова чувствовала прилив энергии, перестала быть сонной мухой и... Да, положив руку на сердце, эта версия Лары мне нравилась гораздо больше, чем та, которая постепенно закукливалась в уютном гнездышке и впадала в зимнюю спячку. Но, что бы там ни говорила Ольга, я не могла отрешиться от мысли о том, что личность демона тоже имеет значение. Огромное значение.

Если поддаться «голосу разума» и бросить Яна, то какие сюрпризы поджидают меня за углом? Какие ночные кошмары явятся во плоти? И через сколько недель... нет, дней, мне надоест бояться и переживать за сумасшедшего, рискованного демона?

Я шла к обзорной площадке и смотрела на облетающие деревья. Как же мне хотелось повернуть время назад, попасть в прошлое – чтобы вокруг цвела весна – и стать прежней, беззаботной Ларой, для которой самая большая проблема – написанная на четверку контрольная. И никаких мировых катаклизмов, кровавых битв и ночных кошмаров на горизонте. По щекам текли слезы, но я предпочитала думать, что это из-за холодного ветра... а не от безысходности.

Даня был там. Стоял у парапета и кидал вдаль плоские камушки, один за другим. Как будто раскинувшаяся перед нами Москва была морем. Я подошла и встала рядом. Не глядя, демон протянул мне руку. В ладонь легла гладкая белая галька с пятнышками слюды. Я размахнулась и неловко бросила ее... никогда не умела швырять по волнам «блинчики», мои всегда тонули после первого-второго раза. А тут камушек заскакал по воздуху, будто отталкиваясь от невидимой воды.

– Прикольно, – сказала я.

– Ага, – ответил демон.

– Я просто...

– ...хотел поговорить.

Мы сказали это хором, разом повернувшись друг к другу. И засмеялись.

Даня взял меня за шарф, притянул к себе и поцеловал. Легко и осторожно-осторожно, едва касаясь губами, как будто боялся спугнуть. И тут у меня из головы вылетели все разумные вопросы, которые я собиралась задать. Я гладила его по волосам, прижималась щекой к щеке, зажмурившись, и только и могла шептать: «Зачем? Зачем?»

Возможно, это были разные «зачем». А может, одни и те же.

– Где ты живешь? – спросила я шепотом.

– Недалеко.

– Ты напоишь меня кофе?

– Если он у меня есть, – засмеялся демон. – Чайник вроде был, а вот насчет кофе...

Не договорив, он взял меня за руку и повел прочь по аллее.

Жил демон в бело-синей высотке на Мосфильмовской, в студии на одном из последних этажей. Мебели там почти не было, кухонной утвари тоже. Рабочий стол с компьютерным креслом, кровать и барная стойка. Жилище, в которое явно приходят только переночевать. Если вообще приходят.

И гигантское панорамное окно, от которого ощутимо тянуло холодом. Стекла чуть слышно дребезжали и пели под порывами ветра. Смотреть наружу было немного страшно... а еще там было ужасно красиво. Страшно красиво. Вот оно, правильное сочетание.

Даня медленно размотал на мне шарф, расстегнул куртку, сложил ее на стол и невинно спросил:

– Ну что, будем пить кофе или как? Я нашел пакетик с растворимым «Нескафе» от прошлых жильцов!

– Или как, – ответила я.

16.6

Сначала это было похоже... на оптический эксперимент. Или гадание с двумя зеркалами. Когда ставишь их напротив друг друга и попадаешь в бесконечный коридор отражений в отражениях. Ведь мы были так похожи – и хотели сейчас одного и того же. Остро. Сильно. Безрассудно.

Демон прикасался губами к ямке у меня на шее, гладил ключицы кончиками пальцев – и меня просто трясло от того, как он читал мои мысли и предугадывал каждый следующий шаг. Мы будто танцевали идеальный танец, который репетировали всю жизнь до этого. Он вел, крепко обхватив меня руками и направляя, а я слушалась и подчинялась. Пальцы бежали по спине, гладили тело сквозь одежду, колдовали над молниями и пуговицами. За окном бесновался ветер, над городом закручивались багрово-черные тучи, а мы... мы были в самом эпицентре, в оке шторма.

Даня подхватил меня на руки и прижал спиной к стеклу, в глазах его отражались черное небо и разряды молний. Стиснув зубы, стащил с меня одежду – а я с него. Кожа у демона была прохладная, а если быстро провести по ней ладонью, от плеча вниз, по косой мышце живота к бедру, под пальцами начинало искрить и пахло озоном. В голове у меня вновь стало легко и весело, будто там лопались пузырьки шампанского. Мне хотелось смеяться и делиться этим смехом с Даней, делиться с ним внезапным счастьем, которое переполняло меня до краев.

Он задыхался, как будто прибежал, прилетел ко мне сквозь бесчисленные миры и века, и прижимал к себе жадно и сильно, как долгожданную добычу. И одновременно гладил так нежно, целовал так осторожно, словно я была хрупким видением, неясным сном, который может растаять в следующее мгновение.

Одежда упала на пол, мы сплелись в объятиях и почувствовали друг друга каждым сантиметром кожи, каждой клеточкой, каждую секунду... Мы уже были единым целым – и одновременно противоположностями, бурей и штилем, альфой и омегой сущего. Я смотрела в его глаза и видела там себя. А потом Даня подхватил меня за бедра, приподнял и резко опустил вниз. Я охнула, крепче обхватила его за шею и рассмеялась, закинув лицо вверх. Мы двигались быстро, сильно, не пытаясь затормозить или оттянуть момент общего наслаждения... Это было ярко, глубоко, безжалостно. Внутри меня закручивался вихрь, требовал еще и еще, я дрожала, будто в ознобе, будто меня раз за разом било током, мне хотелось сильнее и больше, и глубже, до боли, до грани, за которой сливаются не только тела, но и души.

А затем я вдруг сама стала вихрем, взорвалась на атомы и вновь собралась воедино, а за спиной развернулись невидимые крылья. Даня застонал и поцеловал меня, и в этот миг мы зависли во времени и пространстве, между небом и землей, в центре Вселенной. Демон счастливо засмеялся, отнес меня на кровать и нежно уложил, сам опустившись рядом.

Мы сцепились пальцами и тяжело дышали, возвращаясь к реальности.

За окном лил дождь.

И мне казалось, в тот момент мне действительно казалось, что это хрупкое счастье можно сохранить. Я запустила пальцы в его волосы, зажмурилась от удовольствия и сказала:

– Слушай... Может, нам...

– Что?

– Ты... ты украл все мои слова! Унес прочь порывом ветра. – Я потерлась щекой о его щеку. – И как мне теперь с тобой разговаривать?

– Говори, как получится. А я постараюсь понять.

– Я... я думаю, что не смогу с тобой жить. Потому что боюсь.

– А я не смогу жить ни с кем, кроме тебя. Иронично, правда?

– Почему?

– Потому что меня приговорили к тебе в тот миг, когда карты попали к тебе в руки. Я люблю только тебя. И хочу, чтобы ты была моей. Только моей.

– Может, со временем ты сможешь... измениться? – Я облизнула губы. Почему-то в горле ужасно пересохло, и говорить удавалось с трудом.

– Как именно... измениться? – Даня говорил спокойно, но в воздухе снова запахло озоном.

– Меньше рисковать. Не заигрывать со смертью. Не...

– То есть предать свою сущность? Закрывать ее на ключ в темной комнате, а ключ выбросить? Или нет, отдать его тебе? Ты же у нас великая повелительница демонов?

– Даня... – Я отодвинулась от него. Села, прижимая к груди простыню. – Зачем ты так?

– Я вот одного не пойму, – голос у него уже дрожал от сдерживаемой ярости. – Меня ты целиком принимать не хочешь. Не можешь. А сэнри, который каждую ночь жрет тебя, пьет твою жизнь,

питается тобой... он тебя на сто процентов устраивает. Он достоин того, чтобы с ним жить. Его ты не боишься.

– Боюсь! Но...

– Что «но»? Не бывает идеальных демонов! Как и людей идеальных тоже не бывает! Это все... – Он зажмурился и сжал кулаки. – Это все дурацкая теория. Правила игры. А здесь и сейчас есть ты. И есть я. Я люблю тебя. Но я не готов жертвовать своей сущностью, своей свободой ради тебя. Ясно?

– Абсолютно ясно, – ответила я.

Встала и пошла одеваться. У меня это не слишком хорошо получалось. Руки дрожали, не попадали в рукава рубашки, пуговицы на куртке не желали застегиваться. И шарф не желал наматываться. Но я справилась.

– Лара, – сказал он мне в спину, когда я уже подошла к двери.

– Что?

– Я не отступлюсь. Я буду пытаться снова и снова. Просто хочу, чтобы ты знала.

– Знаю, – ответила я и ушла.

Мне было больно. Я злилась. Ненавидела весь мир и себя. Зачем я вообще завела этот разговор? Можно было молчать. Умалчивать. «Обманывать друг друга, – тут же подсказал внутренний голос. – Делать вид, что все в порядке. А между тем ничего не в порядке. Пока ты не решилась». И мне даже не хотелось с ним спорить. Потому что он был прав.

По дороге домой я дождалась момента, когда настроение начало меняться. Той самой секунды, где пролегла грань между одной Ларой и другой. Между сферами влияния двух демонов. На ближайшей станции вышла из вагона метро и поднялась на поверхность. Дождь уже перестал. Вечерело. Мне казалось, что я провела у Дани совсем немного времени, а на самом деле – несколько часов. По улице расползлся туман, и мир становился нереальным, неясным, будто ненастоящим. Я достала из рюкзака телефон и позвонила.

– Привет, – весело ответила в трубке бабушка. – А я как раз думала, что-то давно тебя не слышно.

– Привет, – ответила я и села на скамейку. – Тут начался учебный год и творится всякое.

– Дела сердечные?

– Почти. Слушай, я хотела спросить... И не шути про гугл, пожалуйста, я серьезно.

– Слушаю. И даже Матвей слушает. Вон, наострил уши.

– Если бы ты ввязалась в игру, правил которой сначала не знала, а потом они оказались слишком дурацкие... И выйти из игры тоже нельзя. Что бы ты делала?

Бабушка на минуту задумалась. Потом ответила:

– Я бы постаралась перевести игру на свое поле.

– Это как?

– Если не нарушать правила настольного тенниса, но играть в него на поле для большого – это забавно и нелепо. Так же как гонять футбольный мяч на ледовой арене или бегать стометровку по потолку. Сначала все обалдеют, а потом, глядишь...

– ...Глядишь, и выход найдется, – пробормотала я.

– Или спортсмены войдут во вкус.

– И зрители. – Я поднялась со скамейки. – Спасибо, ты мне очень помогла.

– Приедешь на выходных?

– Постараюсь. – Я посмотрела на небо, где уже начинали зажигаться звезды. – Точнее, обязательно приеду. Пока.

Потом сразу набрала Женечку:

– Привет. Можно тебя попросить кое о чем?

– Привет. Да, конечно. А ты...

– Найди, пожалуйста, старый будильник... Он, по-моему, на антресолях, за елочными игрушками. Заведи его на три часа ночи. И положи мне под подушку. И главное, не напоминай мне об этом, когда приду домой.

– Ого. А зачем?

– Потом расскажу. И еще... – Я замялась. Вдруг решил, что я совсем сумасшедшая... От этой мысли мне стало так смешно, что я расхохоталась в голос. Господи, меня до сих пор волнуют вот такие вот мелочи? Значит, еще не все потеряно! – И перед тем как отнести будильник ко мне в комнату, обязательно покажи его Мышке.

– Я поняла. Это какой-то магический ритуал?

– Он самый.

И пошла ко входу в метро. Надо было возвращаться домой, где меня очень ждал Ян. Наверняка очень-очень голодный.

Во сне было тепло и уютно. Мы с Яном целовались на мягкой медвежьей шкуре у камина. Тихонько потрескивали дрова, в комнате пахло горящим деревом и яблоками. На полу стояло блюдо с фруктами, ведро со льдом и низкие бокалы с золотистой кашасой. Я лениво накручивала на палец волосы демона и тонула в сладком дремотном мареве.

Вдруг полено в камине громко треснуло и стрельнуло угольком. Потом второе.

– Что за... – Ян оторвал губы от моей груди и оглянулся.

Канонада от взрывающихся поленьев становилась все громче, из огня во все стороны полетели искры, один уголек прилетел на шкуру и поджег ее, я вскрикнула и... проснулась.

Под подушкой надрывался будильник. Его звонок выдернул меня из сна грубо и очень действенно. Вытащил в реальность, встряхнул и взбодрил так, что хотелось кого-нибудь срочно стукнуть. Я моргнула несколько раз, протерла глаза и рывком села на кровати. Обернулась, потянулась к подушке, чтобы выключить проклятый будильник, и замерла... Кажется, что у меня все же не получилось проснуться. Или...

В темноте было отчетливо видно, что вмятину от моей головы на подушке наполняло сияние. Больше всего это было похоже на жидкий свет, в котором плавали крошечные искорки. Сияния было так много, что оно стекало по краю подушки и ниже, капало с кровати и собиралось на полу продолговатой лужей. Я тронула затылок, поднесла пальцы к глазам... Как будто измазалась в фосфоресцирующей краске. Что это?

Тут будильник заткнулся сам, и снизу, из-за границы света, послышались громкое чавканье, причмокивание и плеск. Как будто гигантская кошка лакает воду из миски. Глаза потихоньку привыкали к темноте, и я начала различать чей-то силуэт. А потом он сделал шаг вперед...

Огромный леопард поднял морду от светящейся на полу лужи и уставился на меня. Как на кусок мяса. Сочный, вкусный, аппетитный кусок живого мяса, у которого нет судьбы иной, чем быть съеденным. В глазах у леопарда горел лютый, неутолимый голод.

«Вот как это выглядит на самом деле, – нервно хихикнул внутренний голос. – Во сне у вас секс, а наяву вот эта клыкастая тварь пьет твой внутренний свет. Круто, да?»

– Круто... – пробормотала я.

Леопард рыкнул, прижал маленькие круглые уши к голове и мягко шагнул ко мне. Ближе. Еще ближе.

Убегать было некуда. Я вжалась в стену и сжала кулаки, прекрасно осознавая, что у меня нет ни одного шанса отбиться от голодного сэнри, у которого буквально кусок изо рта вынули. И он на это зол. Очень зол.

Громко скрипнула входная дверь. Темноту прорезал луч света из коридора, и тут же раздался громкий воинственный мяв. Мышка! Точно, я же просила показать ей будильник... В этот миг я окончательно вынырнула из сонного марева и задохнулась от ужаса и отвращения. Как я могла дойти до такого? Стать едой для демона и считать это хорошей судьбой? Seriously?

– Мя-а-а-ау-у-у-у-у! – повторила боевой клич бесстрашная кошка.

Леопард обернулся к ней и занес огромную когтистую лапу, чтобы ударить маленькую дерзкую Мышку. Ну уж нет!

Я зашипела от злости, мигом нащупала под подушкой колоду карт, выдернула одну из свободных и, удостоверившись, что на ней горит нужное имя иероглифами, порвала ее на две части. А потом на четыре. И для пущей верности – на восемь.

Стряхнула с простыни картонные кусочки, сползла с постели, уселась на пол и разрыдалась. Мышка подбежала ко мне и стала громко мурлыкать, трогать лапкой и тереться о щеку носом – как будто утешала. Золотистое сияние постепенно развеивалось, и комната становилась совсем обычной... как раньше. Я шмыгнула носом и прошептала в темноту:

– А еще ты хотел ударить Мышку. Не стоило.

16.8

Немного успокоившись, я поняла, что снова заснуть у меня вряд ли получится. Да и вообще, я теперь долго еще буду опасаться

засыпать... Мало ли что может произойти с телом, пока разум блуждает среди иллюзий? Пусть даже самых приятных.

Я притащила на кухню ноутбук, сварила какао, высыпала в кружку почти целую горсть маршмеллоу и открыла документ с правилами игры. Нужно перечитать все еще раз. Пересмотреть все заметки, вспомнить мельчайшие детали из разговоров с Ольгой и понять, сработает ли штука, которую я придумала.

Мне было ужасно беспокойно, и внутренний голос тут же начал вести подрывную работу: «Лара, мы ведь только избавились от главной проблемы! Может, передохнём? Может, весь остальной мир подождет?»

– Не подождет, – отрезала я. Пока решимости хватает, надо этим пользоваться.

Мышка честно поддерживала меня. Лежала, свернувшись, на столе и непрерывно урчала. Мол, если что, я тут, я с тобой.

В восемь утра на кухню вышла Женечка и широко-прешироко зевнула.

– А где завтрак? – спросила она.

– Там же, где и обед, – ответила я, жуя бутерброд с последним кусочком сыра. – А также ужин. И следующий завтрак.

– Ужин отдай врагу... – пропела она и полезла в холодильник. Там было ужасно пусто. Ян собирался за покупками как раз сегодня с утра.

– Враг его сам забрал, меня не спрашивал, – ответила я и потянулась за кружкой с какао. Уже четвертой по счету.

Скептически оценив ее размеры и размеры кругов у меня под глазами, Женя хмыкнула, сложила два и два и спросила:

– У тебя был ночной ритуал по изгнанию Яна?

– Типа того.

– Ты била его будильником и кошкой с размаху? А то кто-то потрясающе боевито выглядит... ты ж несколько недель не совалась на кухню, да, Мышильда?

– Мяу!

– Нет, это Мышка била его будильником, а я держала. Или нет. Будильник бил его мной, а Мышка...

– Ты точно пила только какао? – заглянула Женечка ко мне в кружку. – А то градус бреда сногшибательный.

– Очень на это надеюсь, – пробормотала я и ушла собираться. И первый раз, не надеясь на магию карт, сама аккуратно сложила их в рюкзак.

Крикнула Жене из прихожей:

– Тебя не жду, прости! Мне надо пораньше... В универе увидимся, хорошо? – и вышла из квартиры, не дожидаясь ответа. Очень надеюсь, что все же увидимся.

Я не стала договариваться с Даней о встрече по телефону. Приехала и ждала его на крыльце. Когда-то, в седьмом классе, я так же ждала мальчика, который мне нравился. Врала родителям, что в школе временно изменили расписание уроков и сдвинули их на полчаса, приезжала заранее и сидела на парапете рядом с перилами. Думала, что, может, тот мальчик... он заметит меня и заговорит первым. Или придумаю повод для разговора. Или мы случайно столкнемся лбами, когда кто-нибудь уронит шапку... знаете, как бывает в романтических фильмах? Но почему-то этого не случилось. И я не решилась ни на что. Настойчивости и смелости не хватило. Мне их всю жизнь не хватало. А через полгода он и вовсе перешел в другую школу... наверное.

– Привет.

Я подняла глаза и увидела Даню. Он стоял на расстоянии пары метров и осторожно улыбался. Как будто не знал, чего от меня ждать.

– Привет. – Я протянула ему руку. – Давай сбежим с занятий?

– Ого. А что ты сделала с прежней Ларой? – засмеялся он. – Ну, с той, которая самая прилежная студентка и никогда не прогуливает пары по собственной воле.

– У нее выходной.

– И куда мы пойдем?

– Тут есть кафе... Совсем недалеко. С крутым десертом. И я все никак его толком не попробую.

– Серьезный повод, – кивнул Даня. – Пошли.

И мы отправились в «Рафинад». Там снова поменялся интерьер: с потолка свисали гирлянды оранжево-красных листьев, на столах в вазах стояли веточки рябины, а на полу тут и там виднелись плетеные корзины с райскими яблочками. Уселись за дальним столиком в углу, дождалась официанта, и я сразу сделала заказ, не глядя в меню. Два кофе и фирменный десерт. Потом сцепила перед собой дрожащие руки

и посмотрела в глаза Дане. Здесь эта история началась, здесь она должна и закончиться. Если получится ее закончить, конечно.

– Ты так смотришь, как будто хочешь мне что-то сказать. – Даня вопросительно поднял брови. – Что-то в духе вчерашнего?

– Наоборот, – ответила я. – Надеюсь тебя порадовать.

*«Он радуется твоему приходу, протягивает тебе руки,
Целует тебя, ласкает тебя,
Но ты спроси его имя,
И если он из сих, из сыновей Нейт, то не верь ему...»*

Так звучало предупреждение в Тексте пирамид. Не верь. Любой демон врет. Во многом ли. В малом ли. И мне казалось, что я знала... в чем именно мне соврал Даня. Если нет, то ошибка будет дорого стоить.

«Сила хозяйки колоды не в том, чтобы выбрать! Сила в том, чтобы отказаться...» – именно так говорила Ольга. Тогда я подумала, что она имеет в виду самих демонов. Но что, если...

Когда Даня пытался нарушить правила игры и первым напасть на Яна, я почувствовала, как отозвались карты на его приближение. То есть не только колода влияла на демонов. Но и наоборот.

«Вам хочется то ли поменять все, то ли исправить, то ли выбрать другую дорогу. Когда колесо судьбы поворачивается... скрип слышен особенно хорошо», – после этих слов Ольга отдала мне карты. Должно быть, их может принять только та, кто хочет и может изменить мир вокруг себя. Или элемент мира. Или не та, а... тот.

– У меня есть подарок, – сказала я. Полезла в рюкзачок. Руки так сильно дрожали, что я никак не могла расстегнуть молнию. Потом все же справилась, уцепилась за сверток в папиросной бумаге и вытянула его наружу. И быстро, чтобы не передумать, положила на салфетку перед демоном. – Вот. Это тебе.

Даня сглотнул. Осторожно коснулся карт. Взял свою, потрепанную и обугленную по краям, и уставился на пустое поле.

– Ты серьезно?

– Абсолютно. Только ты должен еще сказать «дай сюда». Или что-то вроде того.

Даня закинул голову и расхохотался. Громко и искренне, на все кафе, так, что посетители стали на нас оборачиваться. А потом весело сказал:

– Дай сюда!

Ухватил колоду, прижал к груди и снова рассмеялся.

Порывом ветра распахнуло дверь, истерически зазвенел колокольчик над ней, с потолка полетели гирлянды листьев, и задрезжали стекла. А демон рассыпался, развеялся со звоном на тысячу смешков, и их унесло прочь.

Я осталась за столиком одна.

Через минуту официант принес заказ, поставил передо мной кофе и тарелочку с десертом, взял вторую чашку...

– Извините, – сказала я. – Мой друг... ему пришлось срочно уйти. Второй кофе не нужен. Не волнуйтесь, я заплачу за оба.

– Ну что вы. – Официант вежливо и понимающе улыбнулся. – Пусть будет за счет заведения. Кстати, хотите нашу карту постоянного клиента?

– Хочу.

И уж в этот раз я съела весь десерт, медленно и вдумчиво.

Карамельная корочка. Ванильный крем. Кисло-клюквенная сердцевинка.

Я была права. Когда Даня говорил, что будет добиваться меня до последнего, он лгал. Потому что настоящая сущность ветра – свобода. И конечно, обретя шанс, которого не было ни у одного из демонов до него, он не мог им не воспользоваться. И заодно избавил меня от проклятия этой смертельно опасной игры. В конечном счете все оказались в выигрыше. А любовь... Я наклонилась над столом и смотрела, как слезинки падают в тарелку одна за другой.

Потом вытерла щеки, встала, оставила на столике деньги и вышла на улицу.

Там ярко светило солнце, по синему небу плыли белоснежные кучевые облака, и прохожие шагали по тротуарам, держа в руках куртки и кофты... Наступило бабье лето.

Эпилог

Первые несколько дней мне было радостно и легко на сердце.

«Хотела избавиться от колоды? – пел внутренний голос. – Ты от нее из-ба-ви-лась! О-ла-ла!»

У меня даже получалось не слишком часто вспоминать о Дане. Я просто запрещала себе думать о том, что демон меня бросил. Теперь все, случившееся с начала июня, казалось темным, тяжелым кошмаром, вынырнув из которого, я обнаружила, что обычная жизнь прекрасна в своей простоте и предсказуемости.

Потом ощущение новизны от нормальности потускнело, и дни стали казаться мне ужасно пустыми. Пресными. Скучными. А еще меня абсолютно перестали привлекать обычные мужчины. Наверное, потому, что любой из них проиграл бы демону в искусстве любви и страсти. Заранее. Еще до начала схватки, если бы таковая случилась. И пусть люди в большинстве своем более безопасны, а некоторые даже почти не врут... Сравнить их с удивительными полубожественными сущностями было сложно.

Но я надеялась, что когда-нибудь этот эффект пройдет.

Учеба занимала почти все время. К тому же я нашла подработку на кафедре социальной психологии и по уши погрузилась в разработку и программирование тестов. Проверяла их на Женечке, которая отвечала очень изобретательно, чтобы сломать систему.

Мы продолжали вместе снимать квартиру, только пообещали друг другу, что пускаем в гости лишь близких, проверенных друзей. Встречи с остальными – на нейтральной территории. Однажды вечером я на полном серьезе попросила Мышку восстановить защитные знаки на двери и уверена, что ответное «мяу» означало «да».

Потом в один прекрасный день Женечка притащила домой малюсенького белого котенка с полосатым лбом.

– Знакомься, Мышка, – пробормотала она, выгружая детеныша из переноски. – Это твоя младшая сестра.

– Мяу? – удивилась Мышка.

– Зачем тебе две кошки? – поинтересовалась я.

– Кто бы спрашивал! – возмутилась Женя. – Я тут решила окончательно и бесповоротно смириться с тем, что Мыша выбрала тебя. Спит с тобой, ест с тобой, мурчит с тобой, а мне – «мымымыф, жрать давай!» Ну уж нет. Теперь можешь официально считать ее своей. И не вздумай покушаться на мою новую прелес-с-с-сть...

И пощекотала бело-розовое мягкое котячье пузико.

– Как же ее будут звать? – спросила я и почесала свою... официально и бесповоротно свою кошку между ушами.

– Конечно, Жучка! – радостно ответила Женечка.

Ну кто бы сомневался.

Кстати, она – Женя, а не Жучка – все же рассталась с Никитой и стала встречаться с барабанщиком из Fall High. Он неизменно передавал мне приветы, приглашения на концерты, а иногда вопросы – может, я все же знаю, ну хотя бы представляю или могу предположить, где искать Алика?.. Однако боюсь, что ответ «где-то внутри сэнри» его бы вряд ли устроил.

Проходя мимо «Рафинада», я каждый раз заглядывала в окна, надеясь увидеть за столиком Ольгу. Мне казалось, что теперь, когда мы обе свободны, у нас нашлось бы много интересных и странных тем для разговоров, на которые с другими людьми не пообщаешься. Однако больше мы не встречались.

Я нашла в телефоне номер эльфа-хипстера-стилиста, написала ему и узнала, в каком салоне он принимает клиентов. Узнав цены на стрижки, чуть не умерла на месте, но все же собрала волю в кулак, записалась на удачно освободившееся окно, потратила все накопления и еще заняла у Женечки. Но потом смотрела на себя в зеркало, улыбалась и понимала: оно того стоило. И принесло мне радости и пользы куда больше, чем мог бы принести какой-нибудь психотерапевт, к примеру. К которому я не пошла и не жалею. В самом деле, как бы выглядел наш разговор? «Доктор, у меня внутри были демоны. Нет, не в том смысле, что внутри меня, а в том смысле, что во время секса...»

В ветреные дождливые дни мне было ужасно грустно и хотелось плакать, какао иногда спасало, иногда нет. Бабушка подарила теплый серый плед «для долгих осенних вечеров», и когда мне было особенно печально, мы с Мышкой устраивали на кровати мягкое шерстяное

гнездо. Она громко мурчала, а я слушала аудиокнигу и гладила хитрющую мордочку.

Раны на сердце потихоньку затягивались, и страшные сны приходили ко мне все реже и реже.

А потом холодным ноябрьским утром я проснулась оттого, что громко распахнулась створка окна. Мышка зашипела и скатилась с кровати, а я, все еще ничего не понимая, потянулась и...

– Привет, – сказал Даня. Он сидел на подоконнике и покачивал скрещенными ногами. Вперед-назад.

– Привет.

– Ты завела специальную антидемонскую кошку?

– Нет, она у меня давно живет. Так получилось.

– Я тут подумал... – сказал Даня и спрыгнул в комнату, не обращая внимания на предостерегающее шипение. – Ты сделала мне такой подарок, а я тебе – ничего. Это неправильно.

Мне стало холодно и пусто, а щеки заледенели. Правильно. Неправильно. Какое теперь это имеет значение?

– Зачем ты пришел? – тихо прошептала я.

– Ты все еще хочешь... чтобы я изменился? Может, у меня получится? Может, тогда у нас есть шанс? Если, конечно, ты меня все еще любишь.

– А ты? – Я подошла к нему и замерла, не в силах сделать последний шаг навстречу. Мне было страшно.

– Мне тоже страшно, – ответил он.

А потом мы одновременно сказали:

– Люблю.

И когда он целовал меня, когда я гладила его волосы, когда пальцам было щекотно от крохотных молний и в комнате пахло грозой... В этот момент я не боялась ничего. Потому что в этот раз у нас был шанс. Только у нас самих. Вне рамок, правил и проклятых игр.

– Ай! – вскрикнул Даня. – Она меня кусает!

Мышка висела у него на штанине, как маленький волкодав... то есть ветродав, и воинственно рычала.

– Мышунь, – сказала я. – Он свой.

И зачем-то заплакала. От счастья.

notes

Notes

1

Барон Скарпия – злодей из оперы «Тоска» Пуччини. В первом акте показательно вежливый и любезный, во втором – угрожающий и жесткий. Яркий, безумный, но при этом странно обаятельный персонаж. (*Прим. авт.*)

Ник Шэдоу – злодей из оперы «Похождения повесы» И. Стравинского. Очаровательный в первом акте, лживый во втором, в третьем он открывает главному герою Тому истинную сущность и признается в том, что он сам дьявол, который в качестве оплаты заберет себе душу. Однако он готов дать Тому шанс, если тот сумеет обыграть его в КАРТЫ. Тому везет, и он выигрывает. Проигравший Ник спускается в преисподнюю, в отместку наложив на Тома проклятие безумия. Того отправляют в сумасшедший дом, где он через некоторое время умирает. (*Прим. авт.*)

Ария первосвященника Каиафы из рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда». Называется «Заговор Каиафы», по ходу дела первосвященники договариваются о том, что необходимо как можно быстрее убить Иисуса. (*Прим. авт.*)

При византийской императрице Феодоре в 541 году разразилась первая в истории человечества пандемия чумы (Юстинианова чума). При английской королеве Филиппе – вторая пандемия («черная смерть»), пик ее пришелся на 1346–1353 годы. В 1918 году, когда президентом США был Вудро Вильсон, а первой леди – Эдит Вильсон, в Америке были зарегистрированы первые случаи «испанки», которая потом уничтожила миллионы людей по всему миру.

В последних абзацах главы, когда Лара говорит (гипотетически) про «Алиэкспресс» и китайцев, Влад абсолютно счастлив: сказанные в сердцах слова – это ж классный повод инициировать там новую пандемию какого-нибудь смертельного вируса...

Короче, вот такой подвох. Упс. *(Прим. авт.)*

Волк Романьи – прозвище Сиджизмондо Пандольфо Малатесты, самого известного из итальянских кондотьеров своего времени, правителя Римини, Фано и Чезены. В 1460 году папа римский отлучил его от церкви, объявив отродьем дьявола, обвинил во всех грехах, в том числе в инцесте и содомии. Считали, что Малатеста отравил двух своих жен. Персонально против Волка Романьи был объявлен крестовый поход, причем победить его не могли на протяжении трех лет. Скорее всего, он был не человек, а демон, ибо совсем не считался с мнением церкви и творил все, что ему заблагорассудится. Папа Пий II так писал о нем: «В его глазах брак никогда не был священным. Он сходил с замужними женщинами, детей которых раньше крестил, а мужей их он убивал. В жестокости он превзошел всех варваров. Он теснил бедных, отнимал имущество у богатых, не щадил ни сирот, ни вдов – словом, никто во время его правления не был уверен в своей безопасности. Его подданные признавались виновными за то, что у них есть богатства, жены, красивые дети. Он ненавидел священников, не веровал в будущую жизнь и считал, что души людей погибают вместе с телом». (Прим. авт.)